

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРНЫЙ (АРКТИЧЕСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА»

На правах рукописи

Хорошев Анатолий Алексеевич

**СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ПЕРЕМЕЩЕННЫЕ ЛИЦА В
ФИНЛЯНДИИ, 1939-1955 ГГ.**

5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Трошина Татьяна Игоревна

Архангельск - 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ПЕРЕМЕЩЕННЫЕ ЛИЦА В ФИНЛЯНДИИ, 1939 -1944 ГГ.	33
1.1. Формирование контингента советских военнопленных в Финляндии и международно-правовые основы их содержания.....	33
1.2. Система лагерей для военнопленных в Финляндии	46
1.3. Проблема смертности среди советских военнопленных	65
1.4. Советские перемещенные лица в Финляндии, 1941 - 1944 гг.....	86
ГЛАВА 2. РЕПАТРИАЦИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ ИЗ ФИНЛЯНДИИ В СССР, 1944 – 1955 ГГ.	108
2.1 Вопрос о репатриации в ходе советско-финляндских мирных переговоров 1944 г.....	109
2.2. Репатриация советских военнопленных в СССР, 1944 – 1955 гг..	116
2.3. Работа с советскими перемещенными лицами по подготовке к репатриации на территории Финляндии, 1944–1953 гг.....	128
2.4. Процесс репатриации советских граждан из Финляндии: этапы и результаты.....	146
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	187
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	194
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	211

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. До сих пор войны продолжают оставаться способом решения конфликтов между государствами. Тысячи людей по всему миру гибнут, страдают и попадают в плен. В этой связи особую актуальность приобретает изучение исторического опыта обращения с военнопленными и перемещенными гражданами.

Во время Второй мировой войны миллионы советских солдат и офицеров оказались в плену. Так, 25 июля 1945 г. Управлением уполномоченного СНК СССР по делам репатриации было выявлено и взято на учет 1997276 советских военнопленных. Не меньше гражданских лиц были насильно выселены с обжитых территорий. По данным СНК союзных республик, подвергшихся германской оккупации, немцами на работы в Германию было вывезено 4881214 граждан Советского Союза. Судьбы многих из них сложились трагически, несмотря на попытку международного сообщества создать универсальные законы и нормы, определяющие справедливое и гуманное обращение с плененным противником и населением оккупированных территорий. На территории других иностранных государств, включая Финляндию, по окончании Второй мировой войны находилось 1148940 чел., в том числе 637684 гражданских и 511256 военнопленных¹. Многие советские граждане, оказавшиеся во вражеском плену, до сих пор числятся «пропавшими без вести». Масштаб военного плена и принудительного перемещения населения, а также сохраняющиеся пробелы в установлении судеб отдельных лиц определяют общественную и научную актуальность исследования.

Не менее значимой является проблема формирования индивидуальной памяти. После распада СССР и изменения политической ситуации у граждан

¹ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 119. Л. 18.

Российской Федерации появилась возможность получать сведения о пропавших за рубежом. Это также вызвало интерес к судьбам перемещенных лиц, оставшихся за границей, родственники которых находились во время конфликта в Советском Союзе и не знали об их судьбах.

Исследование плена и переселения граждан вражескими силами с оккупированных территорий представляет интерес с учетом «антропологического поворота» современной исторической науки, ее обращения к проблеме выживания человека в условиях военной повседневности. Речь идет о восприятии лагерной действительности, поведенческих реакциях в условиях плена, трансформации ценностных установок, межкультурной коммуникации и реинтеграции военнопленных в послевоенные общества. Применительно к гражданскому населению оккупированных территорий данный подход предполагает изучение стратегий выживания и адаптации к политике военной администрации, восприятия национальной и идеологической сегрегации, принудительного труда и пропагандистского воздействия. Идеологический характер войны определял не только отношение к пленным, но и дифференциацию населения по этническим, политическим и социальным признакам.

По решению Верховного суда Республики Карелия от 1 августа 2024 г. преступления немецко-фашистских захватчиков, оккупационных властей и войск Финляндии на территории Карело-Финской ССР в годы Великой Отечественной войны признаны геноцидом местного населения. Кроме того, с 1 января 2026 года вступил в силу Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941 - 1945 годов». В связи с этим тема приобретает особую актуальность, поскольку более 100 тыс. советских военнопленных и перемещенных лиц в период с 1939 по 1944 гг. находились в тяжелых условиях в лагерях на территории Финляндии.

Исследование истории развития системы военного плена и переселения имеет большое значение, поскольку именно период Второй мировой войны показал важность грамотно выстроенной работы всех государственных институтов для обеспечения пленными необходимыми для жизни ресурсами. В отечественной истории применительно к теме советско-финляндских отношений подобная работа проводится впервые.

Актуальность темы исследования определяет и недостаточная степень изученности длительного процесса репатриации советских военнопленных и перемещенных лиц из Финляндии в СССР.

Объект исследования – система военного плена, перемещения гражданских лиц и репатриации, сложившаяся в советско-финляндских отношениях в 1939–1955 гг.

Предмет исследования – правовое и социально-экономическое положение советских военнопленных и перемещенных гражданских лиц, условия их содержания, механизмы переселения, использования труда и последующей репатриации в системе советско-финляндских отношений 1939–1955 гг.

Хронологические рамки исследуемого периода. Исследование охватывает 1939–1955 гг. Основной период исследования – 1939–1944 гг., включающий советско-финляндскую войну 1939–1940 гг. (в финляндской историографии – «Зимняя война») и Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. (в финляндской историографии «Война-продолжение» (1941–1944 гг.); события Лапландской войны 1944–1945 гг. учитываются в той мере, в какой они влияли на передачу и репатриацию отдельных категорий лиц. Нижняя граница – 1939 г. – связана с созданием в Финляндии системы лагерей для военнопленных. Выход верхней границы за пределы Второй мировой войны обусловлен продолжением розыска, учета и репатриации советских граждан из Финляндии до 1955 г.

Территориальные рамки исследования включают территорию Финляндии в границах, определенных Московским мирным договором 1940 г. и Парижским мирным договором 1947 г., а также оккупированные финскими и германскими войсками районы Карело-Финской ССР и Ленинградской области, где происходили пленение советских военнослужащих, интернирование населения и перемещение гражданских лиц. Включение этих территорий необходимо для реконструкции происхождения лагерных контингентов и маршрутов их перемещения. Основной анализ условий содержания и репатриации сосредоточен на территории Финляндии.

Степень разработанности темы исследования. Анализ отечественной и зарубежной литературы позволяет выделить несколько этапов в развитии историографии темы. Первый этап – с 1939 г. по конец 1980-х гг. В отечественной исторической науке исследования по истории военного плена не проводились до середины 1950-х гг., что во многом было обусловлено политическими причинами. В условиях укрепления советско-финляндских отношений обе страны избегали обращения к данной теме. Выходившие в то время немногочисленные работы преимущественно касались урегулирования правовых аспектов пребывания в плену².

Началом к публикации исследований по данной тематике в отечественной историографии послужило разоблачение «культа личности» Сталина, сопровождавшееся пересмотром концепции истории войны и обращением к проблеме военного плена. Одним из первых это сделал Е.А. Бродский, изучив участие советских военнопленных в движении Сопротивления³. Исследователи этого периода также обращались к истории

² Амелин А. Б. Международно-правовое регулирование военного плена: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1954.

³ Бродский Е. А. Живые борются. М., 1965.; его же. Во имя победы. М., 1970.

отдельных концентрационных лагерей⁴. В начале «перестройки» ряд историков пытались рассмотреть систему концлагерей как составную часть нацистского режима, выявить специфику периода их интернационализации⁵.

В зарубежной историографии с 1939 г. по конец 1980-х гг. появились первые полноценные исследования. В частности, в работе американского исследователя Эрнста Германа Файльхенфельда, опубликованной спустя три года после окончания войны, рассматривались юридические аспекты темы, включая соблюдение сторонами Женевской конвенции 1929 г.⁶

Изучение оккупационного режима на территории Карелии в финской историографии началось с работы историка Антти Лайне «Два лица Великой Финляндии: положение гражданского населения Восточной Карелии в системе финского оккупационного управления в 1941–1944 гг.»⁷. В ней исследованы организация военной администрации, разделение населения по национальному признаку, лагерная система, трудовое использование, продовольственное обеспечение и социальное положение гражданских лиц. Хотя А. Лайне специально не рассматривал военный плен, заданное им направление способствовало дальнейшему изучению финскими историками лагерной политики и положения советского населения на оккупированной территории.

Изучение проблемы перемещенных лиц во многом связано с национальным вопросом. В 1967 г. была опубликована статья К. Кулха о

⁴ Логунов В. В. подполье Бухенвальда. Рязань, 1963; Сахаров В.И. В застенках Маутхаузена. Симферополь, 1969; Архангельский В. Бухенвальд: Из блокнота журналиста. Ташкент, 1970.

⁵ Мельникова Д., Черная Л. Империя смерти Аппарат насилия в нацистской Германии 1933-1945. М., 1987.

⁶ Feilchenfeld E. H. Prisoners of War. Institute for World Polity, School of Foreign Service, Georgetown University, 1948.

⁷ Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941-1944. Helsinki, 1982.

переселении ингерманландцев в Финляндию в годы Второй мировой войны⁸. В 1989 г. вышла работа П. Невалайнена об ингерманландцах, оказавшихся в годы войны на оккупированных немцами территориях и перевезенных в 1943-1944 гг. в Финляндию по договоренности с Германией⁹. В ней на базе финских архивных источников описывается пребывание советских граждан в приемных и карантинных лагерях Финляндии, процесс репатриации.

В конце 1980-х гг. внимание финских исследователей было направлено на установление численности советских военнопленных в финских лагерях. В 1987 г. военный историк Эйно Пиэтола опубликовал работу «Военнопленные в Финляндии 1941-1944», краткий русский перевод которой появился в журнале «Север»¹⁰. В своем исследовании Э. Пиэтола дает развернутую картину положения советских военнопленных в финском плену, приводит факты жестокого обращения с военнопленными в лагерях, анализирует причины высокой смертности¹¹.

Вторым этапом развития историографии темы можно считать период с начала 1990-х гг. по настоящее время. В это время исследователи получили доступ к новым архивным данным по истории военнопленных и перемещенных лиц. Большой интерес к истории советско-финляндской войны 1939-1940 гг. проявился к её 50-й годовщине, что послужило стимулом к публикации работ и по истории военного плена. В популярной брошюре о судьбах советских военнопленных в этой войне написал М.И. Семиряга¹². Работы, посвященные разным аспектам советско-финляндской войны 1939-

⁸ Kulha K. Inkeriläisten siirtäminen Suomen II maailmansodan aikana // Studia Historica Jyväskyläensia. V. 1967. S. 231-256.

⁹ Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. Helsinki, 1989.

¹⁰ Пиэтола Э. Военнопленные в Финляндии 1941-1944 // Север. 1990. № 12. С. 91-127.

¹¹ Pietola E. Sotavangit Suomessa 1941–1944: dokumentteihin perustuva teos sotavankien käsittelystä Suomessa jatkosodan aikana. Helsinki, 1987.

¹² Семиряга М.И. Советско-финляндская война: (К 50-летию окончания). М., 1990.

1940 гг., публиковались в начале 1990-х гг. в «Военно-историческом журнале»¹³, а также в сборнике «Зимняя война 1939-1940»¹⁴.

Еще одной темой, связанной с пленом, стала проблема коллаборационизма в рядах советской армии, к которой обратился исследователь антисталинского сопротивления К. Александров¹⁵. Он связывал ее распространение, в частности, с авторитарным характером советской системы и пропагандистской деятельностью белой эмиграции. На материалах Карелии данную проблематику развил С. Г. Веригин, рассматривавший коллаборационизм как сложное явление, который разделялся на различные уровни (военный, хозяйственный, культурный, бытовой), и имел глубокие идеологические и национальные корни¹⁶.

Важным этапом развития историографии стала опубликованная в 2006 г. коллективная монография по истории российско-финляндских отношений¹⁷. Включенные в нее исследования раскрыли различные стороны рассматриваемой проблематики: Г. А. Куманев сопоставил советский и финский плен периода Зимней войны¹⁸; Д. Д. Фролов показал

¹³ Семиряга М.И. Указ. соч.; Елисеева Н., Нагаев И. Германский империализм и легенда о «превентивной» войне гитлеровской Германии против СССР // Военно-исторический журнал, 1991, №3. С. 4–8.; Дудоров О. Неизвестные страницы Зимней войны // Военно-исторический журнал, 1991, №9. С. 12–23

¹⁴ Зимняя война 1939-1940. Книга 1. Политическая история / отв. ред.: О. А. Ржешевский, О. Вехвиляйнен. М., 1998.; Зимняя война 1939-1940. Книга 2. И.В. Сталин и финская кампания (стенограмма совещания при ЦК ВКП (б). / отв. ред.: О. А. Ржешевский, О. Вехвиляйнен. М., 1999.

¹⁵ Александров К.М. Вызов режиму (К вопросу об антисоветских настроениях в рядах Действующей армии в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг.) // Посев, 1993, №6.

¹⁶ Веригин С. Г. Предатели или жертвы войны: коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны 1939-1945 гг. Петрозаводск, 2012; его же. Под чужими знаменами: военный коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны (1939-1945). Петрозаводск, 2016.

¹⁷ Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVII-XX / Коллективная монография. Редколлегия: А.Н. Сахарова, Т. Виховайнена, Л.П. Колодникова. М., 2006.

¹⁸ Куманев Г.А. «Зимняя война»: трагедия финского и советского плена // Россия и Финляндия... С. 321-334.

информационные возможности протоколов допросов¹⁹; Тимо Виховайнен и Е. С. Сенявская исследовали пропаганду и формирование образа противника, что важно для объяснения общественных установок в отношении советских военнопленных²⁰; Антти Лайне охарактеризовал положение гражданского населения Восточной Карелии²¹. А. И. Терюков обобщил состояние изучения советских военнопленных в Финляндии и обозначил перспективы дальнейшей разработки темы²². Сборник «От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг.» расширил исследование перехода от военного конфликта к урегулированию его гуманитарных последствий²³.

В конце XX – начале XXI вв. отдельно развивались исследования лагерей, находившихся на территории собственно Финляндии, и мест принудительного содержания на оккупированной территории Восточной Карелии. Работы С. С. Авдеева, Н. А. Иванова и В. С. Христофорова уточнили географию лагерей и расширили используемую архивную базу²⁴. С. Г. Веригин исследовал структуру финской оккупационной администрации,

¹⁹ Фролов Д.Д. Протоколы допросов финских и советских военнопленных 1941-1944 гг. // Россия и Финляндия... С. 394-406.

²⁰ Тимо Виховайнен. Пропаганда и контроль общественного мнения в Финляндии во время войны 1941-1944 // Россия и Финляндия... С. 371-377; Сенявская Е.С. Финны во второй мировой войне. Формирование образа врага // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939-1944 гг.: Сб. статей. СПб., 2006. С. 173-182.

²¹ Антти Лайне. Гражданское население Советской Россия и Финляндия... Карелии и финские оккупанты (1941-1944 гг.) // Россия и Финляндия... С. 377-387.

²² Терюков А.И. Советские военнопленные в Финляндии 1941-1944 гг. как объект научного изучения // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939-1944 гг.: Сб. статей. СПб., 2006. С. 316-325.

²³ От войны к миру: СССР и Финляндия 1939-1944 гг.: Сб. статей / под ред. В.Н. Барышникова, Т.Н. Городецкой и др. СПб., 2006.

²⁴ Авдеев С. С. Немецкие и финские лагеря для советских военнопленных в Финляндии и на временно оккупированной территории Карелии (1941-1944 гг.) // Вторая мировая война и Карелия. 1939-1945 гг.: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию начала Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 2001. С. 49-57; Иванов Н. А. Финские лагеря для советских военнопленных на территории Медвежьегорского района Карело-Финской ССР // История органов безопасности: Материалы VI междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2016. С. 65-71.; Христофоров В.С. Документы российских архивов о советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии. 1941-1944 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 3 . С. 65-71.

концентрационные, пересыльные и трудовые пункты на территории Карелии, а также формы коллаборационизма и экономического использования региона²⁵. В приложении к его монографии приведен перечень лагерей советских военнопленных, составленный по материалам Военного архива Финляндии²⁶. Разграничение лагерей в Финляндии и учреждений на оккупированной территории имеет принципиальное значение, поскольку они различались подчиненностью, функциями и составом контингента.

Определенное внимание в современной историографии уделено вопросу о возможных захоронениях советских военнопленных в урочище Сандармох на территории оккупированного финскими войсками Медвежьегорского района Карелии. С. Г. Веригин выдвинул гипотезу, согласно которой финские власти, использовавшие в этом районе инфраструктуру лагерей Беломоро-Балтийского канала, могли хоронить погибших или расстрелянных военнопленных в ранее существовавших расстрельных ямах Сандармоха²⁷. С

²⁵ Веригин С. Г. Особенности проявления коллаборационизма на оккупированной территории Карелии (1941-1944 гг.) / Путь к великой Победе: история и современность : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Майкоп, 16-19 сентября 2020 года. Майкоп, 2020. С.180-184.; его же. Экономические аспекты финляндской оккупации Карелии (1941-1944 г.) Электронный научно образовательный журнал «История». 2021 . Т. 12. С. 100-112. Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840016508-7-1/>; его же. Финская оккупация Карелии в 1941-1944 годах: дискуссии между российскими и финляндскими историками // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022, № 6. С. 75-82.; Веригин С. Г., Попов Д. А., Елошин Д. А. Малоизвестные финские концлагеря на оккупированной территории Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023, № 2. С. 8-15.; Веригин, С.Г., Попов, Д. А., Прохорова, М.Н. Новые документы о финской оккупации Олонецкого района Карелии. 1941-1944 // Вестник архивиста. 2023, №1. С. 131–143.; его же. Деятельность финской контрразведки на оккупированной территории Советской Карелии в 1941-1944 гг. // Исторические чтения на Лубянке. Юбилейные даты отечественных органов госбезопасности в 2023 г., посвященные 100-летию образования ОГПУ и памяти историка спецслужб доктора исторических наук, профессора Владимира Николаевича Хаустова : материалы XXVII международной научной конференции, Москва, 07-08 декабря 2023 года. М., 2023. С. 139–146.

²⁶ Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны. 1939-1945 гг. Петрозаводск, 2009.

²⁷ Веригин С. Г. Сандармох: есть ли в расстрельных могилах советские военнопленные? // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 3 (7). С. 11-21.

критикой этой гипотезы выступил финский историк Антти Куяла²⁸. Он отметил отсутствие в изученной финской лагерной документации и карточках Красного Креста сведений о таких захоронениях, хотя не отрицал наличия незаконных расстрелов советских военнопленных²⁹. Дискуссия показывает необходимость совместной работы российских и финляндских исследователей, сопоставления документов разного происхождения и проведения дальнейших поисковых исследований мест захоронений.

Что касается репатриации советских военнопленных и перемещенных лиц из Финляндии в СССР, являющейся важной составной частью настоящей диссертации, отечественная историография представлена преимущественно отдельными сюжетами. В. И. Мусаев исследовал политико-дипломатические обстоятельства возвращения ингерманландцев и рассмотрел проблему в широком контексте истории Ингерманландии³⁰; Г. И. Большакова проанализировала организацию начального этапа массовой репатриации³¹; А. В. Филимонов показал региональную практику приема и устройства репатриантов в Псковской области³². Вместе с тем эти работы не

²⁸ Kujala A. «Сандармох — факты вместо политических игр. Рец. на кн.: Verigin S., Mashin A. Sandarmohin arvoitus» S. 1.: Johan Bäckman Publications, 2019. Vol. I. Hiekkakankaiden salatut vainajat. S. 286-290; «Хватит искать врагов». Финский историк Антти Куяла о Сандармохе // Север.Реалии. 30.10.2019. URL: <https://www.severreal.org/a/30191934.html> (дата обращения: 06.08.2026); «Ситуация в финских лагерях отличалась от немецких» // Коммерсантъ. 18.09.2018. № 169. С. 5. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3744434> (дата обращения: 06.08.2026).

²⁹ Kujala A. Vankisurmat. Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa. Helsinki, Otava, 2008.

³⁰ Мусаев В.И. Советско-финляндское перемирие и судьба советских перемещенных лиц (1944-1945 гг.) // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939-1944 гг.: Сб. статей. Спб., 2006. С. 416-425; Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX веке. 2-е издание, исправленное и дополненное. СПб., 2003.

³¹ Большакова Г.И. Начальный период массовой репатриации гражданского населения и военнопленных из Финляндии (1944-1946 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 3 (89). С. 14-19.

³² Филимонов А. В. Репатрианты в Псковской области в первые послевоенные годы (1944–1949) // Метаморфозы истории: научный альманах. Вып. 9. Псков, 2017. С. 234–257.

реконструируют в полном объеме весь процесс возвращения советских граждан из Финляндии в 1944–1955 гг.

Несколько больше внимания этой проблематике уделяют зарубежные исследователи. Материалы по истории плена на территории Финляндии нашли отражение в общих работах финских историков, таких как Хельге Сеппяля, краткий русский перевод книги которого стал доступен читателям в 1995 году³³. В монографии Мауно Йокипии³⁴, опубликованной на русском языке в 1999 году, не затрагивается тема советских военнопленных, но она проливает свет на финско-германское сотрудничество в 1940 - 1941 годах, что позволяет автору прийти к выводу о сознательной подготовке Финляндии к войне против Советского Союза.

Советско-финскому плену периода Второй мировой войны посвящена вышедшая в Финляндии в 2009 году монография профессора Д. Фролова, в которой на основе обширной источниковой базы рассматриваются проблемы численности, содержания и возвращения советских военнопленных³⁵. Изучению незаконных расстрелов советских пленных посвятил свою монографию Антии Куяла³⁶. В полемике о численности погибших в финском плену историк приводит цифру 22 тыс. чел. Главной причиной высокой смертности он называет голод.

Большое значение для изучения темы имеет исследовательский проект Национального архива Финляндии 2004–2008 гг. «Судьбы военнопленных и интернированных в 1939–1955 гг.». Его участники изучили обстоятельства гибели военнопленных, обмен и передачу людей между Финляндией, Германией и Советским Союзом, собрали материал и объединили в именные

³³ Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941-1944 годах // Север. 1995. № 4/5. С. 96-113; № 6. С. 108-128.

³⁴ Йокипии М. Финляндия на пути к войне. Петрозаводск: Карелия, 1999.

³⁵ Фролов Д. Советско-финский плен. 1939-1944. По обе стороны колючей проволоки. Хельсинки: RME Group Oy; СПб., 2009.

³⁶ Kujala A. Vankisurmat. Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa. Helsinki, Otava, 2008.

базы данных сведения о погибших военнопленных и интернированных, лицах, переданных германской стороне, заключенных и людях, переданных или репатриированных в СССР. По отдельным направлениям проекта были подготовлены специальные исследования, а основные результаты представлены в коллективном труде под редакцией Ларса Вестерлунда³⁷.

В исследовании «Судьбы военнопленных: советские военнопленные в Финляндии в 1941-1944 гг.»³⁸ историк Миркка Даниэльсбакка утверждает, что финские власти не ставили целью истребление военнопленных, как это происходило, например, в нацистской Германии, но, тем не менее, голодная смерть попавших в плен солдат стала результатом действий лиц, ответственных за условия содержания в лагерях. Он обращает внимание на такие трудно поддающиеся измерению и конкретизации факторы человеческого бытия, как психология, физиология и социология человека, его склонность к самообману и категоризации. М. Даниэльсбакка исследует причины негативного отношения финнов к русским, обусловленные сложными межгосударственными взаимоотношениями. Тему обмена советскими военнопленными в качестве, прежде всего, рабочей силы между Германией и Финляндией исследует Ида Суолахти³⁹. По ходу исследования автор описывает систему управления лагерями в Финляндии.

Среди работ финских историков по репатриации советских военнопленных и перемещенных лиц выделяется работа Тойво Флинка, ставшая результатом начатого в январе 2007 г. исследовательского проекта под названием «Домой в изгнание» («Kotiin karkotettavaksi»), в рамках которого были собраны материалы, касающиеся судеб перемещённых в

³⁷ Westerlund L. Prisoners of War deaths and people handed over to Germany and The Soviet Union in 1939–55/ National Archives of Finland, Helsinki, 2008.

³⁸ Danielsbacka M. Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941–1944: väitöskirja. Helsinki, 2013.

³⁹ Suolahti I. Yhteinen vihollinen, yhteinen etu. Sotavankien luovutukset ja vaihdot Suomen ja Saksan välillä jatkosodan aikana. Helsinki, 2015.

Финляндию ингерманландских финнов, ижорцев и води, включая обстоятельства их возвращения в СССР⁴⁰. Исследование Юсси Пеккаринена и Юхи Похьонена также описывает процесс репатриации военнопленных и перемещенных лиц, расширяя хронологические рамки⁴¹. Этой же теме посвящено исследование Рейо Раутайоки, которое описывает пребывание советских переселенных граждан в приемных и карантинных лагерях Финляндии⁴².

Таким образом, как в отечественной, так и зарубежной историографии проблема советских военнопленных и перемещенных лиц в финских лагерях получила определенное освещение. Между тем до сих пор остались недостаточно изученными:

а) Проблема репатриации военнопленных и перемещенных лиц из Финляндии в СССР. Деятельность органов власти, ответственных за возвращение советских граждан на родину, рассматривалась фрагментарно, с указанием лишь основных мероприятий и итогового количества репатриированных.

б) В историографии отсутствует единая оценка общей численности советских граждан, находившихся в Финляндии и репатриированных в СССР. Недостаточно изучены их состав, пребывание в финских лагерях и пунктах сбора, а также маршруты возвращения. В отечественной историографии комплексный анализ системы военного плена и перемещения советских граждан в Финляндии до настоящего времени в полной мере не проводился.

в) Тема военного плена и перемещенных лиц в трудах отечественных и зарубежных исследователей рассматривалась отдельно. Совместное рассмотрение этих категорий обосновано общностью использовавшихся

⁴⁰ Флинк, Т. Домой в ссылку: депортация ингерманландских переселенцев из Финляндии в Советский Союз, 1944-1955 гг. / Тойво Флинк ; пер. с фин. Я. Лапатка. СПб., 2011.

⁴¹ Пеккаринен Ю., Похьонен Ю. Пощады не будет: передача военнопленных и беженцев из Финляндии в СССР, 1944 - 1981. пер. с фин. А.А. Воронковой. М., 2010.

⁴² Reijo R. Vaiettu vaellus. Inkeriläisten leirit 1942–1944. Turku, 2020.

государством механизмов: регистрацией, размещением в лагерной инфраструктуре, распределением как трудового ресурса, медицинским и административным контролем, а после войны – включением в централизованный процесс репатриации. При этом различия их международно-правового статуса сохраняются и являются предметом сопоставления.

Исследовательская проблема работы состоит в выявлении и сопоставлении политико-правовых, административных и социально-экономических факторов, определявших положение двух различных категорий советских граждан – военнопленных и перемещённых лиц, – а также в объяснении того, каким образом различия их статуса сказались на условиях содержания, трудовом использовании и последующей репатриации.

Цель исследования – выявить специфику положения советских военнопленных и перемещённых лиц в лагерях в Финляндии, особенности процесса их репатриации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить комплекс **задач**, а именно:

- установить особенности и противоречия применения международно-правовых норм в практике содержания советских военнопленных в Финляндии, определив их влияние на реальную лагерную структуру;
- исследовать структуру и функционирование системы лагерей для советских военнопленных в Финляндии, выявив её особенности;
- определить масштабы, динамику и ключевые факторы смертности среди советских военнопленных;
- охарактеризовать отличительные черты правового статуса и практики использования советских перемещённых лиц в Финляндии, определив их место в системе военной экономики и управления трудовыми ресурсами;

- раскрыть политико-дипломатические предпосылки репатриации, прежде всего в контексте советско-финляндских мирных переговоров 1944 г., и определить их влияние на механизмы возвращения советских граждан;
- проанализировать процесс репатриации советских военнопленных в СССР, включая механизмы, масштабы и проблемы возвращения;
- рассмотреть организацию репатриации советских перемещённых лиц из Финляндии, включая участие государственных структур и международных организаций;
- выделить этапы и оценить результаты репатриации советских граждан, определив их особенности, динамику и последствия.

Источниковую базу исследования составили как неопубликованные (архивные), так и опубликованные исторические источники: нормативно-правовые акты, материалы делопроизводства, статистические материалы, воспоминания, информация, извлеченная из синхронной периодической печати.

– Нормативно-правовые акты.

Данное исследование потребовало тщательного анализа международных правовых документов. В приложении к Конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны 5 (18) октября 1907 г.» (Гаагская конвенция) была специально выделена глава «О военнопленных», состоявшая из 17 статей, определявших права и обязанности государства и военнопленных⁴³. Другим важнейшим документом стала Женевская конвенция о военнопленных от 27 июля 1929 г., которая не заменяла, а лишь дополняла положения Гаагского регламента, в частности, положениями о запрете репрессий и коллективных наказаний, организации работы

⁴³ Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г., подписанная в Гааге // Вторая конференция мира 1907 г. СПб: «Издательство Российского МИД», 1908 // [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901753259> (дата обращения: 30.04.2022).

заклученных, назначении заключенными своих представителей, а также контроле, осуществляемом державами-покровителями⁴⁴.

В 1999 г. был опубликован сборник документов, куда вошли важнейшие постановления, повлиявшие в той или иной мере на судьбы советских перемещенных лиц⁴⁵. Большое значение для исследования процесса репатриации имеет использование нормативно-правовой базы Государственного комитета обороны (ГКО). В канун 70-летия победы в Великой Отечественной войне был опубликован сборник постановлений ГКО в 2-х томах⁴⁶.

– Делопроизводственные документы.

Основную группу источников составили делопроизводственные документы. В работе над диссертацией широко привлекались материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Центральным для изучения стал фонд, посвященный репатриации советских граждан (Ф-9526), также материалы фонда Главного переселенческого управления при Совете Министров РСФСР (Ф. А-327). Кроме основных документов, касающихся организации процесса репатриации военнопленных и перемещенных лиц с территории Финляндии, в них содержатся сведения о военных преступлениях в отношении советских военнослужащих, пребывавших в финском плену. С точки зрения репрезентативности данные показания расцениваются в работе

⁴⁴ Convention relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 27 July 1929 [Электронный ресурс]. — URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.fe2dc2bd-629d2955-59a70f65-74722d776562/https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/INTRO/305?OpenDocument (Дата обращения: 30.04.2022).

⁴⁵ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / Генер. прокуратура РФ; [Принимали участие: Кулагина В.С., Щепанов В.А.]. Курск, Ч. 1. 1999.

⁴⁶ Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность, Т. 1: 1941-1943. / Федеральное архивное агентство, Российский гос. арх. социально-политической истории, Российское историческое о-во; редкол.: А. К. Сорокин (отв. ред.). М., 2015; Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность, Т. 2: 1944-1945. / Федеральное архивное агентство, Российский гос. арх. социально-политической истории, Российское историческое о-во; редкол.: А. К. Сорокин (отв. ред.). М., 2015.

неоднозначно. Некоторые сведения, сообщаемые бывшими советскими военнопленными, требуют дополнительной проверки, поскольку в них указывается информация, которую сложно подтвердить с помощью других источников.

Не менее значимым для изучения темы стал фонд «Секретариат В.М. Молотова» Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). В нем представлены материалы о мирных переговорах между СССР и Финляндией, где наряду с вопросами о будущем отношений с Финляндией обсуждались условия репатриации советских граждан. В архиве отложились материалы дипломатической переписки, информация о деятельности Союзной Контрольной Комиссии в Финляндии, сводки зарубежных информационных агентств и др. Документы по внешней политике СССР позволили раскрыть особенности советско-финляндских отношений в исследуемый период, выделить факторы, повлиявшие на репатриацию советских граждан⁴⁷.

Важными источниками стали военные дневники Национального архива Финляндии⁴⁸. В них содержатся записи различных воинских формирований Финляндии в 1939-1945 гг. Архивные материалы позволили изучить работу подразделений, связанных с обеспечением и контролем советских военнопленных. Данные источники содержат информацию о быте пленных, их трудовой деятельности в лагерях.

– *Статистические материалы.*

⁴⁷ Документы внешней политики СССР. 1943. Т. XXVI: В 2-х кн. – Кн.1. Январь – август / Министерство иностранных дел Российской Федерации. М., 2016.; Документы внешней политики СССР. 1943. Т. XXVI: В 2-х кн. – Кн.2. Сентябрь – декабрь / Министерство иностранных дел Российской Федерации. М., 2016.

⁴⁸ KansallisarkistoSuomi, Sotapäiväkirjat-kokoelma(1939-1945) [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: https://astia.narc.fi/uusiastia/kortti_aineisto.html?id=2358286499 (05.06.2024). – Otsikko näytöltä.

Важнейшими источниками являются документы, полученные из базы данных Национального архива Финляндии⁴⁹. Они содержат информацию о военнопленных, погибших на территории Финляндии, а также о гражданских лицах, погибших в лагерях Восточной Карелии в 1941-1944 гг. На сайте выложен список пленных, погибших во время Зимней войны, указаны причины их смерти, места дислокации лагерей и численность, размещенных в них пленников.

Большое значение для данного исследования имеет «Справочник по финским лагерям для военнопленных и интернированных, 1939-1944 гг.» под редакцией Ларса Вестерлунда⁵⁰. Цель справочника – предоставить базовую информацию о лагерях военнопленных, их филиалах и отделениях. Справочник содержит архивный указатель, позволяющий оптимизировать работу с базой данных Национального архива Финляндии.

Отдельную группу источников составили статистические сведения, опубликованные финскими исследователями. Их использование в диссертации сопровождалось проверкой методики подсчета и исходной источниковой базы, а также, сопоставлением с архивными документами и базами данных Национального архива Финляндии. Такой подход позволил учитывать расхождения в оценках численности военнопленных, погибших и репатриированных и избежать механического воспроизведения данных историографии.

⁴⁹ KansallisarkistoSuomi, sotavangit ja ihmisluovutukset [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: http://kronos.narc.fi/index_rus.html, vapaa pääsy (30.04.2022). – Otsikko näytöltä; KansallisarkistoSuomi, Suomen Punaisen Ristin Sotavankitoimiston arkisto. B LUETTELOT. Bb Jatkosodan sotavankikortisto. Kuolleet sotavangit, Z - Ö (--). Tiedosto 1-1304. [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: <https://astia.narc.fi/uusiastia/viewer/?fileId=5976770470&aineistoId=1350568332>, vapaa pääsy (01.09.2025). – Otsikko näytöltä.

⁵⁰ Talvi-, jatko- ja Lapin sodan sotavanki- ja siviilileirit 1939–1944: käsikirja = The Finnish Prisoners of War and Internee Camp Handbook, 1939–1944 / toim. L. Westerlund. Helsinki: Kansallisarkisto, 2008

– *Воспоминания.*

Отдельную группу составили источники личного происхождения. Большое значение для понимания условий содержания в финских лагерях имеют воспоминания Шимона Янтовского. Он описывает голод и холод, а как предельное следствие продовольственного кризиса — случаи, интерпретированные им как каннибализм в лагере под Кондопогой; отдельно в воспоминаниях приводятся сведения об избиениях и расстрелах военнопленных. Янтовский также оставил свидетельства о содержании группы советских военнопленных-евреев на территории Финляндии⁵¹. Сведения о положении гражданского населения дополняют воспоминания бывших узников концентрационных лагерей оккупированной Карелии⁵².

В воспоминаниях перемещенных лиц содержатся сведения о пребывании в зоне немецкой оккупации, переселении и жизни в Финляндии. В 2020 г. был опубликован сборник «Судьбы, опаленные войной», составленный Г. Г. Ханенко и И. А. Нипполайнен на основе воспоминаний жителей карельского поселка Чална. Выбор локального материала связан с тем, что после возвращения в СССР в Чалне поселилась часть ингерманландских семей. Некоторые тексты были записаны или опубликованы на финском языке, чем объясняется участие переводчиков в подготовке издания⁵³.

– *Периодическая печать.*

⁵¹ Янтовский Ш. Лагерь советских военнопленных - евреев в Финляндии (1942-1944 год). Иерусалим.1995.

⁵² Денисевич Н. И. Финский капкан: воспоминания и размышления бывшего малолетнего узника финского концлагеря. Минск, 2011; Судьба: сборник воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Петрозаводск, 1999; Костин И. А., Нюпшиева К. А. Плененное детство. Петрозаводск, 2005.

⁵³ Судьбы, опаленные войной: воспоминания жителей карельского поселка Чална / сост. Г. Г. Ханенко, И. А. Нипполайнен; пер. С. Карпова, А. Машина, И. Нипполайнен. Петрозаводск, 2020.

Еще одной группой источников являются периодическая печать исследуемого периода. На страницах периодики публиковались официальные документы, обращения правительства, приказы и распоряжения. Особое значение имеют отчеты о проводимой СССР репатриации советских граждан, опубликованные на страницах газет «Правда» и «Известия» в 1944-1945 гг. Поскольку все официальные периодические издания в Советском Союзе подвергались цензуре, то многие материалы требуют дополнительной проверки.

Названные комплексы материалов составили источниковую базу исследования, позволяющую реализовать поставленные в диссертации задачи.

Методологические основы исследования.

В процессе подготовки диссертации автор опирался на принципы историзма, научной объективности, системности, поскольку они позволяют рассмотреть изучаемый феномен как целостную систему, анализируя факты во всей их совокупности и взаимозависимости.

Принцип историзма обеспечил изучение политики Финляндии и СССР в отношении военнопленных и перемещённых лиц с учётом изменения военной и внешнеполитической обстановки в 1939–1955 гг. Принцип научной объективности предполагал критическое сопоставление отечественных и зарубежных источников различного происхождения, проверку содержащихся в них количественных данных и разграничение установленных фактов, свидетельских оценок и исследовательских интерпретаций. Принцип системности позволил раскрыть взаимозависимость правового регулирования, лагерного управления, снабжения, медицинского обеспечения, трудового использования и механизмов репатриации.

Междисциплинарный характер исследования обусловил обращение к историко-антропологическому и историко-правовому подходам, а также к подходам истории повседневности. Историко-антропологический подход использовался при анализе индивидуального опыта плена, принудительного

перемещения и возвращения в СССР, поведенческих стратегий и мотивации отдельных групп. Подход истории повседневности применялся с учётом экстремального характера изучаемых условий: лагерной изоляции, голода, болезней, тяжёлого труда, принудительного переселения и неопределённости, сопровождавшей репатриацию. Историко-правовой подход обеспечил сопоставление международно-правовых норм с национальным законодательством и практикой их применения.

Методы исследования.

Для решения поставленных задач использовались общенаучные и специально-исторические методы. К общенаучным относились анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия, абстрагирование, конкретизация и причинно-следственный анализ. В число специально-исторических вошли проблемно-хронологический, историко-системный, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-статистический и историко-правовой методы; при изучении нормативных оснований содержания и репатриации применялся также сравнительно-правовой метод.

Историко-системный метод позволил рассмотреть лагерную и репатриационную инфраструктуру как совокупность взаимосвязанных органов, учреждений и административных процедур. Историко-типологический метод применялся при классификации лагерей для военнопленных, приёмных и карантинных лагерей для перемещённых лиц. Историко-сравнительный метод использовался для сопоставления положения различных категорий советских граждан, а также отдельных элементов финской и германской лагерной практики.

Историко-правовой и сравнительно-правовой методы применялись при анализе Гаагских конвенций 1907 г., Женевской конвенции 1929 г., национального законодательства Финляндии и СССР, условий Московского перемирия 1944 г. и последующих нормативных актов. Причинно-следственный анализ позволил установить комплекс факторов высокой

смертности в финских лагерях в конце 1941 – начале 1942 г., а также объяснить мотивы побегов и отказа части военнопленных и перемещённых лиц от возвращения в СССР.

Проблемно-хронологический метод обеспечил выделение этапов формирования лагерной системы, перемещения советского гражданского населения и репатриации из Финляндии в СССР. Историко-статистический метод использовался при обработке карточек военнопленных, сводных отчётов и иных массовых источников, подсчёте численности пленённых, погибших и репатриированных, а также при выявлении динамики этих процессов и расхождений между различными системами учёта.

В диссертации используются следующие термины:

Под «военным пленом» в диссертации понимается обусловленное состоянием войны временное задержание воюющим государством лиц неприятельской стороны, сопровождаемое ограничением их свободы с целью исключения участия в вооруженной борьбе. Режим военного плена накануне Второй мировой войны регулировался Гаагской конвенцией о законах и обычаях ведения сухопутной войны от 18 октября 1907 г. и Женевской конвенцией о содержании военнопленных от 27 июля 1929 г. Право брать в плен, согласно конвенциям, принадлежало исключительно государству в лице его военных органов. Состояние военного плена ограничивалось периодом с момента захвата в плен до момента заключения мира между воюющими сторонами. Военнопленными, согласно упомянутым конвенциям, считались захваченные во время войны лица, входившие в состав вооруженных сил и непосредственно участвовавшие в военных действиях (т.н. комбатанты)⁵⁴.

⁵⁴ Convention relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 27 July 1929 [Электронный ресурс]. — URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.fe2dc2bd-629d2955-59a70f65-74722d776562/https/ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/INTRO/305?OpenDocument (Дата обращения: 30.04.2022).

Под термином «перемещенные лица» в диссертации понимаются граждане, (добровольно или насильно) вывезенные властями какого-либо государства во время войны с территорий, оккупированной войсками этого государства, для принудительного использования. Впервые данный термин был применен в Уставе Международной организации по делам беженцев (МОБ) в 1946 г. по отношению к гражданам, насильственно вывезенным фашистской Германией и схожими режимами из оккупированных ими стран во время Второй мировой войны⁵⁵.

Под «интернированием» в диссертации понимается внесудебное ограничение свободы военнослужащих или гражданских лиц, применяемое государством в связи с вооруженным конфликтом по соображениям безопасности. В международно-правовой терминологии начала XX в. это понятие прежде всего использовалось применительно к военнослужащим воюющих сторон, оказавшимся на территории нейтрального государства; в годы Второй мировой войны оно применялось и к гражданским лицам, а подробная регламентация гражданского интернирования была закреплена Женевской конвенцией 1949 г. В настоящей работе термин используется также в отношении гражданского населения оккупированной Восточной Карелии, помещенного финской военной администрацией в лагеря на территории, которую часть финского руководства рассматривала как пространство предполагаемой «Великой Финляндии», но которая в международно-правовом отношении оставалась оккупированной территорией СССР⁵⁶.

⁵⁵ Устав Международной организации по делам беженцев (1946 г.) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unhcr.org/ru/sites/ru/files/legacy-pdf/Устав_УВКБ_ООН1.pdf (Дата обращения: 30.04.2022).

⁵⁶ Конвенция (V) о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны. Гаага, 18 октября 1907 г. Ст. 11. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/hague-conv-v-1907/article-11> (дата обращения: 06.08.2026); Convention (IV) relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War. Geneva, 12 August 1949. Arts. 41–43, 78–79. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/gciv-1949> (дата обращения: 06.08.2026); Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. Helsinki, 1982.

Совокупное применение названных подходов позволяет разграничить правовой статус исследуемых групп и одновременно проследить общие административные механизмы их учёта, размещения, трудового использования и возвращения.

Научная новизна работы заключается в том, что на базе как опубликованных, так и неопубликованных зарубежных и отечественных источников, большая часть из которых не была ранее введена в научный оборот, выявлена специфика военного плена и перемещения советского гражданского населения в Финляндии годы Второй мировой войны. Впервые в историографии положение советских военнопленных и перемещенных лиц в лагерях в Финляндии, а также их последующая репатриация исследуется неразрывно, как часть единого процесса.

Кроме того, впервые в отечественной историографии на основе имеющихся источников изучена система управления лагерями для военнопленных и перемещенных лиц в Финляндии.

В исследовании впервые подробно изучена деятельность советских органов власти по возвращению военнопленных и перемещенных лиц из Финляндии в СССР, предложена периодизация процесса, а также установлена численность репатрируемых.

В работе доказано, что положение советских военнопленных и перемещенных лиц в Финляндии в 1939–1955 гг. зависело от комплекса политико-правовых и экономических факторов: международно-правового статуса указанных категорий и особенностей его толкования финскими властями; изменения военной и внешнеполитической обстановки; состояния продовольственного снабжения и потребности финской экономики в рабочей силе; организации лагерного управления, медицинского обеспечения и трудового использования; а на послевоенном этапе – условий Московского перемирия и деятельности Союзной контрольной комиссии.

Теоретическая значимость исследования. Результаты проведенного исследования вносят определенный вклад в изучение проблематики военнопленных и перемещенных лиц Второй мировой войны. Научные результаты диссертации имеют значение для существующей историографической ситуации, давая возможность проводить исследования сравнительного характера, сопоставляя положение советских военнопленных и перемещенных лиц в разных странах. Рассмотрение данной темы с помощью современных методов исследования позволяет выработать альтернативные способы решения схожих задач. Кроме того, данная работа важна для изучения гуманитарных аспектов военной истории.

Практическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в возможности их применения в научно-исследовательской и музейно-экспозиционной деятельности, при создании художественных и документальных проектов, а также в целях патриотического воспитания. Материалы работы могут быть использованы при подготовке учебных пособий и курсов «История России» и «История советско-финляндских отношений».

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Положение советских военнопленных и перемещенных лиц в Финляндии в военные годы зависело от соблюдения сторонами международных соглашений об обращении с военнопленными. Финляндия была связана Гаагским положением 1907 г., тогда как Женевская конвенция 1929 г. об обращении с военнопленными не являлась взаимно обязательной для сторон. Это приводило к тому, что дисциплину и порядок в финских лагерях организовывали согласно законодательству Финляндии, взяв за основу лишь некоторые положения Гаагской конвенции. В результате, практика содержания советских военнопленных в Финляндии характеризовалась системным расхождением между декларируемыми нормами международного гуманитарного права и их реализацией, что

выражалось в механизмах ограничения прав военнопленных (в сфере снабжения, медицинского обеспечения и режима содержания), обусловленных приоритетом национального военно-административного регулирования.

2. Система лагерей для советских военнопленных в Финляндии представляла собой институционально оформленную и иерархически организованную структуру, ориентированную не только на изоляцию, но и на хозяйственное использование труда пленных. Пропаганда идеи создания «Великой Финляндии», а также сотрудничество с Германией привели к тому, что Финляндия частично позаимствовала немецкие способы организации и управления лагерями, включая дифференцированное обращение с представителями разных национальностей и использовании их труда.

3. На основе архивных материалов установлено, что в 1939–1944 гг. в финском плену погибло около 19220 человек. С учетом не отраженных в документах пленных общая численность погибших могла достигать 23–24 тыс. Высокая смертность, особенно зимой 1941–1942 гг., была обусловлена совокупностью взаимосвязанных факторов: голодом и вызванными им заболеваниями, неудовлетворительными бытовыми условиями, тяжелым трудом, суровым климатом, недостаточной медицинской помощью и практикой лагерного управления. Следовательно, она стала результатом не только объективных трудностей военного времени, но и системных недостатков организации лагерей. Исследованные источники не позволяют говорить о наличии в Финляндии государственной программы целенаправленного уничтожения советских военнопленных, однако в 1941–1944 гг. в финских лагерях их погибло около 30 % всего контингента (19085 человек), что почти вдвое превышало соответствующий показатель среди советских военнопленных в соседней Норвегии, оккупированной Германией. Большинство зафиксированных незаконных расстрелов пришлось

на начальный период войны; наиболее типичными были убийства беглецов и пленных, обвиненных в неподчинении.

4. В результате сотрудничества между Германией и Финляндией из оккупированных районов Ленинградской области в Финляндию было насильно перемещено порядка 63 тысяч советских граждан. Процесс переселения проходил в два этапа: с июля 1941 г. по февраль 1943 г., включавший переговоры между Германией и Финляндией о переселении финского населения Ленинградской области и транспортировку перемещенных лиц в Эстонию; второй этап – с февраля 1943 г. по июнь 1944 г., в ходе которого в Финляндию была перевезена остававшаяся часть ингерманландцев. В международных соглашениях не был прописан порядок перемещения, а также права пересыльных граждан. В результате, процесс переселения представлял собой депортацию гражданского населения, что было распространенной немецкой практикой в годы Второй мировой войны. Во избежание сравнения германской политики депортации с процессом переселения в Финляндию, в финских средствах массовой информации была введена жесткая цензура, тщательно вычищавшая попытки такого сравнения в прессе. В стремлении завуалировать в глазах мировой общественности реальный процесс депортации под видом добровольного переселения, правительство Финляндии принуждало каждого перемещенного заполнять заявления о согласии на переезд. Данные обстоятельства определяли специфику финляндской политики в отношении перемещенных лиц. Таким образом, положение перемещенных советских граждан в Финляндии характеризовалось комплексом противоречивых условий. С одной стороны, Финляндия объявила курс на политику интеграции и поддержки этнически близких народов. С другой, для переселенцев на территории страны действовали определенные ограничения, которые приводили к дискриминации в сфере трудоустройства и свободе перемещения.

5. Репатриация советских граждан из Финляндии была обусловлена политико-дипломатическими договоренностями 1944 г., которые задали обязательный характер возвращения и определили механизмы его реализации. Установлено, что именно данные соглашения определили: принцип обязательности репатриации всех советских граждан, находившихся на территории Финляндии; централизованный характер взаимодействия сторон, при котором ключевые решения принимались на межгосударственном уровне; формирование специальных механизмов передачи репатрируемых, включая организацию пунктов сбора, процедуры учета и согласования списков; сроки и этапность процесса, зависящие от выполнения Финляндией условий перемирия и последующих соглашений.

7. Процесс репатриации советских граждан из Финляндии проходил в два этапа. На первом, с октября 1944 г. по январь 1945 г., была возвращена основная часть военнопленных и перемещенных лиц. Второй этап, продолжавшийся с января 1945 г. по март 1955 г., имел остаточный характер и был связан с розыском, учетом и передачей лиц, не охваченных массовой репатриацией. На этом этапе преобладали гражданские лица, хотя продолжалось возвращение отдельных бывших военнопленных и советских граждан, служивших в финских воинских формированиях. Всего за указанный период в Советский Союз были возвращены 100651 человек, из которых 42 % (42140 человек) составляли военнопленные, а 58 % (58511 человек) – перемещенные лица.

8. Перемещенные советские граждане в Финляндии заполняли анкеты, согласно которым они добровольно соглашались на депортацию. Такой подход позволял многим семьям менять паспорта, вступать в брак с финнами, что усложняло их последующую репатриацию в СССР. Вплоть до 1953 г. с перемещенными лицами проводили агитационную работу по возвращению на родину. В ходе исследования выделено несколько причин, по которым оставшаяся часть перемещенных лиц отказалась возвращаться в СССР: боязнь

репрессий; утрата имущества в СССР; гражданство родственников репатрируемых (когда муж или жена имели гражданство другого государства); устроенная жизнь в Финляндии.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается построением выводов на основе методологических принципов объективности, системности и историзма, репрезентативностью источниковой базы, анализом источников с применением общенаучных и специальных методов исторического исследования, соответствующих объекту, предмету, поставленным цели и задачам.

Апробация результатов исследования.

По теме диссертации опубликовано 5 статей в научных журналах и сборниках статей, из которых 3 – в ведущих периодических научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования РФ. Материалы исследования легли в основу докладов на международной научно-исторической конференции «Органы и войска НКВД СССР в Великой Отечественной войне (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне)» (г. Москва, 2024 г.); международной научной конференции «Северо-Запад России в Великой Отечественной войне» (г. Вологда, 2025 г.); XIII всероссийской научно-практической конференции «Развитие Севера и Арктики: историческая память и социально-гуманитарные вызовы времени», (г. Архангельск, 2025 г.); VII всероссийском междисциплинарном молодежном Малом Конгрессе «Проблемы интерпретации исторических источников» (г. Архангельск, 2025 г.).

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Диссертационное исследование соответствует п. 5 «История международного положения и внешней политики страны на различных этапах её развития», п. 6 «История повседневной жизни различных слоёв населения страны на соответствующем этапе её развития», п. 22 «История Великой

Отечественной войны» и п. 23 «Россия в крупнейших международных конфликтах» паспорта научной специальности 5.6.1. Отечественная история.

Структура диссертации обусловлена целью и поставленными задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

ГЛАВА 1. СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ПЕРЕМЕЩЕННЫЕ ЛИЦА В ФИНЛЯНДИИ, 1939 -1944 ГГ.

1.1. Формирование контингента советских военнопленных в Финляндии и международно-правовые основы их содержания

События революций 1917 г. привели к образованию государства Финляндия. Руководствуясь принципом права наций на самоопределение, 31 декабря 1917 г. Совет народных комиссаров РСФСР официально признал её независимость. Новая государственная граница между двумя странами автоматически совпала с бывшей административной границей Великого княжества Финляндского, в состав которого входили Выборг и большая часть Карельского перешейка. С началом Гражданской войны в России вопрос безопасности Ленинграда имел для советской власти первостепенное значение, поскольку в случае конфликта город оказывался под угрозой⁵⁷.

Идеи Октябрьской революции в России оказали значительное влияние на финское общество, в результате чего в Финляндии началась гражданская война. В апреле 1918 г. Германия частично оккупировала Финляндию с целью поддержки войск К.Г.Э. Маннергейма в их борьбе против «красных» (поддерживаемых Советской Россией), а также, установления в стране подконтрольного политического режима. В мае 1918 г. «красные» в Финляндии потерпели поражение, однако планы финнов выходили за пределы территории своего государства, и войска Маннергейма вторглись в Восточную Карелию. Однако Первая мировая война закончилась поражением Германии, и Финляндия лишилась важного союзника, что вынудило её переориентироваться на Антанту. Результатом событий белофинской интервенции в Восточной Карелии стало подписание в 1920 г. Тартуского

⁵⁷ Килин Ю.М. Карелия в политике Советского государства : 1920-1941. Петрозаводск, 1999. С. 16-23.

мирного договора, по которому к Финляндии отошла Печенгская область в Заполярье, западная часть полуострова Рыбачий, большая часть полуострова Среднего, а также острова к западу от разграничительной линии в Баренцевом море⁵⁸.

Уступки, сделанные в Тартуском договоре, создали ряд проблем, связанных с контролем над стратегическими территориями, морскими путями и безопасностью границ, что привело к долгосрочным напряжённым отношениям между РСФСР и Финляндией.

Рост военного и экономического потенциала СССР в 1930-е годы вызывал у правительства Финляндии беспокойство, а также необходимость поиска союзников с целью защиты своего суверенитета. Приход Гитлера к власти в 1933 г. рассматривался в прогерманских финских кругах как явление, которое позволило вновь рассматривать Германию как потенциального союзника.

В августе 1939 г. между Германией и Советским Союзом был подписан пакт Молотова-Риббентропа. Секретный протокол пакта относил Финляндию в советскую сферу влияния. Осенью 1939 г. СССР предложил финнам переговоры о переустройстве границ между странами. Финляндия отклонила условия, представленные советским правительством. В результате, 30 ноября 1939 г. началась советско-финляндская война, известная в финской историографии как «Зимняя война»⁵⁹. Боевые действия привели к тому, что Финляндия была вынуждена просить мира в марте 1940 г. По условиям Московского мирного договора 1940 г. к СССР отошли Карельский перешеек с Выборгом, западное побережье Ладожского озера, часть островов в Финском заливе, западные части полуостровов Рыбачий и Средний, а также ряд районов в Приладожье. Кроме того, более 400 тыс. финских граждан были переселены

⁵⁸ Документы внешней политики СССР. Т. III. 1 июля 1920 г.-18 марта 1921 г. / М-во иностр. дел СССР. М., 1959. С. 265-282.

⁵⁹ Барышников В.Н. Финская война. М., 2023. С. 4.

в Финляндию, создав там серьезные проблемы с продовольствием и жильем⁶⁰. Финляндия должна была предоставить военную базу на п-ове Ханко, с которого советские военно-морские силы могли контролировать движение в Финском заливе.

Переселение финского населения затронуло прежде всего жителей Карельского перешейка и Приладожья. Вместе с тем, значительная часть этнически близкого финноязычного населения оставалась на территории Ленинградской области - ингерманландцы, ижоре и води⁶¹. Финское правительство рассматривало эти народы как этнически и исторически родственные финской нации. В 1941 – 1944 гг. оно прибегло к массовому переселению значительной их части на финскую территорию, обосновывая это «репатриацией» родственных народов. Судьба этих перемещённых лиц, оказавшихся на территории, которую Финляндия считала зоной своих национальных интересов, составляет существенную часть проблематики настоящего исследования.

По различным данным, в период советско-финляндской войны 1939 – 1940 гг. в финский плен попало от 5,5 до 6,1 тыс. советских военнослужащих. По условиям мирного договора, пленных должны были репатриировать в СССР. Большую часть советских военнопленных отправили в спецлагерь НКВД «Южский», расположенный в Ивановской области. Согласно решению Политбюро ЦК ВКП (б) от 19 апреля 1940 г., соответствующим органам НКВД предписывалось в трехмесячный срок провести строгую фильтрацию с целью выявления «подозрительных элементов» и пособников иностранных разведок. 28 июня 1940 г. нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия доложил

⁶⁰ Westerlund L. The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody between 1939 and 1944 // Prisoners of War deaths and people handed over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives / edited by L. Westerlund. Helsinki, 2008. P. 11

⁶¹ Прибалтийско-финское население Северо-Запада России, относящееся к исторической Ингрии или Ингерманландии, финнам-ингерманландцам, ижоре и води (В.И. Мусаев. Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX веке. СПб., 2003. С. 3).

И.В. Сталину: «В Южском лагере содержится 5175 красноармейцев и 293 чел. начсостава, переданных финнами при обмене военнопленными. Оперативно-чекистской группой выявлено и арестовано 414 чел., изобличенных в активной предательской работе в плену и завербованных финской разведкой для враждебной работы в СССР. Из этого числа закончено и передано прокурором МВО в Военную коллегия Верховного Суда СССР следственных дел на 344 чел. Приговор приведен в исполнение в отношении 158 чел.». Решением Особого Сопещения НКВД СССР 4354 узника Южского лагеря были отправлены в исправительно-трудовые лагеря (по некоторым данным, в лагеря близ Воркуты и Мурманска) на срок от 5 до 8 лет⁶². Таким образом, из общего числа 5468 вернувшихся из плена к уголовной или административной ответственности было привлечено не менее 4768 чел. (около 87%). Судьба оставшихся примерно 700 чел. по имеющимся источникам не поддаётся точному установлению. Предположительно, они были признаны «благоннадёжными» и возвращены в ряды вооружённых сил, либо освобождены по иным основаниям.

После поражения в советско-финляндской войне 1939 – 1940 гг. реваншистские настроения в Финляндии были сильны, поэтому шанс вернуть утраченные в ходе конфликта территории был поддержан пропагандой в тезисе о «Великой Финляндии»⁶³. Его суть – объединение финских народов и всей Карелии с Финляндией. В приказе о наступлении финских войск от 10

⁶² Куманев Г.А. «Зимняя война»: трагедия финского и советского плена // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVII–XX вв. М., 2006. С. 331–334.

⁶³ «Родственные финнам в этническом отношении карелы, вепсы, ингерманландцы, советские финны должны были остаться на своей территории и стать будущими гражданами чистого в расовом отношении финно-угорского государства – Великой Финляндии. Этнически не родственные финнам местные жители, основную массу которых составляли русские, рассматривались как мигранты, их надо было помещать в концлагеря с последующим выселением за пределы Карелии в другие регионы, захваченные союзником Финляндии – нацистской Германией» (Веригин С.Г. Финская оккупация Карелии в 1941–1944 годах: дискуссии между российскими и финляндскими историками // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск, 2022. С. 82).

июля 1941 г. К.Г. Маннергейм указал на реализацию идей данной политики: «Свободная Карелия и Великая Финляндия мерцают перед нами в огромном водовороте всемирно-исторических событий»⁶⁴.

С учетом общих интересов 22 сентября 1940 г. между Финляндией и Германией было заключено соглашение, по которому Германии предоставлялось право транзита войск через финскую территорию в оккупированную немцами Северную Норвегию. В случае войны с СССР немецкие войска должны были взять на себя ответственность за военные действия в Лапландии. Южный участок финляндско-советской границы протяженностью более 1 тыс. километров оставался в зоне ответственности финнов. Действовавшие на севере своей страны финские войска подчинялись немецкому командованию. Финская гражданская администрация осталась в Северной Финляндии, но имела лишь ограниченный контроль над действиями Германии. Военнослужащие германских вооруженных сил получили в Финляндии экстерриториальные права. При этом, немецкая администрация по делам военнопленных получала возможность распространить свои операции и на Финляндию. Немцы присутствовали также на всех путях снабжения, в гаванях Южной Финляндии и на транспортных узлах⁶⁵.

В условиях надвигающейся военной угрозы Советский Союз предпринял комплекс дипломатических мер с целью предотвратить вступление Финляндии в военный конфликт. 22 июня 1941 г. нарком обороны СССР маршал С.К. Тимошенко издал приказ войскам Ленинградского военного округа, предписывающий не допускать действий, способных спровоцировать обострение советско-финляндских отношений. Аналогичные распоряжения были направлены командованию Северного и Балтийского

⁶⁴ По обе стороны Карельского фронта, 1941-1944 : Документы и материалы / сост. А. В. Климова, В. Г. Макуров. Петрозаводск, 1995. С. 405.

⁶⁵ Барышников В. Н. Вступление Финляндии во вторую мировую войну 1940–1941 гг. СПб., 2003. С. 140-150.

Краснознаменного флотов⁶⁶. 23 июня 1941 года министр иностранных дел СССР В.М. Молотов провёл официальную встречу с финским посланником в Москве П. Хюниненом. В ходе переговоров советский руководитель официально заявил об отсутствии территориальных претензий к Финляндии и подтвердил приверженность СССР принципу неприкосновенности суверенитета и территориальной целостности финского государства в рамках уже закреплённых Московским мирным договором 1940 г. границ⁶⁷.

Однако анализ оперативной обстановки свидетельствовал о том, что финское правительство активно сотрудничало с немецкими войсками. В рамках военного союза между Финляндией и Германией 22 июня 1941 г. финские войска заняли Аландские острова, которые, согласно Женевской конвенции 1921 г., имели статус демилитаризованной зоны. Занятие финляндскими войсками этой территории противоречило также договору между Финляндией и СССР от 11 октября 1940 г. Нарушение данных соглашений означало акт военной агрессии против СССР.

В результате, 25 июня 1941 г. советская авиация нанесла удар по 18 финским аэродромам, с которых немецкие самолеты совершали боевые вылеты против СССР, и нескольким населённым пунктам. В этот же день правительство Финляндии официально заявило о нахождении страны в состоянии войны с СССР, получившей в финляндской историографии название «Война-продолжение», так как воспринималась как реванш за поражение в «Зимней войне» 1939-1940 гг.⁶⁸.

На северном фронте финские и немецкие войска начали крупномасштабное наступление в начале июля 1941 г. На Карельском

⁶⁶ Барышников Н. И. Финляндия во второй мировой войне / Н. И. Барышников, В. Н. Барышников, В. Г. Федоров. Л., 1989. С. 153.

⁶⁷ Кульков Е.Н. Финляндия в войне против СССР 1941-1944 гг. // Вестник МГИМО Университета. 2009. № 1 (4). С. 32.

⁶⁸ По обе стороны Карельского фронта, 1941-1944: Документы и материалы / сост. А. В. Климова, В. Г. Макуров. Петрозаводск, 1995. С. 54-59; Барышников В.Н. Финская война. М., 2023. С. 4-5.

перешейке финские части выдвинулись к границе, существовавшей до 1940 гг., где окопались, ожидая наступления немецких частей на Ленинград. В Приладожской Карелии финны перешли старые границы и продвинулись к Маансельскому перешейку и реке Свирь, где им удалось перерезать Кировскую железную дорогу⁶⁹.

Советские войска вели активные боевые действия на протяжении всего советско-финляндского фронта. Наиболее интенсивные столкновения, в ходе которых число советских военнопленных было особенно значительным, происходили в июле–декабре 1941 г. — в период финского стратегического наступления. На Карельском перешейке советские части оказывали упорное сопротивление, однако были вынуждены отступать под давлением финских войск. В Приладожской и Восточной Карелии — в районах Олонца, Петрозаводска и Медвежьегорска — бои носили особенно ожесточённый характер. Именно здесь, согласно источникам, в условиях быстрого продвижения финских частей, в плен попало большинство из учтённых советских военнопленных⁷⁰.

Не без дипломатического давления Великобритании и США, к началу 1942 г. продвижение финнов было остановлено, линия фронта стабилизировалась. С переходом к позиционной фазе войны в начале 1942 г. интенсивность боевых столкновений резко снизилась, и приток новых военнопленных существенно сократился.

Во время Второй мировой войны важнейшими международными соглашениями, защищающими статус военнопленных и гарантирующими гуманное обращение с ними, были Гагская «Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны» (1907 г.) и Женевская конвенция (1929 г.). Именно в

⁶⁹ Westerlund L. The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody ... P. 12.

⁷⁰ KansallisarkistoSuomi, sotavangit ja ihmislouovutukset [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. — Sähköinen tekstidata. — Käyttötapa: http://kronos.narc.fi/index_rus.html, vapaa pääsy (30.04.2022). — Otsikko näytöltä.

Женевской конвенции 1929 г. впервые юридически используется термин «военнопленный», к которым относились лица, принадлежавшие к вооруженным силам воюющих сторон, и некоторые гражданские лица, взятые в плен во время военно-морских и военно-воздушных операций. В эту категорию включен был также состав добровольческих частей, состоявший из населения, взявшего оружие при сражении с наступающими на населенный пункт неприятельскими войсками⁷¹.

Гаагская конвенция также обязывала Финляндию следовать законам и обычаям войны. Женевская конвенция 1929 г. разъяснила принципы обращения с военнопленными. Раздел о военнопленных гарантировал заключенным основные права, включая гуманное обращение. Статьи соглашения охватывали все аспекты содержания под стражей: перевозка военнопленных, устройство лагеря, жилье и питание. Конвенция также определяла вид и условия работы, а также возможные виды наказания для военнопленных. Возмездие в отношении пленных было запрещено⁷².

Формальное закрепление международно-правовых норм не означало их автоматического применения каждым из участников конфликта: отношение к Гаагской и Женевской конвенциям существенно различалось у СССР и Финляндии.

Советский Союз в начале Великой Отечественной войны заявлял, что готов действовать на основании Гаагской конвенции, но во время войны практика оказалась иной.

⁷¹ Convention relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 27 July 1929 [Электронный ресурс]. — URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.fe2dc2bd-629d2955-59a70f65-74722d776562/https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/INTRO/305?OpenDocument (Дата обращения: 30.04.2022); Фролов Д. Советско-финский плен. 1939-1944. По обе стороны колючей проволоки. СПб., 2009. С. 47.

⁷² Geneva Convention on Prisoners of War, 1929 // The Laws of Armed Conflicts: A Collection of Conventions, Resolutions and Other Documents / edited by D. Schindler, J. Toman. Geneva: Martinus Nijhoff Publishers, 1988. P. 339–366.

Женевское соглашение было подписано более чем 50 государствами и действовало для большинства участников Второй мировой войны, за исключением Советского Союза и Японии. Советское правительство не считало необходимым подписывать Конвенцию 1929 г., поскольку уже присоединилось к Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» 1907 г., содержащей все важнейшие положения⁷³. Советский Союз подписал только Женевскую конвенцию «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» от 27 июля 1929 г. Однако Женевская конвенция «Об обращении с военнопленными» от 27 июля 1929 г. так и не была ратифицирована, поскольку СССР был не согласен с «принципом размещения военнопленных в лагерях по расовой и национальной принадлежности»⁷⁴. При этом Советский Союз 8 августа 1941 г. в ноте послам государств, аккредитованным в Москве, сообщил о том, что будет обращаться с военнопленными в духе Женевской конвенции⁷⁵.

Если советская позиция в отношении международных соглашений о военнопленных характеризовалась опорой на Гаагскую конвенцию при фактическом отказе от Женевской, то отношение Финляндии к этим же документам было более противоречивым и сопровождалось внутренней правовой дискуссией.

9 июня 1922 г. Финляндия ратифицировала конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны, согласованную на Второй Гаагской мирной конференции 18 октября 1907 г., которая содержала положения об обращении

⁷³ Ржешевский О. А. Война и дипломатия. Документы, комментарии. М. 1997. 288 с.

⁷⁴ Кузьминых А.Л. Правовое регулирование режима военного плена в СССР в период Второй мировой войны: теория и практика // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 3 (15). С. 82.

⁷⁵ Hallikainen J. Toimen menettämisestä raippaa, pilkasta luotiin: neuvostoliittolaisiin sotavankeihin kohdistunut kurinpito ja mielivalta. Suomen sotavankimuodostelmissa jatkosodan aikana: Suomen historian pro gradu-työ. Jyväskylän yliopisto, 2000. S. 144; Котляров И.И. 70 лет Великой Победы: международно-правовая оценка военных действий германских войск в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 5. С. 18.

с военнопленными. Однако она не ратифицировала Женевскую конвенцию «Об обращении с военнопленными» от 27 июля 1929 г., в силу того, что финское уголовное право частично противоречило соглашению. Раздел 64 военно-уголовного кодекса Финляндии предусматривал смертную казнь для военнопленного, если он совершил действие, создающее опасность для вооруженных сил Финляндии или ее союзников. А раздел 65 Статьи 46 (1) и 50 Женевской конвенции были несовместимы с этими положениями. Статьи предусматривали, что военнопленные не могут быть приговорены к иным наказаниям, кроме тех, которые связаны с аналогичными правонарушениями, совершенными их собственными военнослужащими, и что солдаты, попавшие в плен до того, как они перешли на сторону противника, подлежат только дисциплинарным взысканиям⁷⁶.

Подполковник Армас-Эйно Мартола, представлявший Финляндию на конференции 1929 г. в Женеве, в своем докладе указывал, что некоторые статьи соглашения не вполне соответствуют финскому законодательству. Однако он считал, что эти положения не противоречили духу финского права и поэтому полагал, что Финляндия вполне может подписать, а затем и ратифицировать договор. В начале 1930-х гг. планировалось внести поправки в Уголовный кодекс Финляндии, чтобы можно было ратифицировать Женевскую конвенцию, однако это так и не было реализовано⁷⁷.

Во время войны 1941-1944 гг. член Верховного суда Финляндии капитан Пааво Кекомьяки считал, что Финляндия не обязана юридически соблюдать Женевскую конвенцию, поскольку ни одна из сторон конфликта официально к ней не присоединилась. Тем не менее, финские исследователи считают, что в армии она соблюдалась надлежащим образом⁷⁸.

⁷⁶ Kujala A. Vankisurmat. Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa... S. 151–154.

⁷⁷ Danielsbacka M. Op. cit. S. 73

⁷⁸ Hallikainen J. Op. cit. S.173–182; Kujansuu J. Jatkosodan sotavankiorganisaatio // Vihollisen armoilla. Neuvostosotavankien kohtaloita Suomessa 1941–1948 / muokkaaaja H. Roiko-Jokela. Jyväskylä: Minerva Kustannus Oy, 2004. S. 11–26.

После войны финская сторона заявила, что применение дисциплинарных и карательных мер в отношении советских военнопленных, несмотря на их формальное несоответствие положениям IV Гаагской конвенции и Женевской конвенции 1929 г., не рассматривалось как нарушение международно-правовых обязательств Финляндии. Данная позиция обосновывалась отсутствием полной ратификации указанных международных соглашений со стороны СССР, что, с точки зрения Финляндии, ограничивало принцип взаимности в их применении к советским военнопленным⁷⁹.

Несмотря на формальную необязательность международных конвенций, финские военные власти не отказывались полностью от правового регулирования обращения с пленными — соответствующие нормы были закреплены во внутренних инструкциях, хотя их практическая реализация существенно расходилась с декларируемыми принципами.

В начале военного конфликта в инструкциях, направленных штабу внутренних войск Финляндии, отмечалось, что, несмотря на отсутствие обязательств по соблюдению Гаагской конвенции 1907 г., определенные нормы все же подлежат исполнению. Следовало руководствоваться рядом положений⁸⁰:

1. Военнопленные находятся во власти финского правительства, а не отдельных лиц или групп, которые их захватили.
2. С военнопленными нужно обращаться гуманно.
3. Военнопленный обязан назвать свое имя и звание.
4. Военнопленному разрешается сохранить свои личные вещи.
5. Военнопленный может быть использован для работ, соразмерных его силам и способностям. Пленные, привлекаемые к тяжелым работам, должны быть обеспечены питанием, соответствующим качеству их работы.

⁷⁹ Danielsbacka M. Op. cit. S. 72.

⁸⁰ Ibid. S. 73.

6. Больному военнопленному должно быть оказано соответствующее лечение.

Несмотря на закреплённые в инструкциях нормы гуманного обращения, Финляндия разрешила телесные наказания военнопленных. В июле 1941 г. Пааво Кекомьяки указывал, что, исходя из опыта «Зимней войны» и «качества русских военнопленных», следует рассмотреть вопрос о введении телесных наказаний только в исключительных случаях⁸¹. В результате же, именно они фактически стали наиболее широко применяемой формой наказания.

Помимо собственно дисциплинарной практики внутри лагерей, важным элементом международно-правового контекста военного плена являлась деятельность международных гуманитарных организаций, в первую очередь Международного комитета Красного Креста, чья работа в равной степени зависела от готовности воюющих сторон к сотрудничеству.

Во Второй мировой войне Международный комитет Красного Креста (далее - МККК), как посредник между воюющими государствами, среди прочего, предоставлял информацию о военнопленных. В 1941 г. он предложил передавать информацию о военнопленных между Финляндией и Советским Союзом, что было согласовано обоими государствами. Тогда в Женеву из Финляндии стали поступать сведения о советских военнопленных, однако о финских военнопленных в Советском Союзе информация не поступала. Отчасти это было связано с отказом Германии обмениваться всей информацией с СССР. Советский Союз также не разрешал наблюдателям Красного Креста входить в свои лагеря для военнопленных, что в зарубежной историографии объяснялось «шпиономанией Сталина»⁸².

Деятельность МККК, как и формальное провозглашение готовности следовать духу международных конвенций, не могла компенсировать

⁸¹ Kujala A. Vankisurmat. Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa.... S. 151–159.

⁸² Danielsbacka M. Op. cit. S. 73

отсутствие у Финляндии и СССР юридических обязательств друг перед другом. Совокупность рассмотренных фактов позволяет сформулировать общую оценку проблемы реализации международного права в условиях советско-финляндского плена.

В советско-финляндском плену 1941–1944 гг. действовала система ограниченных и неодинаково толкуемых обязательств. Массовый приток пленных, кризис снабжения, ведомственная раздробленность, идеологизация войны и слабость внешнего контроля привели к систематическому расхождению между нормативными требованиями и фактическими условиями содержания.⁸³

Следовательно, международно-правовой фактор следует рассматривать не как единственную причину нарушений, а как одну из составляющих общей системы. Решающее значение имели способы реализации норм в национальном законодательстве и приказах, качество управления лагерями и неизбежность ответственности за конкретные административные решения.⁸⁴

Соблюдение договоров так же не гарантировало безопасность для военнопленных, поскольку почти все страны-участники Второй мировой войны в какой-то степени нарушали Женевскую конвенцию. Безопасная перевозка, питание и содержание пленных было практически невозможным из-за их огромного количества. В результате, проблема гуманного обращения с советскими военнопленными в Финляндии в период с 1941 г. до начала 1942 г. могла быть также связана с несоблюдением норм международного права. Это стало возможным из-за желания обоих государств отстаивать суверенитет своей правовой системы.

⁸³ MacKenzie S.P. The Treatment of Prisoners of War in World War II // The Journal of Modern History. 1994. Vol. 66, № 3. P. 487–520.

⁸⁴ Neitzel S., Welzer H. Soldaten. Protokolle vom Kämpfen, Töten und Sterben // Militärgeschichtliche Zeitschrift. 2011. №. 2. P. 483-487.

1.2. Система лагерей для военнопленных в Финляндии

В историографии советско-финского конфликта вопрос о количестве военнопленных в финских лагерях до настоящего времени остается дискуссионным. Это во многом обусловлено различными подходами к подсчету погибших. Важно выделить главные спорные вопросы и определить способы решения данной проблемы.

По разным оценкам, в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг. в финском плену оказалось до 6100 советских военнопленных. В работе финских историков конца 1970-х гг. указывается 5469 чел.⁸⁵. Основываясь на архивных данных, финский историк Р. Хански пришел к выводу, что их число было «по крайней мере, 5615», из которых 5468 были возвращены⁸⁶. Профессор военной истории О. Маннинен также назвал цифру «почти шесть тысяч», из которых 5572 военнопленных были возвращены⁸⁷.

В карточках военнопленных Финского Красного Креста за Зимнюю войну содержится информация о 5594 советских военнопленных⁸⁸. По данным Гуннара Розена, финские войска во время Зимней войны взяли в плен 5617 советских солдат⁸⁹.

По данным российского исследователя В. Галицкого, НКВД зафиксировало возвращение из Финляндии 5447 военнопленных. На основании собранной им информации он утверждает, что финны взяли в плен 6166 советских красноармейцев и командиров⁹⁰. Другой исследователь

⁸⁵ Vuorenmaa, A., Antero, V. Kotijoukkojen toiminta. Porvoo, 1979. S. 186.

⁸⁶ Hanski, R. Behandling av krigsfångar under vinter- och fortsättningskriget. En folkrättslig studie // Åbo Akademi. 1990. №. 26. S. 32–113.; Rosén G. Sata sodan ja rauhan vuotta. Suomen Punainen Risti 1877–1977. Helsinki: Suomen Punainen Risti, 2002. S. 509.

⁸⁷ Manninen O. Saksan ystävät ja viholliset Suomessa aseveljeyden päättyessä // Sotilasaikakauslehti. 1997. № 6-7. S. 65–67.

⁸⁸ Westerlund L. The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody... P. 19.

⁸⁹ Rosén G. Op. cit. S. 509.

⁹⁰ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил : Стат. исслед. / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 195.

Д. Фролов на основе как российских, так и финских источников утверждает, что статистические данные крайне противоречивы и колеблются между 5546 и 6116⁹¹. Подобные расхождения объясняются прежде всего различиями в методологии подсчёта: одни исследователи учитывали только тех, кто прошёл официальную регистрацию в финских лагерях, тогда как другие принимали во внимание и тех, кто погиб или бежал до регистрации. Кроме того, советские и финские архивы оперировали разными учётными единицами, что неизбежно порождало разночтения даже при работе с одними и теми же событиями.

Смертность учтенных советских военнопленных в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. составила примерно около 2%. Таким образом, в плену погибло 135 советских военнослужащих⁹².

В годы Великой Отечественной войны цифры были значительно выше. При подписании Московского перемирия 1944 г. руководство СССР предполагало, что общая цифра советских военнопленных в Финляндии превышает 60 тыс. чел.⁹³. Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации запросило у финнов все имеющиеся у них данные по количеству пленных, а также, опиралось на сведения, опубликованные в иностранной прессе. Так, досье «ТАСС» за весь период с начала войны с Финляндией установило число советских военнопленных в Финляндии до 57 тыс. чел., из которых 18 тыс. погибло в плену. Впрочем, эти источники описывали только период первой половины 1942 г., так, например⁹⁴:

а) Шведское телеграфное агентство «Стокгольм» 14 декабря 1942 г. сообщило данные доктора медицины Гвидо Пидермана, обследовавшего

⁹¹ Фролов Д. Советско-финский плен.... С. 8.

⁹² Nuorteva J. Vangit – vankilat –sota. Suomen vankeinhoitolaitos toisen maailmansodan aikana // Suomen vankeinhoidon historiaa, osa 4. Opetusministeriön vankeinhoito-osasto. Helsinki, 1987. S. 54–56; Westerlund L. Sotavankien ja siviili-internoitujen sodanaikainen kuolleisuus Suomessa. Muonahuolto, tautisuus ja Punaisen Ristin toimettomuus 1939–44. Helsinki, 2009. S. 67–79.

⁹³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ) Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 63. Л. 71.

⁹⁴ Там же. Л. 71.

лагери военнопленных, из которых видно, что в октябре 1942 г. в Финляндии было 45 тыс. русских военнопленных, из них 15 тыс. погибло в плену.

б) Хельсинский корреспондент газеты «Стокгольм биднинген» 10 декабря 1942 г. передавал, что в середине 1942 г. в Финском плену находилось около 56 тыс. русских военнопленных, из них 12 тыс. погибли в плену.

в) Стокгольмский корреспондент агентства «Бритиш Юнайтед Пресс» 9 декабря 1942 г., ссылаясь на опубликованные данные Финской Миссии в Верне, приводил общую цифру русских военнопленных в Финляндии 57 тыс., из них погибло 12 тыс.

г) Бернский корреспондент агентства «Ассошиэйтед Пресс» 5 декабря 1942 г., ссылаясь на данные Финской Миссии в Берне, указывал, что до конца июля 1942 г. в Финляндии умерло 12 тыс. русских военнопленных, а после июля, как добавлял корреспондент, ссылаясь на «авторитетные источники», умерло еще 5 тыс. чел.

В январе 1945 г. помощник уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации генерал-майор Я. Д. Басилов сообщил заместителю наркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозову о расхождении между сведениями иностранных информационных агентств и официальным числом репатриированных из Финляндии военнопленных⁹⁵. Советская сторона не располагала исчерпывающими данными и стремилась получить поименные списки. Основные массы советских военнослужащих попали в плен во время финского наступления 1941 г. После стабилизации фронта в начале 1942 г. число новых пленных резко сократилось, хотя отдельные случаи пленения продолжались до конца войны. Поэтому сведения прессы первой половины войны не охватывали весь контингент и не могли служить окончательной статистикой.

⁹⁵ Там же. Л. 71.

Советский Союз, стремясь установить точную судьбу своих военнослужащих, был крайне заинтересован в тщательной проверке сведений, указанных в донесении, поэтому вновь потребовал от финской стороны предоставить их поименные списки. По подсчетам, составленным финнами на 4 сентября 1944 г., в плену за период 1941 – 1944 гг. находилось 68881 советских военнослужащих. Однако в отчете для советских органов репатриации на 31 декабря 1945 г. указывалось 66324 военнопленных, т. е. на 2557 чел. меньше. В 1953 г. штаб комендатуры по делам военнопленных в отчете сообщал о 64188 советских военнослужащих, находившихся в плену⁹⁶. Это число, вероятно, приведено по количеству карточек военнопленных Финского Красного Креста и соответствует числу учтенных советских военнопленных. Это также означает, что от 3000 до 4500 советских военнопленных остались незарегистрированными.

Разрыв между цифрами обусловлен многими причинами. Записи в военных дневниках могли быть неточными из-за разницы между взятыми в плен и количеством доставленных в лагерный пункт, поскольку недавно захваченные военнопленные могли быть расстреляны на месте, бежать или погибнуть от ран до того, как их перевезли на сборный пункт или в лагерь⁹⁷.

По последним данным финских историков, военнопленных должно было быть не менее 67 тыс.⁹⁸, из которых около 22 тыс. погибли⁹⁹. Определить точное количество пленных затрудняет тот факт, что они учитывались через несколько дней, а иногда и месяцев после заключения. Захваченные финнами

⁹⁶ Westerlund L. The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody.... P. 26.

⁹⁷ Manninen, O. Molotov cocktail – Hitlerin sateenvarjo. Toisen maailmansodan historian uudelleenkirjoitusta. Helsinki, 1994. S. 281-284.

⁹⁸ Timo M. Op. cit. S. 114–210; Kujala A. Vankisurmat. Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa.... S. 307–311; Danielsbacka M. Op. cit. S. 89.

⁹⁹ Danielsbacka M. Op. cit. S. 7.

военнопленные составляли 1,2% оказавшихся в плену в годы Второй мировой войны из более, чем 5,7 млн. красноармейцев¹⁰⁰.

Таким образом, общее количество советских военнопленных на территории Финляндии в период с 1941 по 1944 гг. было приблизительно от 64 до 70 тыс. чел. Такой большой разброс объясняется во многом методикой подсчета данных. В силу того, что у Советского Союза отсутствовали точные данные, опираться приходилось на финские источники, которые могли содержать несколько противоречивую информацию. Единственной верной методикой подсчета, по нашему мнению, может быть только подсчет по картотекам финских и российских архивов, а также совместная работа исследователей и поисковых отрядов.

Неопределённость в вопросе о численности пленных была во многом предопределена самой историей становления финской лагерной системы. Её организационная неустойчивость, проявившаяся ещё в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг. и резко обострившаяся с началом боевых действий в период Великой Отечественной войны, существенно затрудняла систематический учёт. Именно поэтому понять природу статистических расхождений невозможно без обращения к тому, как эта система создавалась, трансформировалась и к чему в итоге пришла.

Во время войны 1939-1940 гг. военнопленные содержались в лагерях, созданных при резервных тюрьмах в центральной и западной части Финляндии (Карвиа, Кейлие, Гуйттинен, Пельсо), куда их переправляли из армейских корпусов. Военнопленные находились под контролем тюремных властей. Силы обороны Финляндии заботились о пленных лишь до момента их транспортировки на ближайшую железнодорожную станцию для последующей отправки в лагерь. Существенных проблем с уходом и

¹⁰⁰ Merridale C. *Ivan's War. Life and Death in the Red Army, 1939– 1945*. London, 2005. P. 4; Danielsbacka M. *Op. cit.* S. 89.

организацией содержания военнопленных в этот период не наблюдалось, что можно объяснить относительно короткой продолжительностью конфликта и численностью пленных¹⁰¹.

С началом Великой Отечественной войны, в 1941 г. организация лагерей, размещение и содержание военнопленных первоначально строились по образцу, выработанному в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Однако уже летом-осенью 1941 г. в финский плен попало большее количество советских военнослужащих, в связи с чем лагерную систему пришлось расширять.

В период с 1941 по 1944 гг. на территории подконтрольной Финляндии действовало примерно 35 лагерей и лагпунктов, часть из которых существовала короткое время, зачастую под разными названиями (см. Приложение 6)¹⁰². Они распределялись по своему назначению и по размерам находившегося контингента¹⁰³:

а) Организационные (приемно-распределительные) лагеря для военнопленных предназначались для регистрации, медицинского освидетельствования и последующего распределения по лагерям постоянного содержания и рабочим ротам. Всего таких лагерей было четыре: № 1 – в Наараярви, № 2 – в Настоле, № 6 – в Выборге и № 9 – в Айосе, Кеми. В этих лагерях содержалось до 15 тыс. военнопленных. В каждом из них погибло от 800 до 2800 военнопленных.

б) Средние лагеря для военнопленных, или лагеря постоянного содержания, в которых находилось до 9 тыс. военнопленных. Смертность в лагерях данного типа составляла от 90 до 330 чел.

¹⁰¹ Nuorteva J. Op. cit. S. 54–56; Westerlund, L. Sotavankien ja siviili-internoitujen sodanaikainen kuolleisuus Suomessa.... S. 67–79.

¹⁰² Westerlund, L. Saksan vankileirit Suomessa ja raja-alueilla 1941–1944.... S. 20–40; Nuorteva, J. Op. cit. S. 117–118; Timo M. Op. cit. S. 31–54;

¹⁰³ Westerlund L. The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody... P. 26 – 30.

в) Небольшие лагеря (лагпункты), в которых содержалось до 10 тыс. военнопленных. Смертность в этих лагерях не превышала 60 чел.

г) Военные и полевые госпитали. Всего было создано шесть военных госпиталей для оказания медицинской помощи военнопленным. По разным источникам, в госпиталях было от 5124 до более чем 6 тысяч коек. В период с 1941 по 1944 гг. в них погибло 5762 военнопленных¹⁰⁴. В эту группу входили тяжелораненые и лица с запущенными инфекционными и иными заболеваниями. Источник не позволяет отделить последствия первоначальных ранений и общего истощения от недостатков или задержек медицинской помощи¹⁰⁵.

д) Рабочие роты военнопленных. В связи с использованием военнопленных в качестве рабочей силы в районах, где шли боевые действия, были созданы роты военнопленных, до 200 чел. в каждой. Их командирами обычно служили финские инженеры, мастера-строители и прорабы. По разным оценкам, в них находилось около 8 тыс. военнопленных, из которых погибло 945 чел.¹⁰⁶.

Расширение масштабов плена в период Великой Отечественной войны потребовало принципиально иных решений, нежели те, что применялись в 1939–1940 гг. Одним из ключевых внешних факторов, определивших характер этих решений, стало военное сотрудничество с Германией, привнесшее в финскую лагерную практику конкретные организационные модели и специфические идеологические принципы обращения с пленными.

В августе 1940 г. было подписано соглашение между Финляндией и Германией о транзите немецких войск из Северной Норвегии через Финляндию, по которому на финской территории были дислоцированы

¹⁰⁴ Timo M. Op. cit. S. 91.

¹⁰⁵ KansallisarkistoSuomi, sotavangit ja ihmislouvatukset [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: http://kronos.narc.fi/index_rus.html, vapaa pääsy (30.04.2022). – Otsikko näytöltä.

¹⁰⁶ Pirkka M. Op. cit. S. 44.

немецкие войска, максимальная численность которых превышала 200 тыс. чел.¹⁰⁷.

В конце апреля 1941 г. на территории Финляндии начались работы по созданию двух германских лагерей (шталагов¹⁰⁸) для военнопленных, захваченных немецкими войсками. В начале мая было решено, что шталаг № 322 будет действовать как организационный лагерь Горнострелкового корпуса (Gebirgskorps), а шталаг № 309 – как лагерь 36-го корпуса¹⁰⁹.

Военнопленных, захваченных финской 6-й дивизией, планировалось направить в шталаг № 309, откуда их предполагалось использовать в качестве рабочей силы в железнодорожных, строительных и ремонтных подразделениях. Соглашение между немецко-норвежской армией и финскими вооружёнными силами от 10 июня 1941 г. предусматривало передачу военнопленных германской стороне, однако финское командование избегало этого из-за нехватки собственной рабочей силы¹¹⁰.

Расположение германских лагерей на финской и норвежской территории было определено ещё до начала Второй мировой войны. Шталаг № 309 был создан в Салле (Финляндия), шталаг № 322 — в Эльвенесе и Киркенесе (Норвегия). Первые советские военнопленные поступили в шталаг № 309 уже в начале Великой Отечественной войны в июле 1941 г. Оба лагеря предназначались для рядового и сержантского состава Красной армии. К концу 1941 г. численность заключённых в шталаге № 309 достигла 2500 чел.¹¹¹.

Высшее руководство германской тюремной администрации находилось в Генеральном управлении Вермахта, департаменте военнопленных

¹⁰⁷ Suolahti I. Op. cit. S. 37.

¹⁰⁸ Stalag, сокращенно от (Kriegsgefangenen-Mannschafts) Stammlager.

¹⁰⁹ Suolahti I. Op. cit. S. 37.

¹¹⁰ Otto R. Soviet Prisoners of War on the German Lapland Front 1941–1944 // Sotavangit ja internoidut. Kansallisarkiston artikkelikirja / toim L. Westerlund. Helsinki, 2009. S. 65–68.

¹¹¹ Westerlund L. Saksan vankileirit Suomessa ja raja-alueilla 1941–1944. Helsinki, 2008. S. 34.

(Allgemeines Wehrmachtsamt, Abteilung Kriegsgefangenenwesen), но его сфера деятельности не распространялась на фронтовую зону¹¹². Лагеря для военнопленных находились в зоне боевых действий в ведении армейского командования. Шталаги делились на множество лагпунктов со своими начальниками. В сентябре 1942 г. была учреждена должность Коменданта округа по делам военнопленных (Kriegsgefangenen Bezirk kommandant). Им стал полковник Артур Бухвизер, отвечавший за всех военнопленных 20-й горнострелковой армии. В его задачи входила организация труда пленных на всей территории дислокации армии и авиабаз Люфтваффе¹¹³.

Военнопленные регистрировались в шталагах по прибытии. На них оформлялись номерные удостоверения с прикрепленной фотографией или отпечатком пальца. Пленным выдавали металлические пластины с номером и указанием принадлежности к лагерю. Пластина носилась на шее. Номер военнопленного сохранялся на всем протяжении его пребывания в лагерях. В случае смерти верхняя часть пластины оставалась с телом, а нижняя часть вместе с личным имуществом отправлялась в Информационный центр Вермахта по потерям и военнопленным (Wehrmachtsauskunftsstelle für Kriegsverluste und Kriegsgefangene). За время войны в шталаг № 309 были зарегистрированы около 13600 военнопленных и около 4600 в шталаге № 322. С 1942 г. в эти лагеря стали поступать пленные с южных фронтов, часто с территории Украины¹¹⁴.

Военное руководство Германии и Финляндии было осведомлено о том, что существуют различия в законах, касающихся военнопленных. Согласно приказу, изданному вооруженными силами Вермахта в июне 1941 г., военнопленные, переданные финнам, попадали под действие финского

¹¹² Megargee G. P. War of Annihilation. Combat and Genocide on the Eastern Front, 1941. Inc., 2006. P. 39.

¹¹³ Otto R. Op. cit. S. 27–29.

¹¹⁴ Danielsbacka M. Op. cit. S. 83–84

законодательства. Пленные на финской территории подконтрольной Германии попадали под действие немецких законов¹¹⁵. Финские военные власти передали немецкой стороне более 2900 военнопленных и получили от них порядка 2800 чел. Причин передачи пленных было несколько¹¹⁶. Во-первых, военнопленные были переданы немецким войскам в Финляндии для использования в качестве рабочей силы. Во-вторых, осуществлялся обмен военнопленными, захваченных в Финляндии, на этнических финнов, попавших в плен на германских фронтах. В-третьих, этнические немцы подлежали переселению на свои национальные территории.

Финские власти знали, что с военнопленными, переданными Службе безопасности Германии, обращались как с преступниками. Финляндия передала по «идеологическим мотивам» специальной оперативной группе (Einsatzkommando Finnland) Службы безопасности Германии (Sicherheitsdienst und SD) 520 советских военнопленных, за которых не было получено никакой «компенсации»¹¹⁷. Основной причиной передачи военнопленных по «идеологическим мотивам» было проведение контрразведывательных операций.

В ходе визитов в немецкие лагеря по обмену пленными один из военных инспекторов Финляндии полковник Спаре утверждал, что в Германии «использование военнопленных развито в полной мере»¹¹⁸.

В результате, сотрудничество с Германией по вопросу передачи военнопленных привело к тому, что Финляндия частично позаимствовала немецкие способы организации и управления лагерями, включая дифференцированное обращение с представителями разных национальностей и использовании их труда.

¹¹⁵ Suolahti I. Op. cit. S. 38.

¹¹⁶ Ibid. S. 6.

¹¹⁷ Ibid. S. 6.

¹¹⁸ Ibid. S. 41.

В период с 1941 по 1944 гг. высшее руководство военнопленными в Финляндии находилось в Главной Ставке главнокомандующего К.Г.Э. Маннергейма. С начала войны и до 20 мая 1942 г. делами военнопленных руководил подчиненный организационному управлению административный отдел. До лета 1942 г. начальником организационного управления был генерал-майор С.Э. Исаксон¹¹⁹. 25 августа 1941 г. начальником административного отдела был назначен майор Тапио Тарьянне, бывший профессор административного права Хельсинкского университета, а 26 августа 1942 г. капитан Пааво Кекомьяки (доктор юридических наук и член Верховного суда Финляндии)¹²⁰. Делами пленных в канцелярии занимался майор Войтто Вяхяля.

20 мая 1942 г. при Главной Ставке был создан Отдел по делам военнопленных. Его начальником был назначен полковник Суло Аате Мальм (1895–1959)¹²¹ - русскоязычный офицер ингерманландского происхождения, служивши в русской армии во время Первой мировой войны. Во время «Зимней войны» С.А. Мальм также занимал должность начальника одного из отделов штаба. После него отдел до сентября 1943 возглавлял майор В. Вяхяля. Отдел по делам военнопленных при Главной Ставке перенял все функции административного отдела, руководил делами пленных как на территории Финляндии, так и в зоне боевых действий.

В начале 1942 г. при Штабе внутренних войск также был создан отдел по делам военнопленных¹²². С начала войны до весны 1942 г. должность

¹¹⁹ KansallisarkistoSuomi, Päämajan yhteysosaston arkisto. Liitteet ja luettelot. T-19499/26_7 Liittoutuneiden valvontakomissiolle menevät asiakirjat. Suomen ja venäjän kielellä. Tiedosto 32-33. [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: <https://astia.narc.fi/uusiastia/viewer/?fileId=5400028913&aineistoId=1525992192>, vapaa pääsy (01.09.2025). – Otsikko näytöltä.

¹²⁰ Danielsbacka M. Op. cit. S. 68.

¹²¹ В начале Войны-продолжения С. Мальм служил командиром пехотного полка (JR 11). Danielsbacka M. Op. cit. S. 69.

¹²² Nuorteva, J. Op. cit. S. 54–56, 117–120. Hallikainen J. Op. cit. S.11

начальника Штаба внутренних войск занимал генерал-лейтенант А.Э. Мартола, а после него – генерал Вольдемар Ойнонен¹²³.

Отдел по делам военнопленных при Штабе внутренних войск занимался строительством лагерей для военнопленных, организацией содержания, перевозкой и охраной пленных на территории Финляндии. Кроме того, отдел организовывал трудовую деятельность военнопленных во взаимодействии с различными министерствами, вел просветительскую работу и следил за исполнением распоряжений Главной Ставки. С начала войны и до 26 ноября 1941 г. начальником отдела военнопленных был майор Ээро Ридман, а после него капитан Эльяс Эркко. После ухода Эркко в отставку в июне 1942 г. отдел возглавил подполковник В. Фабрициус (до его закрытия 17 сентября 1943 г.)¹²⁴.

Отдел по делам военнопленных при Штабе внутренних войск и отдел по делам военнопленных при Главной Ставке зачастую дублировали друг друга. Однако отдел при Главной Ставке имел высшее руководство и контроль над пленными в районе базирования и действий армейских корпусов¹²⁵. Подобная система вносила путаницу в работу и осенью 1943 г. произошла реорганизация управления лагерями для военнопленных¹²⁶.

2 сентября 1943 г. при Главной Ставке главнокомандующего К.Г.Э. Маннергейма был создан Штаб комендатуры по делам военнопленных под руководством полковника С. Мальма. Отделы по делам военнопленных при Штабе внутренних войск и Главной Ставке были расформированы, а их

¹²³ Danielsbacka M. Op. cit. S. 69.

¹²⁴ KansallisarkistoSuomi, Päämajan yhteysosaston arkisto. Liitteet ja luettelot. T-19499/26_7 Liittoutuneiden valvontakomissiolle menevät asiakirjat. Suomen ja venäjän kielellä. Tiedosto 32-33. [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: <https://astia.narc.fi/uusiastia/viewer/?fileId=5400028913&aineistoId=1525992192>, vapaa pääsy (01.09.2025). – Otsikko näytöltä.

¹²⁵ Timo M. Op. cit. S. 22–23; Kujansuu J. Op. cit. S.11–26.

¹²⁶ Timo M. Op. cit. S. 20–21.; Hallikainen J. Toimen menettämisestä raippaa, pilkasta luotiin: neuvostoliittolaisiin sotavankeihin kohdistunut kurinpito ja mielivalta.... S. 122–123.

сотрудники объединены со штатом комендатуры. С целью решения технических проблем в Министерство транспорта и общественных работ Финляндии был назначен специальный сотрудник. Другие обязанности, ранее выполнявшиеся армейскими корпусами, были переданы Штабу комендатуры по делам военнопленных. В таком виде высший уровень организации военнопленных сохранялся до конца войны¹²⁷.

Реорганизация системы центрального управления в 1943 г. повлекла за собой перестройку и территориальных структур надзора — лагерных округов, инспекций и механизмов их подчинённости. Именно на этом уровне принимались решения о том, как конкретно осуществлялся надзор за лагерями, разбросанными по всей территории Финляндии.

На Штаб внутренних войск была возложена обязанность по надзору за лагерями военнопленных, расположенных в зоне действия армейских корпусов. В феврале 1942 г. территория Финляндии была разделена на два округа содержания военнопленных. Западный округ включал территорию Финляндии, а восточный - оккупированную территорию. Для инспекции в западный округ был назначен полковник Спаре, а в восточный округ подполковник Клас Бьёрклунд¹²⁸. Первоначально инспектора находились в ведении Штаба внутренних войск, но учреждение отдела по делам военнопленных при Главной Ставке (20 мая 1942 г.) изменило установленный порядок. Инспекцию передали начальнику отдела в июле 1942 г. и Штабу комендатуры по делам военнопленных в сентябре 1943 г. Проверки проводились начальниками природоохранных округов или их подчиненными лицами. С осени 1941 г. медицинский персонал также проводил осмотр лагерей и военных госпиталей, где лечились военнопленные¹²⁹.

¹²⁷ Kujansuu J. Op. cit. S. 23–25.

¹²⁸ Во время Зимней войны Бьёрклунд служил командиром лагеря №1 для военнопленных, а в начале «Войны-продолжения» был командиром выборгского лагеря №6 (Danielsbacka M. Op. cit. S. 70).

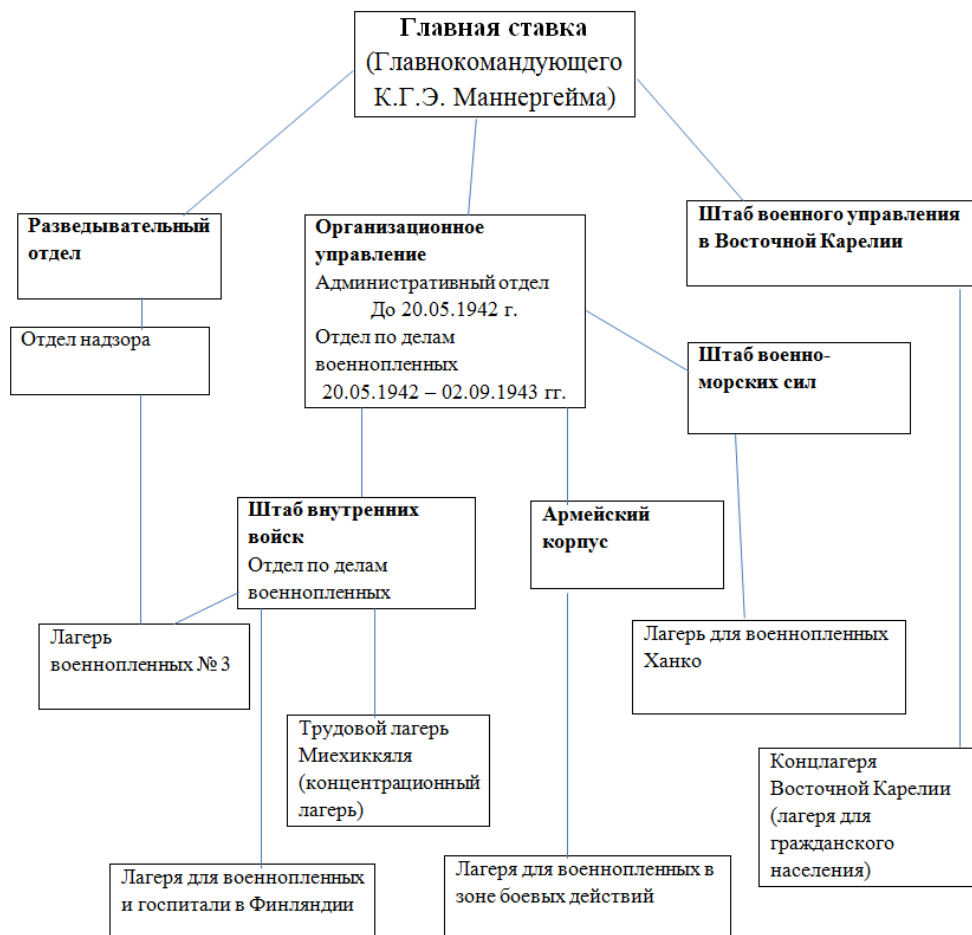
¹²⁹ Timo M. Op. cit. S. 26–28; Pirkka M. Op. cit. S.134–135.

Подробные инструкции для инспекторов были определены в апреле 1942 г. В их обязанности входило наблюдение за содержанием военнопленных. Инспекторы регулярно составляли отчет о своих проверках, представляя предложения по исправлению положения пленных.

В приведённых ниже схемах на рисунках 1 и 2 показаны изменения в организации лагерей для советских военнопленных в Финляндии.

Рисунок 1.

Организация лагерей для советских военнопленных при финском штабе, июнь 1941 г. – 2 сентября 1943 г. (на материалах Национального архива Финляндии)¹³⁰



¹³⁰ KansallisarkistoSuomi, Päämajan yhteysosaston arkisto. Liitteet ja luettelot. T-19499/26_7 Liittoutuneiden valvontakomissiolle menevät asiakirjat. Suomen ja venäjän kielellä. Tiedosto 32-33. [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: <https://astia.narc.fi/uusiastia/viewer/?fileId=5400028913&aineistoId=1525992192>, vapaa pääsy (01.09.2025). – Otsikko näytöltä.; Danielsbacka M. Op. cit. S. 303.

Рисунок 2.

Организация лагерей для советских военнопленных при финском штабе, сентябрь 1943 г. - сентябрь 1944 г (на материалах Национального архива Финляндии)¹³¹



Не менее важным был вопрос о том, как именно военнопленные попадали в лагеря: как выстраивалась цепочка от захвата в плен до постановки на учёт и распределения по конкретному лагерю.

В период 1941-1944 гг. путь военнопленного от попадания в плен до оформления на него карточки в лагере порой затягивался на несколько месяцев. На места сбора, находящиеся в прифронтовой полосе, военнопленные доставлялись в сопровождении конвоя. Там составлялся

¹³¹ KansallisarkistoSuomi, Päämajan yhteysosaston arkisto. Liitteet ja luettelot. T-19499/26_7 Liittoutuneiden valvontakomissiolle menevät asiakirjat. Suomen ja venäjän kielellä. Tiedosto 32-33. [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: <https://astia.narc.fi/uusiastia/viewer/?fileId=5400028913&aaineistoId=1525992192>, vapaa pääsy (01.09.2025). – Otsikko näytöltä.; Danielsbacka M. Op. cit. S. 303.

список в трех экземплярах с указанием фамилии, даты рождения, воинского звания, рода войск, места и времени попадания в плен. Далее пленных направляли на допрос для выяснения оперативно важной информации о силах противника. Как личные данные, так и разведывательные сведения фиксировались в карточках допросов, которые пересылались в лагерь вместе с пленным. Следует уточнить, что дальнейшая судьба допросных карточек остаётся невыясненной. Не исключено, что они могли впоследствии использоваться советскими фильтрационными органами, что отчасти объясняет обстоятельства их уничтожения финскими властями в конце войны. На основании сведений, полученных во время допроса, военнопленных делили на пять групп, которые в дальнейшем содержались отдельно. Первая группа – командиры (офицеры) РККА; вторая - политработники; третья - сержантский состав; четвертая - рядовой состав РККА; пятая - рядовой и сержантский состав, принадлежащий к национальным меньшинствам с финскими корнями¹³². После начальной проверки военнопленных отправляли на карантин в лагерь предварительного заключения или госпиталя. Один экземпляр карточки военнопленного отправлялся с пленным в лагерь или, если он был ранен, в госпиталь, где завершалась регистрация.

По истечении карантинного периода лиц, входивших в 1-ю группу (командный состав), отправляли в лагерь для военнопленных № 3. В лагере № 1 размещались политработники. Пленных групп 3, 4 и 5 первоначально направляли в общие лагеря. С ноября 1941 г. финнов 5-й группы передавали в лагерь для военнопленных № 21 или в места службы, где требовались переводчики¹³³. Содержание и питание военнопленных 5-й группы было гораздо лучше, чем у остальных. Кроме того, советские финны могли

¹³² Suolahti I. Op. cit. S. 53.

¹³³ Ibid. S. 54.

получить работу у частных предпринимателей и вступить в ряды финской армии¹³⁴.

На практике система учета и транспортировки пленных давала сбой, особенно летом и осенью 1941 г. Финская транспортная система не справлялась с большим количеством пленных. До перевозки в лагерь пленных привлекали для сбора трофеев, восстановления или строительства инфраструктуры и иных работ на оккупированной территории. В связи с этим незарегистрированные военнопленные могли неделями оставаться в зоне боевых действий без регистрации. Нехватка допросного персонала и трудовая занятость военнопленных в финских лагерях приводили к значительным задержкам в их официальной регистрации: временной разрыв между датой пленения и фиксацией данных нередко составлял несколько месяцев¹³⁵.

На следующем этапе пленных переводили в другие лагеря. По установленным правилам Финский Красный Крест должен был получать уведомления о каждом переводе, однако на практике это требование соблюдалось далеко не всегда. Случалось, что военнопленные меняли свои регистрационные номера, и подобные подмены выявлялись лишь при очередном переводе¹³⁶. Пленные, погибшие до прибытия в лагерь, зачастую оставались незарегистрированными вплоть до эвакуации их тел с передовой. Часть учётных документов о таких лицах была уничтожена по окончании войны¹³⁷.

¹³⁴ KansallisarkistoSuomi, Päämajan yhteysosaston arkisto. Liitteet ja luettelot. T-19499/26_5 Asiakirjoja koskien Erillinen pataljoona 6, Heimopataljoona 3. Suomen ja venäjän kielellä. Tiedosto 2-23. [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: <https://astia.narc.fi/uusiastia/viewer/?fileId=5266632937&aineistoId=1525981712>, vapaa pääsy (01.09.2025). – Otsikko näytöltä.

¹³⁵ Suolahti I. Op. cit. S. 54–55.

¹³⁶ Timo M. Op. cit. S. 29–31; Pirkka M. Sotavangin elämä ja kuolema. Jatkosodan neuvostovankien suuren kuolleisuuden syyt. Helsinki, 2000. S. 29–32; Danielsbacka M. Op. cit. S. 82–35.

¹³⁷ Kujala A. Vankisurmat. Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa... S. 273.

Прохождение через систему учёта и распределения означало для военнопленного включение в конкретную лагерную структуру с её устойчивым внутренним порядком. Понять, как именно функционировал этот порядок изнутри, позволяет рассмотрение внутренней организации самих лагерей и распределения обязанностей между их подразделениями.

Каждым лагерем для военнопленных руководил начальник и его помощник. Им подчинялся штаб, который ведал всей текущей работой по обеспечению режима содержания военнопленных, включавшей ряд специализированных отделений: «командное» (кадровое), «организационное» (учётно-регистрационное), «просветительское» (пропагандистское), «снабжения», «санитарное», «хозяйственного обслуживания» и «дезинфекционное»¹³⁸.

«Командное (кадровое) отделение» ведало всеми вопросами личного состава охраны и административного персонала лагеря: переводами, командировками, отпусками и демобилизацией. Кроме того, оно оформляло командировочные удостоверения и документы на перевоз военнопленных, вело лагерную переписку, заведовало архивом и рассматривало дисциплинарные дела.

«Организационное (учётно-регистрационное) отделение» вело картотеку военнопленных, оформляло их перевод из лагеря в лагерь, а также занималось привлечением пленных к трудовым работам - в том числе по заявкам местных ферм и частных предпринимателей. Отделение взыскивало с гражданских организаций плату за труд военнопленных и вело соответствующий учёт заработанных средств.

¹³⁸ KansallisarkistoSuomi, Päämajan yhteysosaston arkisto. Liitteet ja luettelot. T-19499/26_7 Liittoutuneiden valvontakomissiolle menevät asiakirjat. Suomen ja venäjän kielellä. Tiedosto 32-33. [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: <https://astia.narc.fi/uusiastia/viewer/?fileId=5400028913&aineistoId=1525992192>, vapaa pääsy (01.09.2025). – Otsikko näytöltä.

«Просветительское (пропагандистское) отделение» осуществляло идеологическую работу среди военнопленных: распространяло финскую и антисоветскую литературу, газеты, организовывало кружки самодеятельности. С этой целью из числа лояльных пленных формировались «просветительские группы», выступавшие проводниками финской пропаганды в лагерной среде. Подобная деятельность преследовала двойную цель - психологически воздействовать на пленных и выявлять среди них тех, кто готов к сотрудничеству.

«Отделение снабжения» осуществляло материально-хозяйственное обеспечение лагеря, включая организацию продовольственного, вещевого и топливного снабжения, создавало рабочие мастерские и заведовало ими. Полное содействие в выполнении поставленных задач данному подразделению оказывало «отделение обслуживания», которое занималось распределением продовольствия, эксплуатацией хозяйственных объектов (обслуживание складов) и поддержанием бытовых условий содержания военнопленных (ремонт бараков, мастерских и хоз. помещений).

«Санитарное отделение» заботилось о санитарном и медицинском обслуживании. Начальником отделения был врач. Под его руководством находился лагерный госпиталь, где лечили все легкие случаи болезни среди военнопленных. Пленные с тяжелыми заболеваниями направлялись в военные госпитали. При выявлении заболевших дезинфекционное отделение производило дезинфекцию помещений и района расположения военнопленных.

Охраной лагеря занималась караульная рота, однако при работе у частного предпринимателя за военнопленными могли следить гражданские лица. Для них в караульной роте составлялись инструкции. Кроме того, каждый караульный должен был пройти 10-дневный курс, в который входило

обращение с оружием, восстановление дисциплины, обращение с военнопленными и их охрана¹³⁹.

Таким образом, система финских лагерей для советских военнопленных представляла собой разветвлённую и жёстко вертикальную структуру управления - от Главной Ставки через центральные отделы к лагерным округам и внутрилагерным подразделениям, что позволяло обеспечивать административный контроль над десятками тысяч пленных. Вместе с тем практика содержания неизбежно расходилась с нормативными предписаниями: сбои в учёте, параллелизм ведомственных структур и неравномерность территориального охвата порождали те самые «белые пятна», которые в настоящее время делают точную статистику советского плена в Финляндии предметом историографической дискуссии.

1.3. Проблема смертности среди советских военнопленных

Смертность советских военнопленных стала одной из наиболее острых проблем функционирования финской лагерной системы в 1939-1944 гг. По данным Национального архива Финляндии, в период с 1939 по 1940 гг. в лагерях, находящихся в ведении финских военных властей, погибло 135 военнопленных. При этом, финские исследователи отмечали неудовлетворительное медицинское обслуживание военнопленных, опираясь при таких выводах на источники. Например, в своих донесениях о проведенных проверках, инспектор М. Спаре отмечал плохое обмундирование и общую слабость военнопленных, которые не всегда могли проделать

¹³⁹ KansallisarkistoSuomi, Päämajan yhteysosaston arkisto. Liitteet ja luettelot. T-19499/26_7 Liittoutuneiden valvontakomissiolle menevät asiakirjat. Suomen ja venäjän kielellä. Tiedosto 36-37. [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: <https://astia.narc.fi/uusiastia/viewer/?fileId=5400028913&aaineistoId=1525992192>, vapaa pääsy (01.09.2025). – Otsikko näytöltä.

пешком путь от пункта доставки до лагеря¹⁴⁰. Кроме того, он упоминал, что в одной госпитальной палате, рассчитанной на 10-12 коек, могло находиться до 30 военнопленных с разными диагнозами. В госпиталях часто могла быть всего одна медсестра, отсутствовали необходимые лекарства и даже бинтов не было в необходимом количестве.

Стремительное продвижение финских войск в 1941 г. привело к массовому поступлению пленных, с размещением которых лагерная система не справлялась. К зиме особенно остро проявились нехватка теплой одежды и продовольствия¹⁴¹. Основной всплеск смертности пришелся на зиму 1941–1942 гг. В отдельных лагерях показатели были чрезвычайно высокими. С весны 1942 г. ежемесячная смертность снизилась, однако совокупно в 1941–1944 гг. умерло около 30 % зарегистрированного контингента¹⁴². По данным Национального архива Финляндии, в финском плену в этот период погибло 19085 уценных советских военнопленных¹⁴³. Далее рассматриваются именно смерти военнопленных, сведения об интернированных и погибших в отдельных боевых эпизодах не включаются в данный показатель.

Анализ данных Национального архива Финляндии показал, что из 19085 погибших советских военнопленных, уценных в карточках Финского Красного Креста (ФКК), можно выделить причины смертности 17258 чел., по 1827 случаям (9,5%) информация отсутствует. Основными причинами смертности пленных в финских лагерях являлись голод (истощение,

¹⁴⁰ KansallisarkistoSuomi, sotavangit ja ihmislouvutukset [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: http://kronos.narc.fi/index_rus.html, vapaa pääsy (30.04.2022). – Otsikko näytöltä; Westerlund L. The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody... P. 24.

¹⁴¹ Danielsbacka M. Op. cit. S. 87–91, 209–222.

¹⁴² Danielsbacka M. Op. cit. S. 37–38, 117–119, 292–303; Hanski, R. Op. cit. S. 51–55, 57–60, 67–77; Timo M. Op. cit. S. 55–66, 74–77, 99–101 103–115; Hallikainen J. Op. cit. S. 29.

¹⁴³ KansallisarkistoSuomi, sotavangit ja ihmislouvutukset [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: http://kronos.narc.fi/index_rus.html, vapaa pääsy (30.04.2022). – Otsikko näytöltä.; Westerlund L. The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody... P.14.

недоедание – 29,2%); инфекционные заболевания желудочно-кишечного тракта (диарея, дизентерия и др. – 23,5%), как результат недоброкачественного питания и воды, плохих санитарных условий; заболевания дыхательной системы (туберкулез, пневмония – 11,5%) и другие инфекционные заболевания (заражение крови, пятнистая лихорадка и др. – 18,6%), развивающиеся на фоне общего ослабления организма. Значительно реже причиной смертности становились боевые ранения и расстрелы (примерно 10%)¹⁴⁴.

Советские власти не имели точной статистики смертности, в результате чего опирались на данные, предоставленные финской стороной. Согласно сведениям, полученным 13 апреля 1945 г. от штаба комендатуры по делам военнопленных, в разных лагерях Финляндии в период с июля 1941 по сентябрь 1944 г. умерло 18318 советских военнопленных, в том числе 190 чел. офицерского состава¹⁴⁵.

Причины смертности советских военнопленных в Финляндии, указанные в карточках ФКК, указывают на медицинскую причину смерти. Однако обобщенный анализ финских и отечественных источников показывает, что смертность советских военнопленных была более комплексной проблемой и зависела от питания, бытовых условий, условий труда, климата, состояния здоровья военнопленного, политики руководства лагеря.

Согласно статье 7 приложения к IV Гаагской конвенции 1907 г., государство, во власти которого находились военнопленные, было обязано содержать их за свой счёт. При отсутствии специального соглашения о содержании пленных между воюющими государствами, питание, размещение

¹⁴⁴ KansallisarkistoSuomi, sotavangit ja ihmislouvatukset [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: http://kronos.narc.fi/index_rus.html, vapaa pääsy (30.04.2022). – Otsikko näytöltä.; Westerlund L. The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody... P. 32.

¹⁴⁵ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 63 Л. 245.

и обмундирование военнопленных должны были соответствовать условиям, установленным для военнослужащих армии государства, захватившего их в плен¹⁴⁶. Статья 11 Женевской конвенции 1929 г. конкретизировала это правило: рацион военнопленных должен был быть равнозначен по количеству и качеству рациону тыловых, гарнизонных или находившихся в базовых лагерях войск удерживающей державы¹⁴⁷. Несмотря на то, что Финляндия не ратифицировала Женевскую конвенцию, нормы питания советских военнопленных должны были соответствовать рациону финских военнослужащих.

Обеспечение советских военнопленных продовольствием во многом определялось состоянием экономики Финляндии. В годы Второй мировой войны в Финляндии была принята немецкая модель продовольственного регулирования, в которой нормировались практически все основные продукты питания, а гражданские пайки определялись в зависимости от возраста, наличия беременности (для женщин), состояния здоровья человека и др.¹⁴⁸. После неурожая 1940 и 1941 гг. Финляндия была вынуждена в значительной степени компенсировать недостаток собственного производства за счёт импорта из Германии, что усиливало зависимость внутреннего снабжения от состояния германских продовольственных ресурсов и транспортных возможностей¹⁴⁹. При этом, в отчете Лиги наций «Продовольствие, голод и помощь. 1940–1946» отмечалось, что ситуация с обеспечением населения

¹⁴⁶ Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г., подписанная в Гааге // Вторая конференция мира 1907 г. СПб: «Издательство Российского МИД», 1908 // [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901753259> (дата обращения: 30.04.2022).

¹⁴⁷ Convention relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 27 July 1929 [Электронный ресурс]. — URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.fe2dc2bd-629d2955-59a70f65-74722d776562/https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/INTRO/305?OpenDocument (Дата обращения: 30.04.2022)

¹⁴⁸ Collingham L. The Taste of War. World War Two and the Battle for Food. London, 2011. P. 4–5, 361–363; Rautavirta K. Petusta pitsaan. Ruokahuollon järjestelyt kriisiaikojen Suomessa. Helsinki, 2010. S. 152–158.

¹⁴⁹ Timo M. Op. cit. S. 75–76.

Финляндии продуктами питания в указанные годы критически не ухудшалась¹⁵⁰. Это стало возможным за счет распределения ресурсов, в результате которого советские военнопленные не получали достаточно продовольствия.

С 1941 по 1943 гг. за распределение продовольствия в лагерях для советских военнопленных отвечал Штаб внутренних войск. Министерство народного снабжения Финляндии устанавливало нормы пайков. Курировал этот процесс при министерстве в 1941 – 1944 гг. полковник, затем генерал-майор Вернер Густафссон (1890–1959 гг.)¹⁵¹.

Считается, что молодому человеку нормального телосложения, ведущему умеренно активный образ жизни, требуется от 2800 до 3000 килокалорий в день. Минимально-безопасное количество энергии составляет 1200 килокалорий в день для женщин и 1500 килокалорий в день для мужчин¹⁵². Однако Данные показатели в работе используются как сравнительный физиологический ориентир, а не как международно-правовая или историческая норма периода Второй мировой войны.

Финские военные власти установили две продовольственные нормы для советских военнопленных в начале июля 1941 г.: базовый рацион в 1508 килокалорий и рацион питания работающих пленных в 2143 килокалорий. Основными продуктами были хлеб, мука, крупы и картофель. В паек также входило небольшое количество молока, мяса, маргарина и сахара, а также специи и чай¹⁵³.

¹⁵⁰ Food, famine and relief. 1940–1946. Geneve, 1946. P. 4–5 // Archive.org. URL: <https://archive.org/details/foodfamineandrel031890mbp/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 21.06.2023).

¹⁵¹ Danielsbacka M. Op. cit. S. 102.

¹⁵² Collingham L. The Taste of War. World War Two and the Battle for Food. London, 2011. P. 9.

¹⁵³ Pirkka M. Op. cit. S. 55–56; Danielsbacka M. Op. cit. S. 103.; Пиэтола Э. Военнопленные в Финляндии 1941-1944 // Север. 1990. № 12. С. 104.

На практике обеспечить соблюдение двух продовольственных норм оказалось крайне сложно, в том числе из-за недостатка ресурсов. Уже в августе 1941 г. Штаб внутренних войск издал приказ, по которому для всех военнопленных закреплялся базовый рацион, а дополнительное питание предоставлялось только отличившимся на работах и старшим в группах¹⁵⁴. В дополнение к двум установленным пайкам была установлена норма питания для военнопленных, переданных частным предпринимателям. Министерство народного снабжения Финляндии в начале сентября 1941 г. установило для них рацион в 2697 ккал¹⁵⁵.

Поздней осенью 1941 г. появились первые сведения об эпидемиях в лагерях советских военнопленных, связанных с недостаточным питанием. В лагере Рийхимяки появились «странные болезни», при которых военнопленный опухал; возможно, это была цинга, вызванная недостатком витаминов. Медицинский инспектор лагерей для военнопленных Сало заявил, что рацион питания для военнопленных на работе оказался слишком низким. Из лагерей для военнопленных № 9, № 11, № 19, № 8, № 2 и № 7 сообщали о голоде и даже голодных смертях. В лагерях на середину ноября находилось почти 3300 ослабленных и больных, не считая более 4000 военнопленных в госпиталях¹⁵⁶. Военное руководство Финляндии признавало, что пайки должны быть увеличены, если военнопленные используются на работах. В своем докладе по результатам проверки В. Густафссон предложил оставить следующие нормы снабжения пленных: основную (2038 ккал) и для работающих (2538 ккал).

Финские исследования могут быть сопоставлены с показаниями советских военнопленных, собранными после репатриации, однако такие свидетельства требуют источниковедческой проверки. В одном из показаний

¹⁵⁴ Danielsbacka M. Op. cit. S. 107.; Пиэтола Э. указ. соч. С. 104.

¹⁵⁵ Pirkka M. Op. cit. S. 55–56.

¹⁵⁶ Danielsbacka M. Op. cit. 108-110.

сообщалось, что в лагере № 91 в районе Холосино в отдельные дни от истощения и побоев умирало по четыре-пять человек; распространение этого наблюдения на весь период содержания документом не подтверждается¹⁵⁷. В другом сообщении начальник лагеря № 32 Каяни Карл Койвисто обвинялся в присвоении продуктов, но использованный источник не содержит независимого подтверждения обвинения¹⁵⁸. По сведениям бывших пленных, в лагере № 1 к апрелю 1942 г. от голода умерло 120 человек, а значительная часть офицеров находилась в состоянии истощения¹⁵⁹. Финские исследователи отмечают, что с июля по октябрь 1941 г. умерло около 500 военнопленных, в ноябре — не менее 600, а в декабре число смертей увеличилось более чем вдвое по сравнению с ноябрем¹⁶⁰.

Штаб внутренних войск указывал на то, что «недисциплинированность» и побегі пленных происходили из-за неравномерности распределения продовольствия. Финский исследователь Антти Куяла заявил, что «если бы военнопленные получали достаточно еды в течение первых 14 месяцев войны, то была бы устранена главная причина беспорядков и побегов»¹⁶¹. Таким образом, по мнению историка, плохое управление отражалось и на дисциплине в лагерях.

Продуктов постоянно не хватало, а те, что выдавались, зачастую были плохого качества, преднамеренно непригодными для питания. В сентябре 1941 г. полковник В. Густафссон отдал приказ «следить за тем, чтобы все отходы, которые больше не пригодны для использования в Мейкале, но все еще могут быть использованы для потребления человеком, учитывались в пище для

¹⁵⁷ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 107.

¹⁵⁸ Там же. Л. 129.

¹⁵⁹ Там же. Л. 131.

¹⁶⁰ Danielsbacka M. Op. cit. S. 119.

¹⁶¹ Kujala A. Vankisurmat. Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa...S. 261.

пленных»¹⁶². Такая пища или ее отсутствие вели к распространению заболеваний и росту смертности среди пленных.

Питание использовалось лагерной администрацией в качестве меры поощрения или наказания. В правилах для военнопленных это положение было изложено в следующей формуле: работа «трудолюбивых пленных» вознаграждается за счет сокращения пайка «ленивых». Таким образом, неработающие пленные зачастую получали наименьший рацион питания, а слабость от голода истолковывалась как лень и приводила к еще большему уменьшению рациона. Данные нормы и их длительность зависела от руководства лагеря.

Дефицит продовольствия в Финляндии усилился зимой 1941–1942 гг. Ситуация осложнялась исключительно суровыми погодными условиями: тяжёлая ледовая обстановка в Балтийском море существенно затруднила, а в отдельные периоды практически прекратила доставку продовольствия из Германии. Естественно, что общее продовольственное положение Финляндии сказывалось на недостаточном питании военнопленных и увеличении смертности по этой причине.

Лица, принимающие политические решения, обратили внимание на ситуацию с содержанием военнопленными в начале 1942 г., отчасти из-за утечки информации о положении пленных в иностранную прессу¹⁶³. По словам генерал-майора В. Густафссона, необходимость повышения рациона была вызвана привлечением военнопленных для выполнения тяжелых работ. В действительности, пленных использовали на тяжелых работах с начала войны. В результате, Министерство народного снабжения снизило калорийность норм до 1889 ккал (основная) и 2389 ккал (для работающих), но

¹⁶² Danielsbacka M. Op. cit. S. 122.

¹⁶³ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 63. Л. 71.

одновременно ввело 3-ю норму в 2800 ккал для военнопленных, используемых на тяжелых работах¹⁶⁴.

Новые нормы снабжения вступили в силу 25 января 1942 г., однако смертность продолжала расти, и принятые меры не приносили ожидаемого результата. Через несколько недель главнокомандующий вооруженными силами Финляндии маршал К.Г.Э. Маннергейм получил доклад от Финского Красного Креста (ФКК) о бедственном положении со снабжением лагерей для советских военнопленных. Весной 1942 г. энергетическая ценность пайка пленных, занятых в рабочих ротах, была ниже нормативной из-за отсутствия молока, маргарина, сыра, соленой рыбы и картофеля¹⁶⁵. Узник одного из лагерей Финляндии военнопленный Шимон Янтовский вспоминал: «Рацион был следующим: утром чай с двумя кусочками сахара и пайкой хлеба 200 - 250 грамм, вечером - около одного литра мучной похлебки (баланды), заправленной маргарином»¹⁶⁶.

Тяжелая ситуация с продовольствием внутри страны вынудила Маннергейма в марте 1942 г. обратиться к президенту Международного Комитета Красного Креста (МККК) Максу Губеру. В своем письме он, в частности, указывал, что дальнейшее увеличение норм продовольственного пайка для советских военнопленных могло быть осуществлено только за счет гражданского населения Финляндии. В ответ на обращение маршала Маннергейма МККК организовал гуманитарную помощь ФКК и за период с июня 1942 г. по октябрь 1944 г. направил в Финляндию более 500 тонн продовольственных посылок (каждая посылка содержала сухое молоко,

¹⁶⁴ Danielsbacka M. Op. cit. S. 123.

¹⁶⁵ Ibid. S. 98.

¹⁶⁶ Янтовский Ш. Лагерь советских военнопленных - евреев в Финляндии (1942-1944 год). Иерусалим, 1995. С. 9–74.

мясные консервы, сахар и др.), а также 500 тыс. доз витаминных препаратов (в виде таблеток-капсул) и других медикаментов¹⁶⁷.

Пока в финских лагерях ждали гуманитарную помощь от МККК, в начале марта 1942 г. третий тип рациона разрешили использовать для питания ослабленных и больных военнопленных в лагерных лазаретах по заключению врача. Эти нормы сохранялись до 5 июня 1943 г., когда был полностью отменен базовый рацион¹⁶⁸. Кроме того, 16 сентября 1943 г. были утверждены новые правила поддержания дисциплины в лагерях. Согласно п.4 и п.10 можно было уменьшить питание военнопленного в качестве наказания не больше, чем на трое суток и только после разрешения врача¹⁶⁹.

Таким образом, смертность советских военнопленных в лагерях Финляндии от недостаточного питания стала результатом системных ошибок и отсутствия контроля за правильным распределением продовольствия.

Голод был основной, но не единственной причиной высокой смертности среди пленных в финских лагерях. Другим фактором являлся тяжелый труд военнопленных. Анализ базы данных Национального архива Финляндии показал, что из 19085 погибших советских военнопленных, сведения об их профессиональной принадлежности содержались в 18137 записях ФКК, то есть в 95,03 % случаев (см. Приложение 7)¹⁷⁰. Это говорит о том, что еще с начала войны в 1941 г. финские военные власти планировали использовать пленных согласно их специализации. Однако с июля 1941 по октябрь 1942 гг. привязки к профессии не было, и пленных распределяли в зависимости от военных нужд и потребностей регионов.

¹⁶⁷ Durand A. History of the International Committee of the Red Cross. 2: From Sarajevo to Hiroshima. – Geneva: Henry Dunant Institute, 1984. P. 513.

¹⁶⁸ Danielsbacka M. Op. cit. S. 124.

¹⁶⁹ По обе стороны Карельского фронта, 1941-1944 : Документы и материалы / сост. А. В. Климова, В. Г. Макуров. Петрозаводск, 1995. С. 372-374.

¹⁷⁰ KansallisarkistoSuomi, sotavangit ja ihmisluovutukset [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: http://kronos.narc.fi/index_rus.html, vapaa pääsy (30.04.2022). – Otsikko näytöltä.

Советских военнопленных использовали в сельском хозяйстве (преимущественно в южной и западной части Финляндии), более 50% пленных трудились на лесозаготовках и в деревообрабатывающей промышленности (восточная и центральная Финляндия), а также на дорожных и ремонтных работах (в том числе в прифронтовой зоне на оккупированной территории Восточной Карелии)¹⁷¹. Использование пленных для работы в частных хозяйствах было разрешено в начале июля 1941 г. В августе им было разрешено использовать военнопленных не только на сельскохозяйственных работах.

В конце сентября 1941 г. из 27 тыс. работавших в финских лагерях военнопленных почти половина (12,4 тыс.) трудилась в сельском хозяйстве, зачастую вместо тяглового скота¹⁷². По показаниям пленных лагеря № 1 Пейпохия, их запрягали в финский плуг по 20 чел. и производили вспашку поля. Пахали с августа по октябрь 1941 г.¹⁷³ По завершении уборочной страды военнопленных переводили на лесозаготовки, торфяные разработки, на строительство дорог. В начале декабря 1941 г. на сельскохозяйственных работах было занято только около 8% (2,5 тыс. пленных), около 17% (5 тыс. пленных) – в частном и государственном секторах, большинство – в дорожном строительстве. Почти 28% (8,5 тыс.) пленных работали на Штаб внутренних войск. В лесной промышленности было занято 2,9 тыс. пленных (10 %)¹⁷⁴. Можно сказать, что сфера применения труда военнопленных в Финляндии во многом определялась сезонностью работ и местом их организации. Эффективность труда военнопленных зависела от их физического состояния, от их содержания и питания. Это стали понимать и финские власти после первого года войны, унесшего тысячи жизней советских пленных. С

¹⁷¹ Фролов Д. Советско-финский плен.... С. 330.

¹⁷² Danielsbacka M. Op. cit. S. 132.

¹⁷³ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 131.

¹⁷⁴ Danielsbacka M. Op. cit. S. 132.

увеличением норм снабжения, улучшения санитарного состояния лагерей с 1942 г. значительно снизилась и смертность среди советских военнопленных.

Приказом Главной ставки от 10 октября 1942 г. предписывалось незамедлительно классифицировать пленных по 23 профессиональным группам, часть которых дополнительно подразделялась на более узкие категории. Например, сельскохозяйственные работники делились на руководителей, трактористов и собственно сельскохозяйственных рабочих. Целью подобной регистрации было повышение эффективности использования труда посредством направления людей на работы, соответствовавшие их прежней профессии и практическим навыкам¹⁷⁵.

27 июля 1943 г. в адрес отдела по делам военнопленных при Главной ставке поступило распоряжение, созданное на основе докладов инспекторов главнокомандующему К.Г.Э. Маннергейму. При выполнении тяжёлых работ, особенно зимой, полагалось предоставлять дополнительные продовольственные нормы. Предписывалось также распределять нагрузку таким образом, чтобы один и тот же человек не оставался на тяжёлых работах продолжительное время: пленных следовало периодически переводить на более лёгкие участки. Эти требования фактически признавали, что продолжительный тяжёлый труд без соответствующего питания и ротации создавал угрозу здоровью и жизни военнопленных¹⁷⁶.

Само появление подобных распоряжений показывает, что проблема заключалась не только в общем дефиците продовольствия, но и в недостатках управления. Наличие нормативно установленного рабочего пайка не гарантировало его фактической выдачи, а формальное медицинское освидетельствование не исключало длительного использования ослабленных людей на тяжёлых работах. Отдалённость рабочих команд от основных

¹⁷⁵ Kinnunen A. Päämajan järjestelyosasto käsklee!... S. 81–82

¹⁷⁶ Ibid. S. 83.

лагерей затрудняла врачебное наблюдение, своевременное выявление заболеваний и эвакуацию нетрудоспособных. В этих условиях состояние пленных во многом зависело от отношения конкретного работодателя, начальника рабочей команды или представителя лагерной администрации¹⁷⁷.

Последовательная реорганизация системы управления лагерями свидетельствует о признании финским руководством связи между эффективностью труда и условиями содержания. Военнопленный, утративший здоровье вследствие голода и чрезмерной нагрузки, переставал представлять экономическую ценность. Поэтому улучшение питания и медицинского надзора после высокой смертности периода 1941–1942 гг. было обусловлено не только гуманитарными соображениями, но и стремлением сохранить трудоспособность лагерного контингента.

Таким образом, трудовое использование советских военнопленных следует рассматривать как существенный, но опосредованный фактор высокой смертности. Влияние труда на смертность заключалось прежде всего в том, что значительные физические нагрузки ускоряли развитие истощения, снижали сопротивляемость организма заболеваниям и затрудняли восстановление больных и раненых. Особенно опасной была ситуация, когда работа военнопленного определялась хозяйственными потребностями, тогда как состояние здоровья «работника» учитывалось недостаточно¹⁷⁸.

С подписанием Московского перемирия в сентябре 1944 г. сообщения о преступлениях и жестоком обращении в финских лагерях для военнопленных стали систематически собирать Союзная контрольная комиссия (далее — СКК) и представители уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, приступившие к работе осенью 1944 г. СКК была создана в соответствии со статьёй 22 Соглашения о перемирии для контроля за выполнением

¹⁷⁷ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 107, 128–131; Danielsbacka M. Op. cit. S. 117–123.

¹⁷⁸ Westerlund L. The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody... P. 24, 32; Danielsbacka M. Op. cit. S. 117–123.

Финляндией его условий. В её состав входили представители СССР и Великобритании, однако комиссия действовала под общим руководством Советского Главнокомандования. Председателем являлся А. А. Жданов. СКК могла запрашивать у финских органов необходимые сведения и документы, посещать учреждения и места содержания военнопленных, проверять исполнение положений перемирия и передавать финским властям материалы для расследования и привлечения виновных к ответственности¹⁷⁹.

Сотрудники СКК в ходе бесед и письменных опросов собирали сообщения бывших военнопленных о преступлениях финских военнослужащих. Часть пленных составила коллективное заявление о пребывании в финских лагерях и просила опубликовать его в одной из центральных газет (см. Приложение 1). В показаниях сообщалось об избиениях, лишении питания, незаконном применении оружия, показательных казнях и других формах жестокого обращения.

Вместе с тем, эти материалы имеют выраженный свидетельский характер: они создавались после освобождения, в ходе организованного сбора сведений, когда опрашиваемым предлагалось сообщить обо всех известных им нарушениях. Поэтому информированность заявителей различалась, а отдельные сообщения могли включать слухи, неточные даты и номера лагерей, завышенные количественные оценки и субъективное объяснение мотивов охраны. Их следует использовать не как исчерпывающее описание обстоятельств каждого эпизода, а в сопоставлении с финскими военными дневниками, учётными карточками, материалами служебных расследований и послевоенных судебных дел. Такое сопоставление подтверждает общую картину голода, телесных наказаний и незаконных убийств, однако не все конкретные детали находят подтверждение в финских документах. В

¹⁷⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее - АВП РФ). Ф. 06. Оп. 6. Д. 719. П. 53. Л. 20–21.

частности, оценка в 8 тыс. умерших в одном лагере не согласуется с сохранившейся лагерной статистикой. Не подтверждены также некоторые рассказы о способах истязаний и утверждения об официальном поощрении отдельных расстрелов. Поэтому приведённые ниже сведения обозначаются как показания конкретных заявителей, а степень их подтвержденности оговаривается отдельно¹⁸⁰.

1) По финским данным, в лагере № 1 умерло 123 чел., из них только 8 красноармейцев, остальные – командиры и политработники. Большинство, по показаниям военнопленных, было расстреляно или умерло от голода, хотя финны в представленных списках писали: «умер от воспаления легких, гриппа» и т.п.

2) По показаниям военнопленных, командование лагерей поощряло издевательства над пленными. В лагере № 1 комендант, капитан финской армии Мустанен наградил 10 днями отпуска капрала, который расстрелял пленного лейтенанта Лещева за попытку кражи пряжки. Финская охрана при этом говорила: «Чтобы получить отпуск, нужно убить русского пленного». Согласно заключению СКК, учет военнопленных в лагерях был поставлен плохо, что делалось умышленно, чтобы не нести ответственности за истребление военнопленных.

3) В лагере военнопленных № 9563 в 25 км от Юнтосранта в 1941–1942 гг. был групповой расстрел (однократный. Точная дата не указана) 14 русских военнопленных с предварительным отрезанием носа, ушей, губ охранником лагеря солдатом Туруниным.

4) По заявлению военнопленного Иванова Николая Ивановича, по вине командования 2 пересыльного лагеря в г. Наараярви в октябре 1941 г. от

¹⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 10. Л. 71–73. О необходимости критического сопоставления советских свидетельств с финскими учётными и судебными материалами см.: Kujala A. The Unlawful Killings of POWs during the Continuation War, 1941–1944 // *Prisoners of War Deaths and People Handed Over to Germany and the Soviet Union in 1939–55* / ed. by L. Westerlund. Helsinki, 2008. P. 83–90.

издевательств и побоев, плохого питания в день умирало до 70 военнопленных. Многих охрана расстреляла за переход из барака в барак.

5) По заявлению военнопленного Аржевитина Федора Ивановича, в августе и сентябре 1942 г. на лесных работах от пересыльного лагеря г. Кеми военнопленных систематически избивали. За 1,5 месяца умерло 18 военнопленных красноармейцев.

6) По заявлению военнопленного Голованова Александра Ивановича, в лагере № 19 (г. Оулу) в декабре 1941 г. и в январе 1942 г., в лагере № 14 (г. Сортавала) капрал Алассари расстрелял нескольких военнопленных. Кроме того, он практиковал закапывание в снег живых пленников. Капрал Куйка избивал военнопленных, в результате чего умер военнопленный Шабанов Ф. Этот же Куйка в январе 1942 г. застрелил военнопленного Цирульника Бориса за то, что последний не мог работать по причине истощения.

7) По заявлению военнопленного Кабанова Алексея Павловича, в ноябре 1942 г. в лагере № 3 за хождение военнопленных группами в уборную оружейным огнем было ранено несколько человек.

8) По заявлению военнопленного Липовича Александра Менделеевича, за период его пребывания в лагере № 2 (Наараярви) с июля 1941 по декабрь 1944 г. на его глазах от избиений, голода, холода, антисанитарии умерло 8000 советских военнопленных (указанные данные требуют дополнительной проверки.). В лагере № 3 «Ронки» охрана лагеря винтовочным огнем тяжело ранила 6 военнопленных красноармейцев

9) Постоянный состав лагеря № 91 в районе Холосино насчитывал до 200 чел. Здесь особенно жестоко издевались над евреями, коммунистами и советскими работниками. Евреев клали в мешок и обливали ледяной водой, приклеивали столярным клеем бороды, одевали в пеструю одежду¹⁸¹.

¹⁸¹ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 107.

10) В донесении от 31 декабря 1944 г. на имя заместителя уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР генерал-лейтенанта К.Д. Голубева сообщалось, что, по агентурным данным, в Финляндии русских парашютистов обычно казнили на кладбище в г. Коуволла. Перед отправкой задержанных к месту казни принуждали переодеваться в финскую солдатскую форму. Переброска смертников из казарм на кладбище производилась на автомашине, шофером которой был Эйно Рюенсен, уроженец д. Анттила, прихода Валкаела¹⁸².

11) Начальник лагеря № 1 (Пейпохия) Салонен заявлял: «Вы большевистская зараза, и нам приказано вас уничтожить». Избивали, морили голодом. Запрягали в финский плуг по 20 чел. и производили вспашку поля. Не меняли белье 8 месяцев»¹⁸³.

Из показаний пленных можно выделить следующие группы военных преступлений¹⁸⁴:

А. Убийства и расстрелы военнопленных:

1) В лагере военнопленных № 14 в г. Сортавала в декабре 1941 г. капрал Алассари расстрелял двух военнопленных у бочки с отбросами пищи и уже расстрелянных колот штыком.

2) В 1943 г. из лагеря военнопленных № 14 в г. Сортавала сбежало 4 чел., но через 2 дня все они были пойманы охраной лагеря и расстреляны, а их трупы оставили у входных ворот лагеря в качестве устрашения.

3) По заявлению военнопленного Бушмаринова Александра Александровича в сентябре 1943 г. начальник лагеря № 6 убил военнопленного Антонова Кирилла.

¹⁸² ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 63. Л. 15.

¹⁸³ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 131.

¹⁸⁴ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 10. Л. 73.

4) По заявлению военнопленного Озерова Ивана Р., в сентябре 1943 г. начальник лагеря № 74 г. Медвежьегорск избивал военнопленных пистолетом, военнопленного Брякова Алексея застрелил.

5) По заявлению военнопленного Бичкина А.Г., в 1941 г. в ноябре–декабре в лагере «Кемиярви» военнопленный Лехмус Федор убивал голодных пленников. Позже он добровольно ушел в финскую армию.

6) По заявлению военнопленного Максикова Леонида Федосеевича, в отделении лагеря № 19 г. Оулу ст. Мухос, местечко Ляпиниеми за побег из лагеря в декабре 1941 г. убили несколько военнопленных. Так, убили военнопленного Тихонова.

7) «О зверствах в лагере №3». Практика физического истребления путем расстрелов и избиений¹⁸⁵:

- 29.07.1943 г. Часовой открыл автоматный огонь по барaku № 8 и ранил 6 чел. Действия часового одобрили и не наказали.

- 09.06.1943 г. были расстреляны при попытке побега 4 чел.

Б. Издевательства и телесные наказания:

1) В июне 1942 г. в лагере № 19 в г. Оулу младший сержант из числа охранников в ночное время врывался в барак к спящим военнопленным, натравливал на них собаку, а сам избивал палкой всех подряд.

2) 15 августа 1942 г. на втором пересылочном пункте в 25 км от Наараярви на торфоразработках мастер и охранник при участии старшины пункта Азимова (русский, принявший финское гражданство), избивали палкой военнопленного Бистрова Сергея Федотовича.

3) По заявлению военнопленного Максикова Леонида Федосеевича в отделении лагеря № 19 г. Оулу ст. Мухос, местечко Ляпиниеми, как охрана, так и начальство отделения издевались над военнопленными: избивали,

¹⁸⁵ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 128.

выгоняли при 30 градусах на мороз, плохо кормили. За подбор выброшенных костей военнопленного Смирнова охрана расстреляла.

4) По заявлению военнопленного Груздева Николая Ивановича 10 сентября 1944 г. военнопленные из лагеря № 16 г. Коккола были направлены на лесные работы в 90 км от города. На работе военнопленных избивали, не кормили.

В. Жестокость администрации лагерей:

1. В лагере военнопленных № 9 563 в 25 км от Юнтосранта в 1941–1942 гг. охранники Бахманов и Чанин сожгли двух военнопленных на каменке.

2. Военнопленный В. А. Миронов сообщал, что в лагере № 3 администрация лишала пленных пайка, а охрана стреляла по баракам; по его словам, 29 июля 1943 г. огнём часового с вышки были ранены шесть человек. Источник не раскрывает предшествовавшие обстоятельства происшествия и не позволяет установить, было ли применение оружия связано с попыткой побега, нарушением лагерного режима или иным конфликтом. Сообщение о том, что действия часового были одобрены, является оценкой заявителя. Этот эпизод повторяется в другом советском донесении из того же комплекса материалов, но такое совпадение не является независимым подтверждением. В привлечённых финских военных дневниках и опубликованных судебных материалах прямого подтверждения обстоятельств именно данного случая не выявлено, поэтому он рассматривается как свидетельство, требующее дальнейшей проверки¹⁸⁶.

3. По заявлению военнопленного Григорьева Анания Георгиевича, в 1942 г. в лагере военнопленных в г. Вааза: кормили плохо, больные в

¹⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 128.; Kujala A. The Unlawful Killings of POWs during the Continuation War, 1941–1944 // Prisoners of War Deaths and People Handed Over to Germany and the Soviet Union in 1939–55 / ed. by L. Westerlund. Helsinki, 2008. P. 83–90. В использованных финских материалах прямого подтверждения обстоятельств эпизода 29 июля 1943 г. и утверждения об одобрении действий часового не выявлено.

госпитали не отправлялись, посылались на все работы и в случаях отставаний пристреливались охраной. Избиения были систематическим явлением.

4. Публичные избиения в лагере № 91 в районе Холосино / Юлтусранта. Выстраивали военнопленных на улице в два ряда по 100 чел. и «провинившихся» пускали сквозь строй и избивали ремнями. Были случаи, когда в бане подвешивали вниз головой¹⁸⁷.

5. «О зверствах в лагере № 32»¹⁸⁸.

– Начальник лагеря Карл Койвисто присваивал продукты пленных, выгонял больных на работу.

– Следующий начальник этого лагеря, Рахмоса, систематически избивал военнопленных, выводил по 30 чел. за зону лагеря и бил резиновой палкой.

Даже после заключения перемирия в некоторых лагерях отношения к военнопленным не изменилось, например¹⁸⁹:

а) 6 военнопленных работали у барона Рамсау. 24 октября они должны были отправиться на родину, и 23 октября не вышли на работу, так как готовились к отъезду. Сын барона, капитан Рамсау вызвал охрану и приказал убить одного военнопленного; капрал выстрелил в пленного Гусса и тяжело его ранил.

б) В лесном лагере Ногоа в день отправки на сборные пункты избили всех военнопленных. Барак, в котором находились пленные, был обстрелян из автоматов.

Данный материал был передан СКК для принятия мер. Известно, что СКК потребовала ареста капитана Рамсау, капрала, который стрелял, и всех конкретных виновников по другим фактам издевательств.

Согласно статье 13 Соглашения о перемирии 1944 г. Советский Союз разрешил финским гражданским судам и военным трибуналам выносить

¹⁸⁷ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 4. Л. 127.

¹⁸⁸ Там же. Л. 129.

¹⁸⁹ ГАРФ Ф. Оп. 6 Д. 10. Л. 73 - 74.

приговоры военным преступникам в соответствии с национальным законодательством страны¹⁹⁰. Верховный суд Финляндии рассмотрел в 1945–1949 гг. в общей сложности 148 дел о военных преступлениях в отношении военнопленных. По данным исследования Антти Куяла, 56 дел об убийствах военнопленных в 1941 – 1944 гг. были рассмотрены в Верховном суде. По 33 из них суд приговорил в общей сложности 35 чел. По 23 делам никто осужден не был¹⁹¹. «Непредумышленное убийство» было самой распространенной статьей, по которой бывшие финские военные были привлечены к ответственности. К непредумышленному убийству были отнесены также факты подстрекательства к совершению убийства и соучастия в нем, причинения смерти по неосторожности и нападения без намерения убить. Если солдат расстреливал тело уже мертвого военнопленного, то его осуждали за неподобающее для солдата поведение¹⁹².

Особенно пленные были озлоблены на старшин из числа военнопленных. Есть много фактов их избиения и даже убийств. В связи с этим, в ходе репатриации старшины находились в отдельных бараках и отправлялись в СССР специальных вагонах.

В результате, убийства военнопленных по большей части происходили в первые два года войны, когда успехи на фронте были на стороне Германии. Месть, ненависть к Советскому Союзу и личные причины играли свою роль при совершении преступлений в лагерях над военнопленными. В боевых условиях большинство рядовых солдат считали бесчестным расстрел сдавшихся советских военнослужащих, и финским офицерам часто сложно

¹⁹⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. 1 января - 3 сентября 1945 г.: Док. и материалы. М., 1947. С. 69.

¹⁹¹ Kujala A. The Unlawful Killings of POWs during the Continuation War, 1941–1944 // Prisoners of War Deaths and People Handed Over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives / edited by L. Westerlund. Helsinki: Kansallisarkisto, 2008. P. 86.

¹⁹² Ibid. P. 89-90.

было найти исполнителя расстрелов. По данным базы Национального архива Финляндии, среди этнических финнов в плену погибло не более 1%, тогда как смертность среди представителей других национальностей была значительно выше¹⁹³.

Преступления в отношении советских военнопленных стали возможны не из-за полного отсутствия правовых норм, а вследствие их непоследовательного применения. Некоторые положения Гаагской конвенции 1907 г., а также Женевской конвенции 1929 г. не принимались финским законодательством, а приказы, отданные солдатам в 1941 – 1944 гг., во многом соответствовали национальному праву. Наиболее распространенной ситуацией, когда военнопленных расстреливали за линией фронта, была казнь за побег, кражу или неподчинении и в качестве назидания.

1.4. Советские перемещенные лица в Финляндии, 1941 - 1944 гг.

В период Великой Отечественной войны политика насильственного переселения советских граждан, а также использования их труда Германией и Финляндией на своих подконтрольных территориях имела как схожие, так и отличительные черты. По причине провала блицкрига военная экономика нацистской Германии сильно нуждалась в дешевой рабочей силе, которой стало население оккупированных фашистами стран, преимущественно вывезенные из СССР. Уже к концу 1941 г. аграрному сектору экономики Германии требовалось порядка 700 тыс. рабочих¹⁹⁴. Практика депортации в основном касалась молодого трудоспособного населения, без которого вся

¹⁹³ KansallisarkistoSuomi, sotavangit ja ihmisluovutukset [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: http://kronos.narc.fi/index_rus.html, vapaa pääsy (30.04.2022). – Otsikko näytöltä.

¹⁹⁴ Данченко Е.Л. Принудительный труд "восточных рабочих" в аграрном секторе экономики нацистской Германии 1941-1945 гг.: автореферат дис. ...кандидата исторических наук: 07.00.03 / Данченко Е.Л. – Ярославль, 2011, С. 17.

немецкая оборонная и гражданская промышленность, инфраструктура и сельское хозяйство могли рухнуть, не выдержав потребностей военного времени.

Главным отличием политики Финляндии по перемещению советского гражданского населения являлось то, что финны переселяли на свою территорию этнически близкие народы (преимущественно ингерманландцев) целыми семьями. Кроме решения экономической проблемы, заключавшейся в нехватке рабочей силы, перемещенные лица должны были, в перспективе, заселить захваченные в процессе военных действий территории СССР. Ингерманландцев заманивали в Финляндию лозунгом: «Финляндия приглашает вас, ингерманландцы!» Люди должны были заполнить заявление, в котором указывалось, что уезжают добровольно. Это был способ показать международному сообществу, что процесс переселения в Финляндию не соответствовал тому, что немцы предприняли в других государствах¹⁹⁵.

Еще одним отличием от немецкой практики по депортации гражданского населения стало то, что переселение ингерманландцев в Финляндию происходило в режиме секретности. Для этого было две причины. Первая касалась безопасности судоходства, поскольку советских граждан перевозили преимущественно морем из Эстонии и Ленинградской области. Вторая причина была связана с тем, что финское правительство опасалось возможной негативной реакции иностранной прессы на депортацию населения, поскольку насильственное переселение жителей оккупированных стран было типичной немецкой практикой в период Второй мировой войны. В Финляндии в период 1939 – 1944 гг. финское информационное агентство следило, чтобы периодические издания писали о процессе переселения ингерманландцев, сосредоточившись на их происхождении, религии и борьбе за свое существование. Цель этого - попытаться убедить граждан Финляндии

¹⁹⁵ Reijo R. Op. cit. S. 190.

в том, что ингерманландцы были частью финского народа. Всего в прессу финское информационное агентство направило более 20 тыс. статей для пропаганды¹⁹⁶.

Стремительное продвижение германской группы армий «Север» с июля по сентябрь 1941 г. привело к захвату территории Ленинградской области, на которой проживало также население финнов–ингерманландцев и этнических немцев. Опасаясь возможных провокаций с их стороны, советское руководство приступило к эвакуации на восток «склонных к коллаборационизму» этносов¹⁹⁷. Процесс вывоза населения проводился в соответствии с постановлением Военного совета Ленинградского фронта №196сс от 26 августа 1941 г.¹⁹⁸ Сроки были установлены с 27 августа по 7 сентября 1941 г. По данным В.Н. Земскова с территории Ленинградской области было вывезено 44737 ингерманландцев, из них 17837 были размещены в Красноярском крае, 8267 — в Иркутской области, 3602 — в Омской области, остальные — в Вологодской и Кировской областях¹⁹⁹. Однако полностью план эвакуации реализовать не удалось и в районах Ленинградской области осталось около 70 тыс. ингерманландцев²⁰⁰.

В июле 1941 г. на оккупированной территории Восточной Карелии был создан «Комитет по ингерманландским делам», руководителем которого был назначен Й. Саволайнен²⁰¹. В его состав вошли представители

¹⁹⁶ Ibid. S. 60-61.

¹⁹⁷ Донесение В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, А.Н. Косыгина, А.А. Жданова, И.В. Сталину Передано по ВЧ 29.VIII. в 10 час. Москва, тов. Сталину. О выселении из пригородов Ленинграда населения немецкой и финской национальностей. 29 августа 1941 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 213.

¹⁹⁸ Из районов области сообщают.... Свободные от оккупации районы Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945: Сб. документов / Отв. ред. А.Р. Дзенискевич, отв. сост. Н.Ю. Черепнина. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – С. 63.

¹⁹⁹ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960. М., 2003, С. 95.

²⁰⁰ Reijo R. Op. cit. S. 54.

²⁰¹ Его заместителем был К. Тюнни, секретарем выбрали Т.Й. Тойкка, А. Хямляйнен, Э.А. Ямалайнен (занимал пост председателя «Ингерманландского союза»), А. Метияйнен, Ю. Тирранен (позже вошел в состав штаба военного управления Восточной Карелии) и Ю. Веса.

ингерманландских общественных кругов и сторонники политики национального сближения. Комитет собирал сведения о положении населения, готовил обращения к финскому руководству и участвовал в разработке предложений о будущем ингерманландцев. Согласно программе комитета, к Финляндии должны были присоединиться Восточная Карелия, вся Ингерманландия в границах Столбовского мира 1617 г., и, на правах автономии, Эстония. Южная граница Финляндии должна была проходить по р. Неве. Для освоения этих территорий «Великая Финляндия» нуждалась в людских ресурсах, близких по крови и языку. 4 сентября 1941 г. премьер-министру Финляндии Й.В. Рангеллю было направлено письменное предложение по реализации данной программы, которую поддержали и немецкие власти²⁰².

С ноября 1941 г. в оккупированной зоне немцы начали регистрацию этнических финнов для перевозки их в Финляндию. А спустя месяц министр иностранных дел Финляндии Рольф Виттинг получил информацию от посла Германии в Хельсинки Виперта фон Блюхера о готовности германских властей переселить с занятой ими территории в Финляндию 50 тыс. ингерманландцев. По предложению Германии переброска этой группы советского населения должна была проводиться зимой через Финский залив с использованием ледоколов и других судов, приспособленных для работы в ледяных условиях. Однако транспортировка переселенцев зимой по льду залива была отменена, поскольку не обеспечивала регулярного и безопасного сообщения в тяжёлых условиях и требовала значительных транспортных и снабженческих ресурсов²⁰³. В результате, людей вывозили сухопутным путем в Эстонию, куда к лету 1942 г. перевезли 18 тыс. чел.²⁰⁴.

²⁰² Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX веке... С. 297.

²⁰³ Flink T. Kotiin karkotettavaksi — inkeriläisen siirtoväen palautukset Suomesta Neuvostoliittoon vuosina 1944-1955. Helsinki, 2010. S. 87.

²⁰⁴ Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX веке... С. 300.

Власти Финляндии не стремились немедленно принять всё население, находившееся в германской зоне оккупации. Этому препятствовали собственный продовольственный кризис, ограниченность жилищного фонда, недостаток транспорта и подозрительное отношение к советским гражданам. К концу 1942 г. позиция изменилась: ухудшение положения мирных жителей в Ленинградской области сочеталось с усиливавшимся дефицитом рабочей силы в Финляндии. Именно в этот период началась подготовка массового перемещения.

1 декабря 1942 г. с целью разработки плана переселения ингерманландцев и их обустройства при Министерстве внутренних дел Финляндии было создано «Центральное бюро по делам перемещенного населения», которое возглавил Пентти Кайтера - финский инженер, участвовавший в проектировании оборонительной линии Салпа и в организации общенациональных трудовых кампаний военного времени. Бюро разрабатывало планы перевозки, регистрации, размещения и трудоустройства переселенцев, координировало работу лагерей и взаимодействовало с другими государственными учреждениями. В начале марта 1944 г. бюро было преобразовано в «Отдел по делам перемещенных лиц» при МВД (до сентября 1944 г.)²⁰⁵.

Помимо государственной администрации, к приему и оказанию помощи перемещенным лицам (которых финны, во всяком случае, на словах, считали своими соотечественниками, оказавшимися на сопредельной территории), были привлечены общественные и благотворительные организации: Ингерманландский союз (1922-1944 гг.)²⁰⁶ и благотворительная организация

²⁰⁵ В сентябре 1944 г. его сменил Й. Виролайнен.

²⁰⁶ Общественная организация ингерманландских беженцев и поддерживавших их финских общественных деятелей, образованная 19 февраля 1922 г. Основными направлениями деятельности Союза являлись защита интересов ингерманландских беженцев перед финскими государственными органами, материальная и правовая помощь, поддержка образования, издательская и информационная работа, а также сохранение историко-

«Лотта Свяд» (1918-1944 гг.)²⁰⁷. «Лотта Свяд» оказывала помощь перемещенным лицам по трудоустройству в сферах обслуживания и сельского хозяйства, помогала в решении бытовых проблем. Ингерманландский союз выступал связующим звеном между переселенцами и государственными учреждениями, помогая оформлять документы и решать другие правовые вопросы, организовал среди населения сборы одежды и обуви для приезжающих.

Центральное бюро по делам перемещенного населения занималось учетом, размещением и трудоустройством переселенцев. Кроме того, давало общие инструкции карантинным лагерям по проведению политико-просветительской работы, согласно которым руководство лагерей должно было интегрировать ингерманландцев в финское общество, пробудить и развить в них финское национальное мышление²⁰⁸. В отношении детей переселенцев, следовало проверить и улучшить навыки финской грамотности среди детей, поскольку большая часть молодого поколения ингерманландцев не владела финским языком, что осложняло их коммуникативные навыки на новой «родине». Обучение на финском языке в Ленинградской области было отменено еще в 1937 г. в связи с переводом обучения в советских школах на русский язык. Эта мера являлась частью общесоюзной кампании по ликвидации так называемых особых национальных школ, отказом от политики

культурного наследия Ингерманландии (Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX веке... С. 208-210).

²⁰⁷ Добровольная женская невооружённая организация национальной обороны, тесно связанная с системой финских охранных корпусов — шюцкором. Основными направлениями деятельности организации являлись медицинское и продовольственное обеспечение, изготовление и ремонт снаряжения, канцелярская работа, связь, воздушное наблюдение, сбор пожертвований и социальное попечение. Хотя организация официально не являлась политической партией, её идеология была тесно связана с консервативными, националистическими и антикоммунистическими ценностями «белой» Финляндии. (Килян Ю. М. Крайне правый радикализм в Финляндии в 1920-е–1930-е гг. // Берегиня. 777. Сова. 2014. С. 380–382).

²⁰⁸ Nevalainen P. Op. cit. S. 79–80.

коренизации, усилением централизации и русификации образования²⁰⁹. В результате, значительная часть переселенцев обрусела, плохо говорила по-фински, или вообще не говорила.

С целью решения данной проблемы в лагерях проводились религиозные мероприятия для переселенцев-протестантов (собрания, публичное богослужение и др.); читались лекции об истории и культуре Финляндии; были созданы общественные клубы и библиотеки. Особое внимание было уделено детям, для которых организовывали досуг с развивающими играми, уроками чтения и письма. Занятия для женщин по ведению хозяйства, садоводству и огородничеству представляли самостоятельное направление практической подготовки: они должны были облегчить устройство семей в преимущественно сельской среде и подготовить часть переселенок к сельскохозяйственному и домашнему труду, а не служили продолжением языкового обучения²¹⁰.

25 февраля 1943 г. на встречу с немецкими властями выехала «комиссия Хеланена». Доктор философии и бессменный председатель праворадикальной организации в Финляндии «Академического общества Карелии» Вилхо Хеланен был хорошо знаком с проблемой ингерманландцев и сумел убедить германскую сторону в необходимости перевозки советских финнов на «историческую родину».

Главной задачей комиссии Хелонена были переговоры с немецкой стороной о сотрудничестве в организации перемещения ингерманландского населения, в частности, в оформлении документации, в транспортировке, обеспечении продовольствием, а также идеологической обработке, которую следовало проводить среди советских финнов.

²⁰⁹ Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации национальных школ и национальных отделений в школах» от 24 января 1938 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009. С. 342.

²¹⁰ Reijo R. Op. cit. S. 59.

Перемещение целесообразно разделить на два этапа не только по времени, но и по различиям в масштабе, маршрутах и административных решениях. Первый этап продолжался с 1941 г. до середины октября 1943 г. и включал продолжительные германо-финляндские переговоры, вывоз населения из прифронтовых районов в Эстонию и ограниченные партии переселенцев, направлявшиеся в Финляндию через эстонские транзитные лагеря. К октябрю 1943 г. в страну было перевезено около 20 тыс. человек²¹¹. Второй этап начался после решения финского правительства от 8 октября 1943 г. распространить переселение на оставшееся финноязычное население Ленинградской области. Новое соглашение с германской стороной, достигнутое в ноябре, позволило увеличить поток и частично отказаться от обязательного длительного пребывания в переполненных эстонских лагерях. До июня 1944 г. в Финляндию было перевезено ещё около 40 тыс. ингерманландцев²¹².

Местом сбора переселяемых перед отправкой в Эстонию и затем Финляндию стал г. Красногвардейск (совр. Гатчина), где немцами был устроен большой лагерь. В неотапливаемых бараках с земляными полами, получая 200 грамм хлеба и кашу, ингерманландцы вынуждены были неделями ждать отъезда в Финляндию²¹³.

Отсюда в начале мая 1943 г. перемещенных лиц с оккупированной немцами территории Ленинградской области направляли в пересыльные лагеря на севере Эстонии в муниципалитеты Клоога, Пыллкюла и Палдиски, где располагались концентрационные лагеря для перемещенных лиц. Здесь они проходили первоначальный карантин и ожидали отправки в Финляндию. Личности всех выезжающих строго проверяли по заранее составленному списку, переселенцам разрешалось брать с собой минимум вещей, остальное

²¹¹ Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX веке... С. 120.

²¹² Reijo R. Op. cit. S. 63-190.

²¹³ Ibid. S. 189.

имущество (чемоданы, швейные машинки, самовары, велосипеды и др.) были оставлены на складах гатчинского лагеря²¹⁴.

Всего с 1941 по 1944 гг. с территории Ленинградской области в Финляндию было перевезено более 63 тыс. чел., 80% из которых составляли женщины, пожилые люди и дети²¹⁵. По национальному составу более 90% составляли этнически близкие финнам народы (ингерманландцы, ижорцы, вепсы, карелы, коми). Порядка 8% перемещенных лиц являлись русскими, украинцами и белорусами. Остальными были немногочисленные группы татар и поляков²¹⁶.

Всех переселенцев перевозили из Эстонии и оккупированной территории Ленинградской области в приемные лагеря в Финляндии, которые выполняли функции кратковременного первичного приёма: проверку личности и списков, регистрацию, выдачу временных удостоверений, медицинский осмотр.

Первые впечатления о Финляндии расходились с тем, что преподносилось пропагандой. Финские власти обещали обеспечить безопасность переселенцев, дать им возможность начать новую жизнь в условиях, которые считались более благоприятными, чем на оккупированной войсками Германии территории Ленинградской области. Однако на практике реализация этих обещаний оказалась сложной и сопровождалась серьёзными трудностями. Переселенцев разместили в плохо приспособленных для проживания помещениях. По позднейшим воспоминаниям советских перемещенных граждан, места в переполненных казармах хватало не всем, приходилось оставаться на ночлег на улице, нередко в холоде и под осенним дождем. За имуществом переселенцев почти не следили, вследствие чего часть их вещей пропала на причалах. По воспоминаниям переселенцев дорога до

²¹⁴ Ibid. S. 190.

²¹⁵ Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX веке... С. 304.

²¹⁶ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 189. Л. 332.

лагерей в Эстонии была тяжелой, в вагонах многие голодали и болели тифом²¹⁷. Предполагалось, что в ближайшее время переселенцев вывезут в приспособленные лагеря, однако из-за недостатка транспорта пребывание в приемных лагерях растягивалось до нескольких недель. Эти свидетельства отражают индивидуальный опыт и требуют источниковедческой осторожности, однако подтверждают, что перемещение осуществлялось в условиях военного кризиса и ограниченных возможностей снабжения.

Лагерь Ханко был рассчитан на 2 тысячи человек, и до октября 1943 г. оставался единственным приемным лагерем. Его центральный офис располагался в Евангельском молитвенном доме, вмещавшем до 400 чел.²¹⁸. Вновь прибывшие шли три километра пешком от гавани Туллиниemi до Эспланады. Там после регистрации им выдавали временные удостоверения личности. Помимо молитвенного дома, переселенцев размещали в Доме общины Ханко и в армейских казармах, построенных в 1940-1941 гг. советскими военнослужащими, а также в лагерях для военнопленных Ханко - Похйойен и Тяктом, в нескольких километрах от города²¹⁹.

Медицинские осмотры новоприбывших проводились в помещении приемного отделения. При необходимости, больных направляли в госпиталь, где им оказывали первую помощь. В лагере было три врача и медсестры. В их распоряжении была одна палата местного военного госпиталя, где можно было даже делать операции²²⁰. Вновь прибывших подвергали санитарной обработке, одежду дезинфекции. Обычно перемещенные советские граждане проводили в Ханко два-три дня. Затем их доставляли в карантинные лагеря.

²¹⁷ Судьбы, опаленные войной: [воспоминания жителей карельского поселка Чална] / составители: Г. Г. Ханенко, И. А. Нипполайнен; переводчики: С. Карпов, А. Машин, И. Нипполайнен. Петрозаводск, 2020. С. 67-80.

²¹⁸ Reijo R. Op. cit. S. 48.

²¹⁹ Ibid. S. 49.

²²⁰ Nevalainen P. Op. cit. S. 78–79.

15 октября 1943 г. был создан приемный лагерь в г. Раума. В то время в нем было чуть более 1100 чел. Поначалу под приемный городок были арендованы здания Морского училища и 13 пляжных вилл горожан. Новые казармы строились быстрыми темпами, о чем свидетельствуют большие счета за стройматериалы. Через лагерь прошло 3600 ингерманландцев. В конце февраля 1944 г. было принято решение перевести лагерь Раума из приемного в карантинный. Около 700 ингерманландцев разместили в близлежащих муниципалитетах, на фермах, поскольку все остальные лагеря для переселенцев были переполнены²²¹.

Еще один приемный лагерь в г. Турку был создан 25 октября 1943 г. Его штаб-квартира находилась в начальной школе. Там же находилась больничная палата. Данное место могло принять лишь ограниченное число человек, в связи с чем часть переселенцев направили в арендованные у немецкой стороны казармы. Следует отметить, что г. Турку стал перевалочным пунктом для немецких солдат еще в декабре 1940 г. С началом боевых действий в период Великой Отечественной войны правительство Финляндии разрешило немецким войскам возвести казармы на территории, ранее занятой станцией очистки сточных вод в Руиссалонтие. Доступ финских граждан на эту территорию был ограничен и осуществлялся только по специальным разрешительным документам. В немецком казарменном поселке находилось некоторое количество советских военнопленных, а также ингерманландцы, которые прибыли в Финляндию и были размещены в приемном лагере в г. Турку поздней осенью 1943 г.²²².

Изначально перемещенные лица должны были находиться в немецких казармах в г. Турку не больше недели, но в конце 1943 г. лагерь был закрыт на карантин в связи с ростом заболеваемости среди контингента. Условия в нем

²²¹ Reijo R. Op. cit. S. 53-54.

²²² Ibid. S. 54-55.

были сравнимы с лагерем для военнопленных, так как немцы следили за тем, чтобы никто не мог выйти или войти внутрь без пропуска. Переселенцы, ослабленные голодом, сыпным и брюшным тифом, внешне напоминали военнопленных. Через лагерь г. Турку прошло порядка 8,5 тыс. чел.²²³.

Приемный лагерь в Похьянкуру был основан 20 ноября 1943 г. Морские суда доставили переселенцев из Палдиски в порт Похьянкуру, откуда они шли пешком несколько километров до лагеря. Шведская начальная школа в Похье стала его штаб-квартирой. Помещения местных фабрик также были сданы в аренду для размещения переселенцев. Всего через данный лагерь прошло 1,6 тыс. чел.²²⁴.

После приемных лагерей перемещенных советских граждан направляли в карантинные лагеря, крупнейшие из которых находились вблизи следующих муниципалитетов: Хельсинки, Лохья, Хювинкяя, Лахти, Коуволла, Турку, Сало, Лоймаа, Раума, Эурайоки, Пори, Тампере, Ойitti, Ювяскюля, Сейняйоки, Юливиеска, Оулу, Наараярви, Миккели, Савонлинна, Хямеенлинна²²⁵. Под крупными лагерями находились более мелкие вспомогательные лагеря, число которых достигало нескольких десятков.

Крупнейшие карантинные лагеря на юго-западе Финляндии были в г. Лоймаа, в котором находилось 12,3 тыс. чел., и в г. Лохья (порядка 10 тыс. чел.). Самый крупный «северный» лагерь располагался в г. Оулу. Остальные были в городах Иисалми, Йокиойнене, Вихти, Кеуруу, Настоле и Куопио²²⁶.

Времени на создание новых лагерей не хватало, в связи с этим правительством Финляндии было принято решение об увеличении

²²³ Ibid. S. 55.

²²⁴ Ibid. S. 56-57.

²²⁵ Флинк Т. Домой в ссылку. Депортация ингерманландских переселенцев из Финляндии в Советский Союз 1944–1955 гг». СПб., 2011. С. 217.

²²⁶ Nevalainen P. Op. cit. S. 81.

вместимости действующих на 20-30%. Подобное происходило и во всех социальных учреждениях, оказывающих помощь переселенцам²²⁷.

К концу осени 1943 г. переселенцы стали прибывать в Финляндию непосредственно из Ленинградской области, минуя этап первоначального карантина в Эстонии. В результате роль карантинных лагерей в Финляндии возросла, поскольку необходимо было контролировать распространение болезней. Срок карантина составлял три недели, в течение которых советские граждане были изолированы от остального финского населения. Часто это было невыполнимой задачей, поскольку здания в лагерях были рассредоточены на большой территории, и передвижение переселенцев было трудно контролировать.

Таким образом, приёмные и карантинные лагеря занимали различные места в системе перемещения. Первые обеспечивали кратковременный приём и распределение прибывающих, тогда как вторые осуществляли санитарное наблюдение, документирование и подготовку к расселению и занятости. На практике разграничение функций могло нарушаться из-за переполнения, эпидемиологической обстановки и недостатка транспорта.

Перемещенных советских граждан, успешно прошедших карантинные лагеря, распределяли по муниципалитетам в зависимости от потребности в рабочей силе. Большая часть из них оказалась в Южной Финляндии. По данным В.И. Мусаева, на конец октября 1944 г. 17118 чел. проживали в провинциях Турку-Пори, 13589 – в Хяме, 8897 – в Уусусима, 7344 – в Вааса, 5060 – в Куопио, 4159 – в Миккели, 3059 – в Выборгском районе, 2474 – в Оулу, 1527 – в Лапландии²²⁸. К 1944 г. все ингерманландцы были размещены

²²⁷ Reijo R. Op. cit. S. 57-58.

²²⁸ Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX веке... С. 305; Kulha K. Op. cit. S. 255.

в 500 различных муниципалитетах Финляндии. Как правило, переселенцев старались размещать вблизи от карантинных лагерей²²⁹

В провинции Турку-Пори наиболее значительная концентрация советских переселенцев была в муниципалитетах Эурайоки, Паймио и Пернио. Города Турку, Пори и Раума с их промышленными предприятиями стали крупными центрами размещения ингерманландцев²³⁰.

В провинции Хяме переселенцы проживали в муниципалитетах Хаусъярви, Хаттуле, Йокийоинене и Тампере²³¹. В провинции Уусимаа ингерманландцы проживали в муниципалитетах Хювинкя, Лохья, Ханко и Похья²³².

В Лапландии карантинных лагерей не было. Ингерманландцы поначалу прибывали туда редко. Ситуация изменилась, когда в начале 1944 г. почти 800 ингерманландцев были размещены на базе люфтваффе в г. Рованиеми. Еще столько же ингерманландцев были направлены на германские авиабазы в Оулу, Кеми, Кемиярви, Пори, Сийлиярви и Петсамо. Размещенные на аэродромах проживали в казармах, направленные для работы на лесозаготовках - в палатках²³³.

Переселенческая политика Финляндии также преследовала экономические цели. В начале войны 1941–1944 гг. в стране возник дефицит рабочей силы, последствия которого особенно сильно ощущались в сельском хозяйстве. Несмотря на предпринятые властями меры, сельскохозяйственное производство сократилось, а внешняя торговля во время войны почти прекратилась. Нехватка продовольствия привела к введению государственного регулирования и карточной системы; нормированию

²²⁹ Reijo R. Op. cit. S. 65-66.

²³⁰ Ibid. S. 64.

²³¹ Ibid. S. 65-66.

²³² Ibid. S. 65.

²³³ Nevalainen P. Op. cit. S. 122–124, 140–141.

подлежали также многие предметы первой необходимости, включая одежду²³⁴.

К началу 1943 г. нехватка рабочей силы составляла 250 тыс. чел.²³⁵. После распределения по муниципалитетам, ингерманландцев трудоустраивали, как правило, на фермах или на заводах. Детей отправляли в финские школы. Тем, кого не удалось обеспечить жильем сразу после окончания карантинного периода, привлекали к работам на территории лагеря. Разрешалось искать заработок и за пределами лагеря.

Каждому переселенцу старше 15 лет выдавалось разрешение на проживание и работу. Работодателям выдали бланки приказов, с помощью которых они могли бронировать сотрудников. К февралю 1944 г. до 70% ингерманландцев были трудоустроены. Тем не менее, поставленная перед началом переселения цель по дополнительному приему порядка 40 тыс. трудоспособных иностранных работников была выполнена лишь частично²³⁶. Большинство въехавших в страну составляли женщины, дети и старики. Женщины привлекались к домашней работе, уборке, обслуживанию, сельскохозяйственному труду и вспомогательной работе на предприятиях. Доля мужчин трудоспособного возраста составляла не более 10%. Число квалифицированных работников среди них было невелико. По этой причине основную часть переселенцев привлекали к низкооплачиваемым работам, главным образом в сельском хозяйстве.

Были и те переселенцы, которых направляли на железнодорожное строительство, артиллерийские и пороховые заводы, лесозаготовки и промышленные объекты. В Хельсинки крупнейшим работодателем стала верфь Суоменлинна, где работало до 300 ингерманландцев. Германские воинские части, находившиеся в Финляндии, также использовали часть

²³⁴ Reijo R. Op. cit. S. 60.

²³⁵ Nevalainen P. Op. cit. S. 42–44

²³⁶ Reijo R. Op. cit. S. 67.

переселенцев по обслуживанию аэродромов, в транспортном и хозяйственном обслуживании²³⁷.

Существенной частью режима являлся политико-полицейский контроль. Государственная полиция Финляндии «Валпо» занималась контрразведкой, политическим сыском и наблюдением за лицами, считавшимися потенциально неблагонадёжными, в том числе за прибывшими советскими гражданами. В середине мая 1943 г. МВД и Минюст Финляндии направили в правительство секретное письмо, в котором указывалось, что «полиция должна внимательно следить за настроением переселенцев и в случае необходимости принимать меры, а также информировать соответствующий Департамент государственной полиции». «Валпо» активно занимался поиском среди ингерманландцев коммунистов, комсомольцев и возможных шпионов. Эта работа начиналась уже по прибытии переселенцев в лагерях Клоога и Палдиски в Эстонии, а затем продолжалась в карантинных лагерях в Финляндии²³⁸.

У следователя «Валпо» была заранее заготовленная форма, по которой велся допрос переселенцев. Выявлялись образование, профессиональные навыки, трудовой опыт, принадлежность к партии и молодёжным организациям, а затем составлялась характеристика, в которой оценивали политическую благонадёжность и возможное трудовое назначение. Индивидуальные формулировки в таких документах нередко носили субъективный характер: физическая слабость, манера поведения или готовность отвечать на вопросы могли использоваться как основания для выводов о степени доверия. Ниже приведены два примера из отчетов следователя от декабря 1943 г. Один из них в лагере Оити, записал: «Допрашиваемый выглядит довольно слабым. Он, видимо, что-то скрывает,

²³⁷ Ibid. S. 67.

²³⁸ Ibid. S. 71.

поэтому не доверяет финским властям. Он кажется таким старым, что даже если он и коммунист, то вряд ли сможет рассказать что-нибудь важное об условиях жизни в России». Другой в лагере Раума написал: «Опрашиваемый выше среднего роста, скромный по характеру и открытый. В политическом плане он бдителен, и кажется здравомыслящим человеком. Он подходит к вопросам по существу и рассказывает все без преувеличения, не хочет ничего скрывать»²³⁹.

Полиция безопасности «Валпо» так же стремилась выяснить изменения в настроениях среди ингерманландцев во время их пребывания в Финляндии. Выясняли готовность переселенцев остаться в Финляндии или вернуться в СССР. Однако данные отчёты о настроениях не давали оснований для однозначного вывода о полном удовлетворении переселенцев своим положением. В январе 1944 г. в лагере Лохья отмечалось, что значительная часть ингерманландцев в целом приспосабливалась к новым условиям, однако недовольство вызывали питание, жильё, продление лагерного пребывания и ограничения выезда. Тоска по дому и разлука с родственниками поддерживали желание вернуться в Советский Союз. Майский отчёт не зафиксировал открытого проявления коммунистических взглядов, но это не устраняло недоверия к отдельным категориям переселенцев. В частности, сомнения в возможности немедленно привлекать советских учителей к работе в финских школах основывались не на выявленной у каждого из них политической активности, а на общем подозрении к советской системе подготовки кадров²⁴⁰.

Переселенцы должны были отчитываться как перед работодателем, так и перед полицией. Любой переселенец, который планировал переехать в другой город, должен был обратиться за разрешением к «Валпо». История сельскохозяйственного рабочего Вяйнё Дуббельмана, которому после

²³⁹ Ibid. S. 71-72.

²⁴⁰ Ibid. S. 72.

представления сведений об образовании и производственном стаже разрешили переехать с семьёй в Ювяскюля, показывает, что профессиональная квалификация могла влиять на решение о перемещении внутри страны²⁴¹.

Центральное бюро по делам перемещенного населения направляло в муниципалитеты временные удостоверения личности. После проверки в «Валпо» их передавали переселенцам. Помимо личной информации, удостоверение содержало фотографию, отпечатки указательного и среднего пальцев правой руки, рост, цвет волос и глаз обладателя удостоверения, а также место проживания в Финляндии. После перевода переселенец должен был в трехдневный срок заявить о себе в полицию нового населенного пункта. Изменение места жительства отмечалось в удостоверении личности. Его владелец должен был «строго соблюдать финское законодательство и правила проживания, вести честный образ жизни без риска аннулирования вида на жительство».

Материалы опросов репатриированных фиксируют случаи неравной оплаты, ограничения передвижения и отсутствия социальной защиты. По словам одной из переселенок, работавшей в Хяме, ингерманландским женщинам платили меньше, чем финским работницам²⁴². Другой бывший переселенец сообщал, что работодатель в Кеуруу не обеспечивал страхование и мог уволить заболевшего или травмированного работника с предприятия²⁴³. В отдельных свидетельствах отношения с частными хозяевами характеризовались как эксплуатационные и резко расходившиеся с прежней пропагандой о «соплеменной помощи»²⁴⁴. Эти показания отражают опыт

²⁴¹ Ibid. S. 73.

²⁴² ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 7. Л. 16.

²⁴³ Там же. Л. 9.

²⁴⁴ Там же. Л. 29.

конкретных лиц и не могут автоматически распространяться на всех переселенцев, но подтверждают наличие дискриминационных практик.

Одновременно воспоминания содержат примеры более благоприятного устройства. Семья Хилды Сюгияйнен, поселённая в Сяксмяки, получила жильё и помощь в трудоустройстве; взрослые члены семьи работали кузнецами, занимались вывозкой леса и домашним хозяйством. Школьная адаптация ребёнка первоначально сопровождалась насмешками и этническими оскорблениями, но впоследствии отношения с учительницей и одноклассниками улучшились. Сопоставление подобных свидетельств показывает зависимость повседневного положения от конкретного работодателя, муниципалитета, жилищных условий и местного отношения к прибывшим²⁴⁵.

Безусловно, данные показания не отражают полной картины. В то же время можно предположить, что нескольких лет было недостаточно, чтобы полностью интегрировать советских переселенных граждан в финское общество. Многие из них негативно относились к работе у частных собственников. Кроме того, само финское общество оказалось не готово к столь быстрым темпам интеграции, экономика страны в военное время не могла дать тех благ, которые были частью пропаганды в период переселения. Многие перемещенные советские граждане были недовольны новой жизнью и, когда им представилась возможность вернуться в СССР, они предпочли ею воспользоваться.

В результате, положение перемещенных советских граждан в Финляндии характеризовалось комплексом противоречивых условий. С одной стороны, Финляндия объявила курс на политику интеграции и поддержки этнически близких народов. С другой стороны, для переселенцев на территории страны действовали определенные ограничения, которые

²⁴⁵ Судьбы, опаленные войной.... С. 62.

приводили к дискриминации в сфере трудоустройства и свободе перемещения. Это произошло поскольку ни в Гаагской, ни в Женевской конвенциях, ни в других международных документах не были прописаны порядок переселения гражданского населения, а также права перемещенных.

Руководство СССР на советско-финляндских мирных переговорах в сентябре 1944 г. заявило о насильственном переселении гражданского населения Ленинградской области в Финляндию²⁴⁶. Советская делегация исходила из того, что на решения людей о переселении повлияли немецкие оккупационные власти, поскольку местное население проживало в условиях тяжелой военной обстановки и голодало. Кроме того, весь процесс перемещения проводился в рамках соглашений между Финляндией и Германией, что, по мнению советской стороны, являлось признаком депортации, а не добровольной миграции. СССР также не признавал права оккупационных властей изменять состав населения на подконтрольной территории, считая весь процесс перемещения незаконным.

Таким образом, система обращения с перемещёнными лицами отличалась от режима военного плена по правовому статусу и формам контроля, но была связана с ним общими административными и хозяйственными механизмами: регистрацией, лагерным карантинном, медицинским освидетельствованием, распределением труда и надзором.

В советско-финляндском плену 1941–1944 гг. действовала система ограниченных и неодинаково толкуемых международно-правовых обязательств. Впрочем, соблюдение договоров также не гарантировало безопасность для военнопленных, так как почти все страны-участники Второй мировой войны в какой-то момент нарушали Женевскую конвенцию. Одной из причин тому был масштаб Второй мировой войны и связанное с ним огромное количество военнопленных. Безопасная перевозка, содержание и

²⁴⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 719. П. 53. Л. 36.

питание пленников было практически невозможно в условиях войны. Другой причиной жестокого обращения с военнопленными была взаимная ненависть солдат противоборствующих сторон, усугубляемая органами пропаганды, зачастую призывавших к уничтожению врага, в каком бы статусе он не находился. Многие воюющие государства стремились не только завоевать и одолеть врага, но и преобразовать побежденное общество, не считаясь со средствами.

Обеспечение безопасности сдавшихся солдат в значительной степени основывалось на принципе взаимности. Однако попытка установить международные законы и соглашения, гарантирующие гуманное обращение с военнопленными, способствовали признанию того факта, что это не обязательно успешная практика. Как показывает опыт Второй мировой войны и вооруженных конфликтов до и после нее, даже общепризнанные международные законы и другие демократические институты не гарантируют хорошего обращения с попавшими в плен военнослужащими. Во время Второй мировой войны военнопленных расстреливали и в государствах, считавших себя вполне демократическими. Мало кто в военной ситуации мог предполагать, что международное право не будет нарушено, но представления о масштабах насилия и нарушений закона, которые являются приемлемыми и терпимыми, различались. В результате, проблема гуманного обращения с советскими военнопленными в Финляндии могла быть также связана с несоблюдением норм международного права. Она стала возможна из-за желания обоих государств отстоять суверенитет своей правовой системы.

Сотрудничество с Германией по вопросу передачи военнопленных привело к тому, что Финляндия частично позаимствовала у Германии способы организации управления лагерями. Опыт немцев по дифференцированному обращению с представителями разных национальностей и использованию их труда был заимствован и финнами. Этнических финнов размещали отдельно от основной массы военнопленных, если те не требовались в лагерях в

качестве переводчиков. Условия пребывания для них также были мягче, чем для других, многим позволялось работать у частных предпринимателей.

В 1941 г. финны были не готовы к большому количеству военнопленных. Лагерную и административную организацию системы плена пришлось создавать по ходу войны. Высшая власть по вопросам военнопленных находилась в Главной Ставке в 1941 – 1944 гг., а штаб внутренних войск нес всю ответственность за их содержание. Неоднозначность обязанностей создавала двусмысленность в отношении безопасности, организации обслуживания и мер наказания.

Общее количество советских военнопленных на территории Финляндии в период с 1941 по 1944 гг. достигало 70 тыс. чел. Из них погибло, по разным оценкам, порядка 19 тыс. пленных. Поскольку у Советского Союза отсутствовали точные данные о числе военнопленных и погибших, то опираться приходилось на финские источники, которые могли содержать заведомо заниженную информацию. Но и сами финны не имели абсолютно точных данных о численности пленных. Не все военнопленные успели получить учетные карточки. Часть пленных бежала. Смертность в финских лагерях для военнопленных объяснялась скудным питанием, изнурительным трудом в крайне суровом климате; отсутствием необходимой медицинской помощи, а также отношением начальства того или иного лагеря к военнопленным.

Убийства военнопленных по большей части происходили в первые два года войны. Месть, ненависть к русским и личные причины имели большое значение в характеристике преступлений в лагерях для военнопленных. В боевых условиях большинство рядовых солдат считали бесчестным расстрел сдавшихся вражеских солдат, и офицерам часто было очень трудно найти кого-то, кто помогал бы им в этом. Однако некоторые финские военнослужащие могли убивать заключенных в назидание другим для поддержания дисциплины. Тем более что основные положения Гаагской

конвенции 1907 г., а также Женевской конвенции 1929 г. в отношении военнопленных не принимались финским законодательством. Наиболее распространенной ситуацией, когда военнопленных расстреливали за линией фронта, была казнь случайно схваченного беглеца или заключенного, обвиненного в неподчинении.

ГЛАВА 2. РЕПАТРИАЦИЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ ИЗ ФИНЛЯНДИИ В СССР, 1944 – 1955 ГГ.

2.1 Вопрос о репатриации в ходе советско-финляндских мирных переговоров 1944 г.

Во второй половине 1943 г. в Великой Отечественной войне наступил перелом, и стратегическая инициатива полностью перешла к Советскому Союзу. На всех участках фронта, в том числе на Севере, развернулось наступление Красной Армии. Осенью 1943 г. созданная «Комиссия по вопросам перемирия», возглавляемая маршалом К. Е. Ворошиловым, подготовила проект мирного соглашения с Финляндией²⁴⁷. Во второй части документа были закреплены условия, регламентировавшие возвращение военнопленных и гражданского населения с территорий, оккупированных противником. В соответствии с его положениями правительство и высшее военное командование Финляндии должны были выполнить следующие обязательства²⁴⁸: во-первых, незамедлительно передать советскому военному командованию всех находившихся в их распоряжении военнопленных из состава вооружённых сил Объединённых Наций, то есть государств антигитлеровской коалиции, находившихся в состоянии войны с Финляндией, соблюдая установленные советским командованием пункты, порядок и сроки передачи. Во-вторых, требовалось безотлагательно освободить граждан этих государств, находившихся под стражей или интернированных финляндскими властями, а также лиц, подвергнутых принудительному труду. В-третьих, с

²⁴⁷ Филитов А.М. «Комиссия Ворошилова» - ведущий орган советского планирования по Германии в период Великой Отечественной войны// Вестник МГИМО университета. 2009. № 2. С. 37-44.

²⁴⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 155. П. 15. Л. 7-8.

момента подписания соглашения правительство и Главное командование Финляндии должны были обеспечить всем указанным категориям лиц достаточное питание, одежду, медицинское обслуживание и жильё, отвечающее санитарным требованиям. В-четвёртых, на финляндское правительство возлагалась обязанность предоставить советскому военному командованию списки предпринимателей и иных лиц, использовавших труд таких граждан.

С января 1944 г. между СССР и Финляндией началось обсуждение условий мирного соглашения. 19 февраля чрезвычайный и полномочный посол СССР в Швеции А. М. Коллонтай передала финской делегации документ, содержащий основные позиции Советского Союза по условиям перемирия. Началось длительное обсуждение отдельных пунктов, связанных с разоружением и последующим международно-правовым положением Финляндии. 29 марта В. М. Молотов передал представителям финляндского правительства Ю. К. Паасикиви и К. Энкелю советские предложения о мире. Большая часть положений документа была одобрена. В нём предусматривались восстановление действия Московского мирного договора 1940 г., отвод войск к границе 1940 г., демобилизация финской армии, возмещение убытков, а также, немедленная репатриация советских военнопленных и перемещённых лиц. Кроме того, указывалось, что в случае заключения мирного договора, а не соглашения о перемирии, возвращение военнопленных будет осуществляться на взаимной основе²⁴⁹.

В начале сентября 1944 г. в Москву прибыла финская делегация во главе с председателем Совета министров Антти Вернером Хакцеллем²⁵⁰. Его сопровождали высокопоставленные чиновники и генералы, включая министра обороны Рудольфа Вальдена, начальника Генерального штаба Акселя Энрика

²⁴⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 710. П. 52. Л. 1-8

²⁵⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 715. П. 52. Л. 42.

Хейнрихса и генерального секретаря Министерства иностранных дел Паво Хюнинена²⁵¹.

8 сентября 1944 г. В. М. Молотов принял А. В. Хакцелля; на встрече обсуждались предварительные условия соглашения. Официальные переговоры начались 14 сентября. С советской стороны в них участвовали В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, В. Г. Деканозов, М. М. Литвинов, генерал С. М. Штеменко и контр-адмирал А. П. Александров. На переговорах присутствовала также британская делегация во главе с послом А. К. Керром. Одним из ключевых вопросов являлось обязательство Финляндии разоружить немецкие войска, которые не покинут её территорию к 15 сентября, и передать их личный состав советскому Главному командованию. Именно это положение стало правовым основанием для последующей передачи советской стороне немецких военнослужащих, оказавшихся в финском плену; поэтому в финской статистике они учитывались отдельно от репатриированных советских граждан²⁵².

16 и 17 сентября 1944 г. обсуждались конкретные положения соглашения о перемирии. На третьем заседании представитель Финляндии К. Энкель поднял вопрос об условиях содержания и материального обеспечения финских военнопленных до их возвращения на родину. В. М. Молотов ответил, что эти условия будут не хуже тех, которые Финляндия обеспечивала военнопленным армий государств антигитлеровской коалиции²⁵³. 18 сентября делегации вновь обсудили правовые основания возвращения финских военнослужащих. Советская сторона исходила из того, что соглашение о перемирии, в отличие от мирного договора, не возлагало на СССР безусловной обязанности немедленно репатриировать финских военнопленных. Тем не менее она согласилась передать их Финляндии одновременно с выполнением

²⁵¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 716. П. 52. Л. 11.

²⁵² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 719. П. 53. Л. 31.

²⁵³ Там же. Л. 64-65.

Финляндией обязательств по возвращению находившихся на её территории советских граждан и других лиц, подпадавших под действие пункта 10²⁵⁴.

Таким образом, п. 10 Соглашения о перемирии между СССР и Великобританией, действовавшими от имени государств антигитлеровской коалиции, находившихся в состоянии войны с Финляндией, с одной стороны, и Финляндией — с другой, определял условия репатриации военнопленных и перемещённых лиц. Согласно этому пункту Финляндия должна была немедленно передать советскому Главному командованию находившихся на её территории советских военнопленных, а также других военнопленных государств антигитлеровской коалиции, интернированных и принудительно вывезенных граждан. На практике, основную массу передаваемых лиц составляли советские военнослужащие и советские граждане. С момента подписания Соглашения и до передачи этих лиц Финляндия за свой счёт обеспечивала им достаточное питание, одежду, медицинское обслуживание, отвечавшие санитарным требованиям условия размещения и транспорт для репатриации. Общая численность лиц, подпадавших под действие данного положения, составляла не менее 100 тыс. человек²⁵⁵. Одновременно Финляндии возвращались финские военнопленные и интернированные лица, находившиеся за пределами страны²⁵⁶.

В соответствии со ст. 22 Соглашения о перемирии в Финляндии создавалась Союзная контрольная комиссия (СКК), задачей которой являлся контроль за точным выполнением условий соглашения, заключённого 19 сентября 1944 г. Председателем СКК был назначен член Военного совета Ленинградского фронта А. А. Жданов.

²⁵⁴ Там же. Л. 77.

²⁵⁵ Kauppalä P. Sent, Returned, and Repatriated from Finland to the Soviet Union: The Logic, Tragedy and the Humanity of Fate // Prisoners of War deaths and people handed over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives. Helsinki, 2008. P. 213.

²⁵⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6 .Д. 719. П. 53. Л. 36.

Согласно п. 5 инструкции о деятельности СКК в Финляндии, перед комиссией были поставлены комплексные задачи в сфере работы с военнопленными и гражданскими лицами. Прежде всего, требовалось провести инвентаризацию инфраструктуры, связанной с их содержанием: установить местонахождение всех лагерей, в которых содержались лица, подпадавшие под действие п. 10, прежде всего советские военнопленные и интернированные граждане, а также, выявить места пребывания советских граждан, принудительно вывезенных в Финляндию. Следовало установить гражданство каждого лица и определить порядок, последовательность и конкретные сроки его возвращения на родину.

Практическая организация передачи лиц, подпадавших под действие п. 10, осуществлялась через советское командование.

На СКК возлагался контроль за исполнением Финляндией взятых обязательств. Комиссии предстояло проверить, передало ли финское правительство советскому Главному командованию всех лиц, подпадавших под действие пункта 10, прежде всего советских военнопленных, интернированных и принудительно вывезенных советских граждан. Кроме того, СКК должна была контролировать условия их содержания до момента репатриации: обеспеченность достаточным питанием, одеждой и квалифицированной медицинской помощью, соблюдение санитарных норм, а также наличие и готовность транспортных средств для организованного возвращения на родину²⁵⁷.

Процесс репатриации советских военнопленных и перемещённых лиц из Финляндии начался в октябре 1944 г. и проходил в два этапа. В ходе первого, с октября 1944 г. по январь 1945 г., была перевезена основная часть советских граждан. Второй этап продолжался с января 1945 г. по 1955 г. и был связан с

²⁵⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 730. П. 53. Л. 20-21.

розыском, учётом и возвращением остававшихся в Финляндии советских военнопленных и перемещённых лиц.

Массовая передача советской стороне лиц, подпадавших под условия перемирия, началась 15 октября 1944 г. По данным Ю. Похьонена, с 15 октября 1944 г. по 7 марта 1955 г. Финляндия передала советской стороне 47 192 человека. Эта сводная цифра включала различные категории: советских военнопленных и иных советских граждан, немецких дезертиров и военнопленных, а также интернированных лиц. В частности, в ней учтены 41505 советских военнопленных, 2562 немецких военнопленных и 178 интернированных гражданских лиц²⁵⁸. Немецкие военнослужащие передавались на основании ст. 2 Соглашения о перемирии, обязывавшей Финляндию разоружить немецкие войска и передать их личный состав советскому Главному командованию; поэтому их нельзя отождествлять с репатрированными советскими гражданами.

После подписания Московского перемирия советские представители СКК прибыли в Финляндию и потребовали возвращения ингерманландцев в СССР, ссылаясь на статью 10 Соглашения, обязывавшую Финляндию передать советскому командованию всех советских граждан, вывезенных на её территорию. Применимость определения «принудительно вывезенные» к ингерманландцам стала предметом разногласий: финские власти утверждали, что переселение в Финляндию носило добровольный характер, и что по прибытии переселенцы подтверждали это письменными заявлениями.

Взаимодействие с СКК по вопросу возвращения советских граждан осуществляло Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, созданное 4 октября 1944 г. Его возглавил начальник Главного управления кадров Народного комиссариата обороны (далее НКО) генерал-

²⁵⁸ Pohjonen J. Soviet Demands for Repatriations from Finland between 1944 and 1955 // Prisoners of War deaths and people handed over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives. Helsinki, 2008. P. 182-186.

полковник Ф. И. Голиков, имевший опыт дипломатической и разведывательной работы²⁵⁹. Необходимость создания ведомства была обусловлена масштабом операции по возвращению военнопленных, перемещённых и иных советских граждан, оказавшихся за пределами СССР. Управление организовывало и координировало процесс репатриации, а также, разрабатывало методические и практические рекомендации по проведению репатриационных мероприятий.

Важнейшей задачей Управления являлся контроль за соблюдением установленных процедур при возвращении граждан на территорию СССР. Оно взаимодействовало с иностранными организациями, участвовавшими в репатриации, что требовало постоянной межведомственной и международной координации. Особое внимание уделялось документальному сопровождению процесса: велся централизованный учёт и оформлялись все этапы возвращения граждан на родину. Управление также обеспечивало транспортировку репатрируемых лиц, их временное размещение, питание и медицинское обслуживание.

Особую значимость деятельность Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации приобретала в контексте выполнения условий Московского перемирия. Управление являлось ключевым звеном советской системы государственного регулирования репатриации, обеспечивая её правовое и организационное сопровождение.

Таким образом, порядок репатриации советских военнопленных и перемещённых лиц определялся прежде всего условиями Московского перемирия и решениями СКК. Действовавшие международно-правовые нормы не содержали исчерпывающего механизма возвращения всех категорий

²⁵⁹ Хорошев, А. А. Взаимодействие органов НКВД и репатриации в организации возвращения советских граждан из Финляндии в 1944–1955 годах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2025. № 1. С. 48–50.

военнопленных, интернированных и перемещённых лиц, а СССР и Финляндия по-разному толковали их применимость. Поэтому практические критерии передачи, возвращения и обмена указанными категориями лиц формировались на основе Московского перемирия, последующих указаний СКК и положений Парижского мирного договора 1947 г.²⁶⁰.

2.2. Репатриация советских военнопленных в СССР, 1944 – 1955 гг.

Процесс репатриации советских военнопленных из Финляндии имел особенности, обусловленные международно-правовым положением страны и сохранявшейся военной обстановкой. Ключевым фактором, определившим специфику данного процесса, являлось то, что на момент репатриации боевые действия на советско-финляндском фронте ещё не были полностью завершены: хотя Соглашение о перемирии между СССР и Финляндией было подписано 19 сентября 1944 года, отдельные столкновения и напряжённая обстановка сохранялись, а Финляндия лишь перешла из числа противников СССР в статус страны, вышедшей из войны и обязавшейся содействовать союзным силам.

В связи с продолжавшимися военными действиями в базовый план репатриации были внесены существенные коррективы, прежде всего касающиеся дальнейшей судьбы возвращавшихся военнослужащих. В отличие от более поздних этапов репатриации на западном направлении, где предусматривались элементы социальной реабилитации и краткосрочные отпуска для бывших военнопленных, в случае с Финляндией действовал жёсткий принцип: после прохождения проверочных процедур военнослужащие направлялись либо непосредственно на фронт, либо на работу в промышленность. Предоставление отпусков не предусматривалось -

²⁶⁰ Pohjonen J. Op. cit. P. 181.

потребности действующей армии и военной экономики требовали максимально быстрой мобилизации всех доступных человеческих ресурсов.

Репатриация из Финляндии регулировалась двусторонними договорённостями в рамках Соглашения о перемирии 1944 года. Финляндия, оставалась суверенным государством, что влияло на условия передачи военнопленных и взаимодействие с советскими органами репатриации. В Германии репатриация осуществлялась в контексте полной оккупации, под контролем союзных войск, что позволяло Советскому Союзу действовать более автономно и масштабно.

Массовое возвращение советских военнопленных из Финляндии началось в октябре 1944 г. и проходило под контролем Союзной контрольной комиссии, Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, НКВД и органов «СМЕРШ».

В документе от 17 октября 1944 г., адресованном заместителю Председателя Государственного Комитета Обороны (далее — ГКО) Л. П. Берии, были систематизированы правила обращения с освобождёнными советскими военнопленными. Порядок их распределения, закреплённый постановлением ГКО № 1069сс от 27 декабря 1941 г.²⁶¹, зависел от воинского звания и места освобождения²⁶². Военнопленные рядового и сержантского состава, освобождённые Красной армией, первоначально направлялись в армейские сборно-пересыльные пункты. После проверки не вызвавших подозрений пленных зачисляли в действующие части, а лиц, требовавших дополнительной проверки, помещали в спецлагеря НКВД; по её итогам их могли направить в армию или на работу в промышленность.

Постановление СНК СССР от 6 октября 1944 г. об обращении советского правительства к освобождённым союзниками советским военнопленным

²⁶¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 34980. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

²⁶² ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 7. Л. 1.

потребовало скорректировать этот порядок²⁶³. В документе указывалось, что 46 тыс. военнопленных рядового и сержантского состава, уже содержащихся в лагерях НКВД и работавших в промышленности, предполагалось закрепить за соответствующими предприятиями. Прибывавших из Финляндии рядовых и сержантов надлежало направлять в спецлагеря НКВД для проверки и их дальнейшее распределение зависело от её результатов и потребностей армии и промышленности.

Офицерский состав также направлялся в спецлагеря НКВД. По результатам проверки часть командиров планировалось задействовать в формировании штурмовых стрелковых батальонов, созданных приказом НКО № ОРГ/2/1348 от 1 августа 1943 г.²⁶⁴. Эти подразделения следует отличать от штрафных батальонов Красной армии, формировавшихся на иных правовых основаниях.

Для успешной организации процесса репатриации начальник Главного управления тыла Красной армии генерал армии А. В. Хрулев запросил дополнительные штаты²⁶⁵. В этой связи ГКО утвердил проект постановления о формировании при штабе начальника тыла Красной армии отдела по делам военнопленных, интернированных и репатрируемых в составе 12 военнослужащих и 4 вольнонаемных²⁶⁶. Процесс распределения межведомственных полномочий в рамках подготовки проекта постановления ГКО потребовал решения важнейших вопросов и устранения в документах ряда противоречивых положений, которые генерал Ф.И. Голиков изложил в письме на имя своего заместителя. В нем, в частности, он сообщал о необходимости:

²⁶³ Там же. Л. 2.

²⁶⁴ Приказ Народного комиссара обороны № Орг/2/1348 командующим войсками Московского, Приволжского и Сталинградского военных округов о формировании отдельных штурмовых стрелковых батальонов. 1 августа 1943 г. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/189850> (Дата обращения: 05.10.2025)

²⁶⁵ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 1. Л. 4.

²⁶⁶ Там же. Л. 5.

1) разграничить полномочия Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан и органов НКВД;

2) определить порядок охраны бывших военнопленных в местах приёма из-за границы и при сопровождении в специальные запасные части Главупраформа;

3) направлять советских граждан, прибывавших на родину и годных к физическому труду, по нарядам Госплана СССР на промышленные предприятия²⁶⁷. Эти предложения были учтены в постановлении ГКО от 2 ноября 1944 г., установившем порядок возвращения и распределения советских военнопленных²⁶⁸.

Согласно донесению, советской администрацией в начале октября 1944 г. было зарегистрировано 43169 военнопленных, из них 1199 офицеров и один генерал-майор (Владимир Васильевич Кирпичников, который в 1950 г. был осужден за измену родине по причине выдачи во время допроса финскому командованию данных, составлявших военную и государственную тайну, и приговорен к расстрелу). Из этого числа на 22 октября отправлено на родину 14657 чел., из них 1193 офицера и генерал, а также 724 гражданских²⁶⁹.

По плану, всех военнопленных предполагалось доставить в СССР до 5 ноября. На момент начала репатриации в Финляндии действовали 13 лагерей, 4 госпиталя для военнопленных и 1 рабочая рота. К 22 октября 3 лагеря, 2 госпиталя и 1 рабочая рота уже были расформированы, а находившиеся в них военнопленные отправлены в СССР; оставались 10 лагерей и 2 госпиталя²⁷⁰.

В донесении от 28 октября 1944 г. указывалось, что на родину отправлены уже 25103 военнопленных: 1 генерал-майор, 1254 офицера, 26 женщин-военнослужащих и 23822 рядовых и младших командира. Кроме

²⁶⁷ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 8. Л. 1.

²⁶⁸ Там же. Л. 2-3.

²⁶⁹ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 10. Л. 70.

²⁷⁰ Там же. Л. 70.

того, были репатриированы 1635 гражданских лиц СССР, а из Швеции направлены ещё 170 человек. Из 13 лагерей 7 были освобождены, оставалось 6²⁷¹.

По состоянию на начало ноября 1944 г. в СССР были возвращены 41729 человек, в том числе один генерал-майор, 1346 офицеров, 194 женщины-военнослужащие и 40188 рядовых. К середине ноября основной этап массовой репатриации был практически завершён²⁷².

Процесс репатриации из Финляндии подробно отражён в донесениях на имя начальника Управления кадров Главного политического управления Рабоче-крестьянской Красной армии (далее — ГЛАВПУРККА) генерал-лейтенанта Н. В. Пупышова. 18 октября 1944 г. в Финляндию прибыл представитель ГЛАВПУРККА полковник Н. В. Егоров. Совместно с представителем уполномоченного СНК СССР по делам репатриации в Финляндии полковником Н. А. Филатовым они приступил к учёту лагерей и содержащихся в них военнопленных.

В лагеря направлялись представители Союзной контрольной комиссии, контролировавшие сроки отправки, обеспеченность военнопленных одеждой и сбор жалоб на финское командование и лагерную администрацию. Поступившие обращения обобщались и передавались в СКК для рассмотрения вопроса об ответственности конкретных должностных лиц.

В донесениях отмечалось, что настроение военнопленных хорошее, все стремятся скорее попасть на родину, а также интересуются своей дальнейшей судьбой. Некоторые, находясь в плену более трех лет, ничего не знали о ситуации на фронте и в стране, не разбирались в новых воинских знаках различия, введенных в СССР в 1943-1944 гг. Указывалось, что особенно интересовались своей судьбой те, кто чувствовал вину. Часть из них

²⁷¹ Там же. Л. 72.

²⁷² Там же. Л. 76.

признавалась в измене родине. Был отмечен случай самосуда, когда военнопленные убили старшину барака из числа военнопленных (Романовского), который систематически издевался и избивал своих соотечественников²⁷³.

Доставку советских военнопленных к пункту передачи на станции Вайниккала обеспечивала финская сторона. В пути репатриантов снабжали продовольствием и одеждой, для чего финское правительство закупило в Швеции 45 тыс. комплектов обмундирования. На сборных пунктах и в эшелонах проводились переключки и сверка списков, а выявленные расхождения фиксировались финской и советской сторонами. Примечательно, что некоторым пленным удалось сохранить свои советские ордена.

С начала репатриации серьезной проблемой стали побегі из лагерей и эшелонов. По сведениям старших вагонов, чаще всего исчезал один человек из отдельного вагона, что позволяет предполагать преимущественно индивидуальный, а не организованный характер большинства побегов. 14 октября из лагеря № 1 бежали три офицера во главе с младшим лейтенантом Смирновым, заявлявшим, что он не вернётся в СССР и угрожавшим взорвать эшелон²⁷⁴.

В донесении от 28 октября 1944 г. сообщалось, что по пути к советской границе бежали 43 человека, из которых 12 были задержаны. По оценке советских проверяющих, среди них находились лица, служившие в финской армии или сотрудничавшие с лагерной администрацией. По национальности задержанные распределялись следующим образом: семь карелов, два финна, один поляк, один русский и один украинец. Среди них был и бывший кандидат в члены партии Лукин, до войны работавший художником в Выборгском доме культуры в Ленинграде. 27 октября задержанных передали сотрудникам

²⁷³ Там же. Л. 70-71.

²⁷⁴ Там же. Л. 71.

НКВД. Лейтенанты Рябитва и Щеголев после первого задержания вновь совершили побег.

Характерным стал случай эшелона из лагеря № 1. 19 октября его начальник Микко Эрик Кянтос принял по акту 1154 военнопленных-офицера, тогда как 21 октября в Вайниккала прибыли 1150 человек. Показания фиксировали отсутствие пленных на разных этапах следования: старшина вагона № 3 Ваканов сообщил о четырёх пропавших во время стоянки в Риихимяки; старшины вагонов № 18 и № 7 Ушаков и Еронен обнаружили отсутствие Земляницына и Калинина при переключках утром 20 октября; начальник охраны младший сержант Хяяси подтвердил, что получил сведения о побегах в Риихимяки²⁷⁵. Таким образом, документы устанавливают недостачу между погрузкой и передачей эшелона, но не позволяют точно определить время побега.

Финская сторона утверждала, что эшелоны проверялись в пунктах сбора, а о выявленных расхождениях немедленно сообщалось советскому командованию. Полковник Мальм, отвечая на жалобу СКК, не обнаружил в действиях финского персонала проступка, требовавшего дисциплинарного взыскания. СКК с этим выводом не согласилась. Ссылки конвоиров на запрет стрелять по беглецам советская сторона не считала достаточным оправданием и потребовала привлечь виновных к ответственности²⁷⁶. В декабре 1944 г. Мальм представил СКК сведения о 78 побегах, допущенных по недосмотру конвоя. 25 военнослужащих охраны, включая девять начальников эшелонов, были преданы финскому военно-полевому суду²⁷⁷.

По данным финских источников, сбежавших советских военнопленных разыскивали, находили и до передачи представителям СССР обычно направляли в тюрьму муниципалитета Лаппеэнранта, где находился сборный

²⁷⁵ Там же. Л. 18.

²⁷⁶ Там же. Л. 18.

²⁷⁷ Там же. Л. 18.

пункт под руководством майора С. Инкиля, созданный в ноябре 1944 г. Охрану и материальное обеспечение пункта осуществлял Карельский пограничный егерский полк²⁷⁸. К прибытию советских конвоиров здесь собиралась партия из 20-30 беглецов. Советские представители, приезжая в тюрьму, в первую очередь проводили опрос пленных. Было несколько попыток суицида среди бывших военнопленных, - настолько был велик их страх перед наказанием.

5 мая 1945 г. представителям СССР на ст. Вайниккала было передано 28 беглых военнопленных²⁷⁹. 23 октября 1945 г. из пункта сбора на ст. Вайниккала было передано еще 34 чел.²⁸⁰. Последняя передача 26 беглых пленнх из пункта сбора в Лапеэнтранте была проведена 15 июля 1946 г. 31 августа 1946 г. данный пункт сбора был закрыт²⁸¹.

В ходе розыскных мероприятий выяснилось, что некоторым беглецам удалось сменить имя, получить финские документы или скрываться при содействии частных лиц и различных организаций. Часть бывших военнопленных перебралась в Швецию и устроились там на работу. В материалах Консульского отдела НКВД СССР в Швеции сохранились списки

²⁷⁸ KansallisarkistoSuomi, Sotapäiväkirjat-kokoelma. Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat. Karanneiden sotavankien kokoamisaikka, 25.11.1944 - 25.4.1945 (1944-1945). Tiedosto 4. [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: <https://astia.narc.fi/uusiastia/viewer/?fileId=5755595271&aineistoId=237898997>, vapaa pääsy (01.09.2025). – Otsikko näytöltä.

²⁷⁹ KansallisarkistoSuomi, Sotapäiväkirjat-kokoelma. Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat. Karanneiden sotavankien kokoamisaikka, 26.4.1945 - 13.10.1945 (1945-1945). Tiedosto 4-5. [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: <https://astia.narc.fi/uusiastia/viewer/?fileId=5755547011&aineistoId=2378990975>, vapaa pääsy (01.09.2025). – Otsikko näytöltä.

²⁸⁰ KansallisarkistoSuomi, Sotapäiväkirjat-kokoelma. Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat. Karanneiden sotavankien kokoamisaikka, 14.10.1945 - 9.7.1946 (1945-1946). Tiedosto 4-5. [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: <https://astia.narc.fi/uusiastia/viewer/?fileId=5755595557&aineistoId=2378992620>, vapaa pääsy (01.09.2025). – Otsikko näytöltä.

²⁸¹ KansallisarkistoSuomi, Sotapäiväkirjat-kokoelma. Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat. Karanneiden sotavankien kokoamisaikka, 10.7.1946 - 31.8.1946 (1946-1946). Tiedosto 3-4. [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: <https://astia.narc.fi/uusiastia/viewer/?fileId=5755583670&aineistoId=2378994141>, vapaa pääsy (01.09.2025). – Otsikko näytöltä.

бывших военнопленных и гражданских лиц, которых впоследствии направляли в СССР через финский порт Або. С выявленными репатриантами сотрудники Консульского отдела проводили беседы и оформляли документы к отправке.

Числившийся в «списке № 19» бывший военнопленный Александр Иванович Адамов бежал из Финляндии в Швецию в августе 1943 г. Первое время он находился в Багго (Baggö) — одном из шведских открытых лагерей-поселений для советских беженцев, попавших в Швецию после побега из плена в Финляндии или с территории, занятой германскими войсками. Затем Адамов устроился на работу и сменил фамилию на Юналанен. В Финляндии он исполнял обязанности лагерного полицейского и, опасаясь возвращения, заявил в советском консульстве, что согласится ехать в СССР только при гарантии сохранения жизни. После разъяснений он согласился вернуться на родину, однако его дальнейшая судьба в использованном архивном деле не прослеживается²⁸².

Другой бывший военнопленный Виктор Архипович Куриленко бежал в Швецию в августе 1944 г., получил документы и работал на лесозаготовках в районе Фалуна. 2 февраля 1945 г. он обратился в Консульский отдел с просьбой отправить его в Советский Союз. Ещё двое бывших военнопленных — Ф. Е. Гадалин и В. С. Фалилеев — были осуждены шведскими судами за уголовные преступления²⁸³. Эти примеры показывают неоднородность мотивов и жизненных обстоятельств беглецов. В советских и финских документах страх перед возвращением связывался прежде всего с ожидаемой проверкой и возможной ответственностью за сотрудничество с лагерной администрацией, разведывательными органами или финскими воинскими формированиями.

²⁸² ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 63. Л. 143.

²⁸³ Там же. Л. 147.

В консульском «списке № 21» на отправку в СССР 20 февраля 1945 г. числились 33 человека, из которых пятеро по неизвестным причинам не явились на пароход. Среди отправляемых находились 23 выходца из Прибалтики. Документ не позволяет установить, бежали ли они из лагерей военнопленных, рабочих команд или воинских формирований. До декабря 1944 г. они находились в шведских лагерях для прибалтийских беженцев, конкретные наименования которых в источнике не указаны, а затем были переведены в Лиссму (Lissma) близ Стокгольма — открытый сборный лагерь для советских граждан, использовавшийся при подготовке репатриации. Всего с 22 января по 1 июля 1945 г. из Швеции в СССР были отправлены 786 человек, включая 411 бывших военнопленных и 375 гражданских лиц²⁸⁴.

В ходе репатриации было установлено, что в финской армии из добровольцев советского гражданства сформировали 3-й добровольческий, или «соплеменный», батальон («Хеймо») первоначальной численностью около 620–640 человек. Сначала он участвовал в боевых действиях против Красной армии, а после заключения перемирия — против германских войск на севере Финляндии. Приказ о формировании батальона был подписан 16 ноября 1942 г. В него входили добровольцы из числа советских военнопленных — этнические финны, владевшие финским языком. Батальон состоял из штаба, трёх стрелковых рот, пулемётной роты и миномётного взвода. Командиром назначили финского офицера майора Эмиля Пекканена. Местом формирования стал лагерь Ахолахти в приходе Сяаминки²⁸⁵. По требованию советских представителей батальон сняли с фронта. 9–10 ноября 1944 г. советской стороне передали 324 военнослужащих; часть остальных

²⁸⁴ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 65. Л. 182.

²⁸⁵ KansallisarkistoSuomi, Päämajan yhteysosaston arkisto. Liitteet ja luettelot. T-19499/26_5 Asiakirjoja koskien Erillinen pataljoona 6, Heimopataljoona 3. Suomen ja venäjän kielellä. Tiedosto 2-23. [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: <https://astia.narc.fi/uusiastia/viewer/?fileId=5266632937&aaineistoId=1525981712>, vapaa pääsy (01.09.2025). – Otsikko näytöltä.

скрылась в Финляндии или ушла в Швецию, и была объявлена в розыск. По приведённым в исследовании данным, к весне 1951 г. СССР было передано в общей сложности 649 бывших военнослужащих батальона.

В финской армии действовал также 6-й отдельный добровольческий батальон из ингерманландцев. До перевода в Финляндию он находился в составе германской армии как 664-й Восточный батальон и включал 24 унтер-офицера и 570 рядовых. Согласно финским архивным источникам, инициатором перевода был ингерманландский пастор Тенкко. С согласия германских властей он посетил батальон в районе Старой Руссы и передал сведения о нём начальнику Генерального штаба финской армии генералу А. Э. Хейнрихсу. После согласования с германским генералом В. Эрфуртом и Верховным командованием вермахта батальон в декабре 1943 г. перевели в Финляндию. Командиром назначили подполковника К. А. В. Брейтхольца. Весной 1944 г. в его состав вошла часть мобилизованных ингерманландцев, перемещённых в Финляндию с территории Ленинградской области²⁸⁶.

Репатриация военнослужащих 6-го отдельного добровольческого батальона оказалась более сложной. После его расформирования 29 сентября 1944 г. финские власти первоначально не считали этих лиц подлежащими обязательной передаче СССР. 12 июня 1945 г. представитель СКК генерал-лейтенант Г. М. Савоненков потребовал от финского правительства принять меры к их репатриации. В августе Министерство внутренних дел Финляндии объявило бывших военнослужащих в розыск²⁸⁷. В документе от 5 сентября 1945 г., направленном начальнику Главного управления контрразведки «СМЕРШ» генерал-полковнику В. С. Абакумову, сообщалось, что к 1

²⁸⁶ KansallisarkistoSuomi, Päämajan yhteysosaston arkisto. Liitteet ja luettelot. T-19499/26_5 Asiakirjoja koskien Erillinen pataljoona 6, Heimopataljoona 3. Suomen ja venäjän kielellä. Tiedosto 24-39. [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: <https://astia.narc.fi/uusiastia/viewer/?fileId=5266632937&aineistoId=1525981712>, vapaa pääsy (01.09.2025). – Otsikko näytöltä.

²⁸⁷ Pohjonen J. Op. cit. P. 183-184.

сентября были задержаны и переданы советским властям на станции Нурми 107 бывших военнослужащих 3-го и 6-го батальонов²⁸⁸. К маю 1953 г. ещё 187 человек были репатриированы, а 283 вернулись добровольно. Всего в 6-м батальоне служили 729 человек; часть остальных погибла, ушла за границу или скрывалась в Финляндии под изменёнными документами²⁸⁹.

В ходе репатриации органам НКВД, НКГБ и «СМЕРШ» стало известно, что осенью 1944 г. в Швецию были переправлены несколько бывших советских военнопленных, служивших в финской контрразведке²⁹⁰. Ранее они проходили обучение в специальной школе при разведывательном отделе Главной ставки Финляндии и использовались в деятельности, направленной против СССР.

По просьбе полковника Халламаа Рейно Хенрика и вопреки соглашению о перемирии, начальник разведотдела майор Палко Юрье скрывал нужных ему советских пленных, устраивая их на работу и жительство в Кеюлие. Начальник контрразведывательной школы при Главном штабе финской армии майор Кейно Пенти Каарло попросил майора Палко Юрье взять на работу еще 8-10 советских военнопленных – слушателей контрразведывательной школы.

В октябре 1944 г. полковник Халламаа дополнительно дал распоряжение майору Палко и работнику разведотдела майору Лумпеелле Августу Ерославу об организации и направлении советских военнопленных в 4-й отдельный батальон, дислоцировавшийся в Торнио. По прибытии советских военнопленных в Торнио командир батальона подполковник С.И. Оскар получил распоряжение о направлении их (37 советских военнопленных) в Швецию.

Финская сторона демонстрировала негативное отношение к этому поступку, и 16 октября 1946 г. государственная полиция арестовала майора

²⁸⁸ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 66. Л. 1.

²⁸⁹ Pohjonen J. Op. cit. P. 185.

²⁹⁰ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 273. Л. 310.

Палко, советской стороне было сообщено о вынесенном ему приговоре, однако вряд ли он в действительности понес какое-либо наказание.

Характер советско-финских отношений в период с 1944 до 1955 гг. определялся тем, насколько хорошо финны выполняли требования статей Соглашения о перемирии и мирного договора. К декабрю 1944 г. порядка 42 тыс. советских военнопленных были возвращены на родину. Часть бывших военнопленных при возможности сбежала в Швецию, опасаясь наказания за сдачу в плен, но в ходе активной пропагандистской и разъяснительной работы, проведенной сотрудниками СКК и советского консульства в Швеции, многие из них вернулись на родину. По имеющимся данным, последний из разыскивавшихся лиц – А. Яковлев, ранее находившийся в плену в Финляндии, был передан советской стороне 7 марта 1955 г.²⁹¹

2.3. Работа с советскими перемещенными лицами по подготовке к репатриации на территории Финляндии, 1944–1953 гг.

Одновременно с возвращением советских военнопленных осенью 1944 г. Союзная контрольная комиссия и советские органы репатриации начали работу с перемещенными гражданскими лицами, остававшимися в Финляндии. Эта деятельность включала их выявление и регистрацию, информирование об условиях возвращения, прием заявлений и жалоб, взаимодействие с финскими властями и, на позднем этапе, индивидуальную консульскую работу. По данным финского правительства, в стране находилось 62 тыс. советских граждан, якобы переданных немцами.

14 ноября 1944 г. в Финляндию была направлена группа из 14 офицеров под руководством полковника Н. А. Филатова, позднее усиленная 75

²⁹¹ Невалайнен П. Исход: финская эмиграция из России 1917-1939 гг. / авт. пер. с финск. М. Леппя. СПб., 2005. С. 382; Pohjonen J. Op. cit. P. 186.

офицерами, выделенными Ленинградским военным округом²⁹², которым удалось выявить 108746 военнопленных и насильственно перемещенных граждан СССР²⁹³. Основной процесс репатриации советских перемещенных лиц из Финляндии происходил в период с 5 декабря 1944 г. по 15 января 1945 г. На 14 ноября 1944 г. в Финляндии было зарегистрировано 33351 ингерманландцев, вывезенных немцами из-под Ленинграда. Заявления продолжали поступать и позже²⁹⁴.

Подключившиеся к этой работе органы СМЕРШ, НКВД и НКГБ также начали деятельность по подсчетам, выявлению, проверкам и конвоированию этой огромной массы людей, что порой создавало дублирование и неразбериху в работе СКК. Уполномоченный СНК СССР по делам репатриации Ф.И. Голиков в начале ноября 1944 г. направил в адрес ГКО ряд запросов, касающихся распределения межведомственных обязанностей по репатриации советских военнопленных и перемещенных лиц²⁹⁵.

Практическая подготовка к репатриации началась в первых числах ноября 1944 г. Первоначальный план предусматривал к 3 ноября совместно с финской стороной составить по губерниям и уездам списки всех проживавших в Финляндии граждан СССР и предварительные сведения о подавших заявления о возвращении на родину, утвердить порядок их доставки на сборные пункты и создать базы обеспечения. До 5 ноября предполагалось оповестить перемещённых советских граждан о порядке возвращения с помощью радиовыступлений, газетных объявлений и сообщений в общественных местах. С 6 ноября началась регистрация граждан СССР, подлежащих возвращению, а с 10 ноября представители СКК и

²⁹² ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 10. Л. 81.

²⁹³ Мусаев. В.И. Советско-финляндское перемирие и судьба советских перемещенных лиц (1944—1945 гг.) // От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939—1944. Сборник статей. СПб., 2006. С. 416-424

²⁹⁴ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 8. Л. 16

²⁹⁵ Там же. Л. 1.

уполномоченного СНК СССР по делам репатриации проводили контрольные объезды губернских и уездных центров, проверяя ход регистрации и подготовку сборных пунктов и баз обеспечения²⁹⁶. 7 ноября 1944 г. представителю СКК в Финляндии генерал-лейтенанту Г. М. Савоненкову был представлен на согласование проект работы Управления СНК СССР по делам репатриации²⁹⁷. Он конкретизировал задачи подготовительного периода с 25 ноября по 3 декабря 1944 г.: уточнение регистрационных данных и именных списков, разработку плана железнодорожных перевозок, оборудование сборно-пересыльных и медицинских пунктов, создание продовольственно-фуражной базы.

В плане так же было прописано²⁹⁸:

- Оповещение советских граждан о времени их прибытия на сборные пункты и об очередности перевозки их имущества от местожительства на сборные пункты;
- Организация и проведение медицинского осмотра на сборных пунктах всех отъезжающих советских граждан и выдача соответствующих врачебных справок об осмотре;
- Выдача продовольствия и фуража на отправляемых людей и увозимый скот на весь путь следования по установленным нормам и замена нуждающимся одежды и обуви;
- Организация приема личного имущества и охрана его на сборных пунктах до погрузки в эшелоны;
- Распределение людей по вагонам, организация приема и погрузки личного имущества отъезжающих советских граждан. Составление поэшелонных списков, сверка их с учетными карточками, назначение старших эшелонов, вагонов, ответственных за багажные вагоны и сопровождение от

²⁹⁶ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 189. Л. 290.

²⁹⁷ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6 Д. 15. Л. 47.

²⁹⁸ Там же. Л. 48.

представителя уполномоченного СНК СССР. При этом, большая часть подготовительной работы возлагалась на финские власти под контролем советских офицеров, работавших в финских губерниях.

По данным финского правительства, на 28 октября 1944 г. заявления о согласии на выезд и репатриацию в СССР подали 33587 чел.²⁹⁹. Советские представители считали это число заниженным, поскольку часть ингерманландцев финские власти рассматривали как лиц, добровольно переселившихся и связанных с Финляндией этническим происхождением. Заявления, собиравшиеся осенью 1944 г., фиксировали намерение вернуться в СССР и не тождественны анкетам, заполнявшимся при первоначальном переселении в Финляндию³⁰⁰. Впрочем, данное утверждение не поддерживается финскими исследователями³⁰¹.

Разногласия имели место и по численности репатриантов. СКК и представители уполномоченного СНК СССР периодически проводили проверку предоставляемых финнами сведений по регистрации репатриантов в каждой из губерний. Так, по финским данным, в Куопиоской губернии насчитывалось 4569 советских граждан, а после проверки оказалось 5051 чел. В Вазаской губернии числилось 3,5 тыс. перемещенных лиц, после проверки оказалось 7088³⁰².

После выявленных расхождений в финских учётных данных, СКК и представители уполномоченного СНК СССР организовали самостоятельную регистрацию советских граждан. С 5 ноября сведения о месте и времени регистрации распространялись по радио и через финскую печать³⁰³. В каждую губернию направлялись группы советских представителей³⁰⁴, а в Хельсинки

²⁹⁹ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 10. Л. 75.

³⁰⁰ Там же. Л. 76.

³⁰¹ Pohjonen J. Op. cit. P. 182-186.

³⁰² ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 10. Л. 76.

³⁰³ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 189. Л. 284

³⁰⁴ Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX веке... С. 313.

регистрационный пункт действовал в отеле «Тапиола»³⁰⁵. В объявлениях сообщались условия переезда и перевозки личного имущества. Возвращение детей-сирот в возрасте до 16 лет определялось как обязательное.

Помимо переселенцев, с просьбой вернуться на родину обращались и русские эмигранты. Все документы передавались политическому советнику при председателе СКК в Финляндии. П.Д. Орлову. За шесть дней с начала регистрации в пункты сбора обратилось 20025 советских граждан, желавших выехать на Родину: 4413 мужчин, 9242 женщины с 6370 детьми; заявлено было о перевозке 1630 тонн багажа³⁰⁶. Завершить регистрацию планировали к 20 ноября с тем, чтобы с 25 ноября по плану начать отправку эшелонов.

Часть перемещенных лиц не желала возвращаться в СССР. Среди них были ингерманландцы и другие выходцы из Ленинградской области, успевшие устроить хозяйство или создать семью в Финляндии. На настроения влияла антисоветская агитация: в выходившей в Финляндии русскоязычной газете «Северное слово» утверждалось, что советские власти будут рассматривать вернувшихся как изменников³⁰⁷. В отдельных случаях работодатели увольняли подавших заявления на выезд, лишали их жилья или продовольственных карточек. После обращения СКК представитель МВД Финляндии 12 ноября 1944 г. публично предупредил о недопустимости таких мер.

Помимо регистрации советских граждан, СКК и представители уполномоченного СНК СССР по делам репатриации рассматривали жалобы на изъятие скота, продовольствия, денежных средств и иных ценностей. По заявлениям, подтверждённым расписками или другими документами, финские власти соглашались возместить ущерб. 28 ноября 1944 г. правительство

³⁰⁵ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 189. Л. 283

³⁰⁶ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 10. Л. 77.

³⁰⁷ Там же. Л. 77.

Финляндии учредило специальную комиссию для рассмотрения прошений советских граждан о компенсации утраченного имущества³⁰⁸.

Сложнее было с компенсацией ущерба, нанесенного переселенцам немецкими войсками на финской территории. Германские реквизиционные квитанции либо отсутствовали, либо не совпадали с финскими документами. В таких случаях, или в случаях отказа на компенсацию, переселенец имел право на апелляцию, которую надлежало рассмотреть в 30-дневный срок. Если репатриант принимал определенное ему возмещение убытков и расписывался в его получении, то он терял право на апелляцию. Платежи тем советским гражданам, которых не удалось на месте их жительства в Финляндии, производились на сборных пунктах.

К 1 декабря 1944 г. советским гражданам было выплачено 316,4 млн финских марок, а к 5 декабря — еще 29 млн. Эти суммы не включались в счет репараций³⁰⁹. К 15 января 1945 г. совокупная сумма возмещения достигла 349645903 марок. Из нее 61537431 марка приходилась на компенсацию за скот, зерно и иное имущество, переданное германской и финляндской армиям или утраченное в Финляндии. Еще 285235769 марок были выплачены по 22135 квитанциям, выданным при произведенном ранее обмене принадлежавших переселенцам денежных средств. Использованный документ не раскрывает валюты и применявшийся курс обмена. Возвращенные налоги и взносы социального страхования составили 2872703 марки³¹⁰.

Проблемой стала репатриации советских граждан, вступивших в брак с финнами. Так возникло более 500 семей³¹¹, из которых только 14 пожелали переехать в СССР³¹².

³⁰⁸ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 189. Л. 204-205.

³⁰⁹ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 10. Л. 83.

³¹⁰ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 189. Л. 326.

³¹¹ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 63. Л. 42.

³¹² ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 1207. Л. 65.

Правовое положение советско-финляндских семей зависело от гражданства каждого из супругов. По финскому законодательству иностранка, вступавшая в брак с гражданином Финляндии, приобретала финское гражданство, поэтому состоявшие в браке с финнами советские женщины рассматривались финской стороной как её гражданки. Другую категорию составляли семьи советских мужчин, состоявших в браке с гражданками Финляндии. Заявления о выезде в СССР поступали от представителей обеих категорий, что требовало отдельного согласования порядка возвращения супругов и детей³¹³.

Разъяснения по данной проблеме были получены в марте 1945 г., когда помощник уполномоченного СНК СССР по делам репатриации генерал-майор Я.Д. Басилов получил соответствующие инструкции из Наркомата иностранных дел. Согласно документу за подписью наркома А.Я. Вышинского от 8 января 1945 г., в отношении советских граждан, вступивших в брак с иностранными подданными, при репатриации следовало руководствоваться следующим³¹⁴:

«а) разрешать возвращение в СССР только тем советским гражданам, которые до начала войны проживали на территории СССР и оказались за границей в качестве перемещённых лиц или военнопленных;

б) въезд в СССР членов семей таких советских граждан, являющихся подданными иностранных государств, может иметь место только после принятия их в гражданство СССР, за исключением случаев, когда советский гражданин или гражданка, будучи иностранными подданными, проявили себя открытыми сторонниками СССР. В этих случаях вопрос о въезде может быть рассмотрен НКВД до принятия лица в гражданство СССР и оформить его подданство с прибытием в СССР.

³¹³ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 63. Л. 42–43.

³¹⁴ Там же. Л. 193.

г) не препятствовать советским гражданам из числа перемещённых лиц или военнопленных оставаться за границей до решения вопроса о принятии членов их семей в советское гражданство и разрешении им въезда в СССР; при отклонении такого ходатайства они могли остаться на более длительный срок, если не совершили преступлений против Советского государства. Лица, совершившие такие преступления, подлежали принудительному возвращению в СССР».

Отдельную проблему составляли попытки части советских граждан, в том числе матерей с детьми, избежать репатриации, перебравшись в Швецию. СКК обращалась в МВД Финляндии с требованиями расследовать такие случаи. В частности, советская сторона сообщала о семи ингерманландцах из группы, отправлявшейся из Раума 12 декабря 1944 г., которые отстали от эшелона и, по имевшимся у СКК сведениям, с разрешения финских властей перешли через Або в Швецию³¹⁵. Проведённое финской полицией расследование этого не подтвердило. Идентификацию осложняло различие форм фамилий: в финских документах часть переселенцев использовала финские варианты, а при регистрации советскими органами — русские. Без дополнительных доказательств финская сторона считала продолжение расследования невозможным.

Начальник сборного пункта в Раума заявил, что ни один ингерманландец не уехал в Швецию легально. Выяснить, переходил ли кто-то нелегально границу со Швецией, было непросто³¹⁶. Удалось выяснить факт нелегального отъезда в Швецию советской гражданки М. Антроповой с тремя детьми. Еще два ингерманландца «исчезли» из г. Кухаиоки³¹⁷.

³¹⁵ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 1207. Л. 65.

³¹⁶ Там же. Л. 65.

³¹⁷ Там же. Л. 64.

Между тем, по данным СКК на 12 января 1945 г. вполне легально перебрались в Швецию 197 ингерманландца³¹⁸. Всего по сведениям советской миссии в Швеции находилось до 700 советских граждан, преимущественно женщин и детей из числа вывезенных финнами из Ленинградской области. Большинство из них были эвакуированы в Швецию с началом освобождения северных областей Финляндии от немецких войск. По заявлению советской стороны, эти граждане подлежали возврату в Советский Союз и размещению по областям в соответствии с планом расселения возвращающихся из Финляндии ингерманландцев³¹⁹. Под давлением СКК в период с 22 января по 1 июля 1945 г. из Швеции было репатрировано 786 советских граждан, включая 411 бывших военнопленных и 375 гражданских³²⁰. Кроме того, на июнь 1945 г. по данным НКГБ СССР в Финляндии скрывались от репатриации еще 17 советских граждан, часть из которых имела фиктивные документы, выданные финскими властями³²¹.

Поскольку в Финляндии ингерманландцев воспринимали как добровольных переселенцев, да и многие из них поначалу считали Финляндию своей исторической родиной, пропагандистская работа с репатриантами требовала особой подготовки и проводилась уже во время следования эшелонов. Основной целью данных мероприятий являлось формирование у репатриантов определенного представления о жизни в Советском Союзе, как единственно возможного варианта их будущего. В ходе этой работы происходило выявление антисоветских элементов, проводивших активную контрпропаганду.

Политико-информационная работа с советскими гражданами в Финляндии была возложена на направленных в губернии инструкторов и

³¹⁸ Там же. Л. 108.

³¹⁹ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 63. Л. 44.

³²⁰ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 65. Л. 182.

³²¹ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 64. Л. 169.

политработников. Они составляли сообщения для ТАСС и советских органов, проводили собрания и беседы, разъясняли содержание Московского перемирия и условия возвращения, распространяли подготовленные для советских граждан листовки и материалы о положении в СССР³²².

Основным документом в советской агитационной работе являлось интервью генерал-полковника Ф.И. Голикова³²³, опубликованное в «Правде» 11 ноября 1944 г., «Известиях» 7 сентября 1945 г. и «Звезде» 1 мая 1945 г.³²⁴. В Хельсинки полный текст интервью был размножен представителем СКК Н. А. Филатовым и разослан в губернии и уезды Финляндии. В своих донесениях Н. А. Филатов отмечал: «Советские граждане с большим вниманием слушают чтение текста и беседы по интервью»³²⁵.

Интервью Ф. И. Голикова распространялось посредством размещения текста на досках объявлений регистрационных пунктов, выпуска русскоязычных листовок, коллективных чтений и разъяснительных бесед. Например, 16 ноября 1944 г. его содержание было доведено до участников собрания советских граждан в Хямеэнлинне³²⁶.

Так, Гекканен Мария Матвеевна, находившаяся в Финляндии с октября 1943 г., заявила: «Я живу на свете 63 года, и только при Советской власти получила хорошую свободную жизнь, которую фашисты хотели у меня отнять. Поэтому я с великой радостью подала заявление о возвращении на Родину, в СССР. Вместе со мной разделяют эту радость и две мои дочери»³²⁷.

³²² ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 7. Л. 20.

³²³ Финские газеты дали свои комментарии по этому поводу, так как считалось, что люди покинули СССР добровольно. Так, заголовок статьи в некоторых газетах был «Амнистия эмигрантам», что не входило в политическую доктрину Советского Союза. В результате, полное интервью Голикова опубликовали во всех финских газетах после правок только 21 ноября 1945 г.

³²⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 84. П. 7. Л. 12.

³²⁵ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 4. Л. 48.

³²⁶ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 10. Л. 85-86.

³²⁷ Там же. Л. 86-87.

Хеймо Матвей Карлович (1905 г.р.), имевший семью из шести чел., заявил: «Только Советское государство может так заботиться о своих гражданах. Я сердечно благодарен своей родине и нашему вождю тов. Сталину, что нам предоставлена возможность вернуться на свою родину. Даю слово, что по приезду на родину, я и моя семья будем трудиться не покладая рук, чтобы внести и свою долю в деле восстановления районов пострадавших от немецко-фашистских бандитов»³²⁸.

Многие женщины эмоционально рассказывали о тяготах пребывания в лагерях Эстонии, Германии, Финляндии. Ряттяли Екатерина Николаевна (1912 г.р.), насильственно перемещенная в Финляндию в октябре 1943 г., заявила: «Я с радостью возвращаюсь в Советский Союз. Находясь в ненавистой Финляндии, я и мой сын все время знали, что СССР победит, и мы вернемся к себе на родину. Я горжусь тем, что мой муж сражается в рядах Красной Армии и несет освобождение всем гражданам СССР, насильственно угнанных на чужбину»³²⁹. В донесениях сообщалось, что некоторые советские граждане признавались в своих «преступлениях» перед СССР – были переводчиками или служили в финской армии, но, познакомившись с интервью Голикова, просили вернуть их на родину.

Слова благодарности Родине и товарищу Сталину политработники фиксировали так же и по возвращении репатриантов в СССР, после чего использовали их в агитационной работе в Финляндии. Так, гражданин Вайникка сказал: «Я работал батраком у европейца. Теперь я знаю, что такое труд в неволе. Было очень тяжело. Финны вели агитацию за то, чтобы мы остались в Финляндии, говоря, что нас в России направят в Сибирь. Мы счастливы, что вырвались из неволи и вновь будем жить в нашей свободной стране». Гражданин Лиски заявил: «Мне трудно выразить свою радость. Я

³²⁸ Там же. Л. 87.

³²⁹ Там же. Л. 88-89.

вновь в Советском Союзе. Я вновь свободный гражданин. Позади издевательства финнов. За три дня до отъезда в Советский Союз полицейский убил моего брата за то, что он купил у финна часы. Мы не видели ни одного светлого дня в Финляндии. Нас называли русскими скотами и заставляли за нищенскую плату работать по 18 часов в сутки». Во время отхода эшелона некий старик на ходу выкрикнул из вагона: «Слава Красной армии, благодарим товарища Сталина за наше счастливое возвращение»³³⁰.

Некоторые репатрианты сохраняли советские паспорта и трудовые книжки, что в донесениях рассматривалось как свидетельство их связи с СССР и намерения вернуться. Заявления мужчин о готовности служить в Красной армии использовались как демонстрация лояльности. Так, гражданин Иконен заявил: «В Финляндии мы были морально убиты, не имели никаких гражданских прав. Вернувшись на родину, я хочу идти в армию. В Финляндии мы слышали по радио доклад тов. Сталина. Это был светлый проблеск в нашем сумеречном существовании»³³¹.

Высказывания о готовности вернуться и служить в Красной армии могли быть как проявлением личной позиции, так и результатом политико-информационной работы. При этом обещание восстановить довоенное место жительства не могло распространяться на территории, отошедшие к СССР по Московскому мирному договору 1940 г., а также на область Петсамо, переданную СССР в 1944 г. Поэтому возвращение в Советский Союз не означало автоматического восстановления права проживания по прежнему адресу³³².

В ходе политико-просветительной работы репатриантам рассказывали о героической борьбе советских военнопленных против немецких оккупантов во Франции, Бельгии и Италии, а также, о насилии властей вражеских

³³⁰ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 1. Л. 24–25.

³³¹ Там же. Л. 25.

³³² Там же. Л. 25.

государств в отношении пленных³³³. Эти материалы использовались в беседах с возвращавшимися гражданами³³⁴.

На общесоюзном уровне информационная работа обеспечивалась централизованным выпуском газет, брошюр и листовок, комплектов политической и художественной литературы, репертуаров для самодеятельности и фотовыставок, направлявшихся в зарубежные лагеря и сборные пункты. Приводимые в отчетах сводные показатели относятся ко всей международной репатриационной кампании, а не только к Финляндии. В настоящем исследовании они используются лишь для характеристики общих масштабов информационного обеспечения³³⁵.

16 ноября 1950 г. посланник СССР в Финляндии Г. М. Савоненков получил указание МИД СССР о работе с остававшимися советскими гражданами. Предписывалось выявлять их и устанавливать контакт посредством консульских работников, советских граждан, проживавших за рубежом по заграничным видам на жительство, и членов местных организаций, которые советская дипломатическая переписка характеризовала как «прогрессивные». Другим направлением являлась информационная работа: распространение советской печати, проведение индивидуальных бесед и направление отчетов в органы репатриации. Заявления о розыске родственников принимались Консульским отделом и передавались для проверки в СССР; через тот же отдел публиковались объявления о возможности возвращения³³⁶.

Порядок репатриации перемещённых советских граждан предусматривал дифференцированный подход. Лица с бесспорно установленным советским гражданством направлялись в СССР без

³³³ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 4. Л. 17

³³⁴ Там же. Л. 18.

³³⁵ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 119. Л. 27-30.

³³⁶ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 736. Л. 376-378.

предварительных запросов. Если принадлежность к советскому гражданству вызывала сомнения, человека ставили на персональный учёт и телеграфно сообщали в МИД СССР его фамилию, имя, отчество, год рождения, последнее место жительства и работы в СССР, а также сведения о родственниках. Такая проверка была необходима для установления личности и правового основания репатриации и должна была исключить выдачу въездных документов лицам, советское гражданство которых не было подтверждено. В свидетельствах на въезд в СССР обязательно указывалось, что граждане следуют в порядке репатриации. От желавших вернуться требовались письменные заявления, а МИД СССР заранее информировали о дате отправления, персональных данных и маршруте следования³³⁷.

Кроме того, на посланника возлагалась обязанность ежеквартально представлять отчёт в Консульское управление и 5-й Европейский отдел МИД СССР. В отчёт включались данные о проделанной работе, а также сведения о количестве перемещённых лиц с указанием их возраста, национальности, районов проживания и рабочих специальностей. Помимо этого, требовалось отражать информацию об их материальном и правовом положении, настроениях репатриантов и возможностях проведения агитационной работы среди них.

В плане работы Миссии на 1951 г., изложенном в донесении от 13 марта 1951 г. на имя заместителя уполномоченного СНК СССР по делам репатриации Н. А. Филатова, предусматривались публикация объявлений в местной печати, выезды консульских работников в места компактного проживания советских перемещённых лиц, личные встречи и распространение литературы³³⁸.

³³⁷ Там же. Л. 379.

³³⁸ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 837. Л. 117.

Подготовленное для печати объявление информировало советских граждан о возможности обратиться в Консульский отдел лично или письменно, гарантиях бесплатного проезда и питания в пути, перевозке личных вещей за счёт советского государства, а также порядке получения проездных документов для выезда в Ленинград³³⁹.

15 апреля 1951 г. объявление было опубликовано в издававшемся Миссией СССР бюллетене «Советский Союз» и 2,4 тыс. экземпляров разослали по имевшимся адресам. 138 экземпляров вернулись с пометками «уехал в Швецию» или «выбыл», ещё часть адресаты отказались принять. Эти результаты показали не столько точное число переехавших в другие страны, сколько неполноту и устарелость адресной базы Миссии³⁴⁰.

Недостаточная осведомлённость части советских граждан подтверждалась индивидуальными обращениями. 20 апреля 1951 г. Катри Корикинен просила Консульский отдел разъяснить условия отъезда в СССР, поскольку не знала о такой возможности. 19 июня в Миссию обратился О. О. Фоуда с просьбой отправить его в Советский Союз в тот же день. О возможности репатриации он узнал случайно из бюллетеня «Советский Союз». Отец и мать Фоуды также находились в Финляндии и собирались выехать в СССР, когда устроится их сын. Эти случаи показывают, что часть советских граждан, проживающая в Финляндии до начала 1950-х гг. не владели информацией о возможности выехать на родину³⁴¹.

В результате, было решено систематически печатать объявления о репатриации в местной прессе (см. Приложение 4). Правда, 250-300 тыс. финских марок, которые запрашивала Миссия в центре в начале 1951 г. на эти цели, так и не были получены. Отсутствие разрешения на использование этих средств не позволило также организовать поездки по губерниям работников

³³⁹ Там же. Л. 203.

³⁴⁰ Там же. Л. 334.

³⁴¹ Там же. Л. 335-336.

Консульского отдела с разъяснительными беседами. Работа с репатриантами в следующем, 1952 г., приобрела персонифицированный характер, поскольку, как вскоре выяснилось, многие советские граждане не могли выехать в СССР по семейным обстоятельствам.

Случалось, что советские граждане, написав заявление на возвращение в СССР, под влиянием каких-то обстоятельств прекращали общение с консульствами. Письменных откликов на размещенные объявления за редким исключением также получено не было³⁴².

По состоянию на 1 декабря 1951 г. атташе Миссии СССР в Финляндии Пузанов поддерживал контакты с 15 семьями, однако только две согласились выехать в СССР. Остальные отложили решение, ссылаясь на недостаток достоверных сведений о положении в Советском Союзе и опасения за свою безопасность. В МИД СССР такую позицию объясняли влиянием «буржуазной пропаганды» и распорядились продолжить рассылку советских газет и журналов³⁴³.

В Миссии понимали, что большая часть оставшихся в Финляндии советских граждан, проживала на периферии, как правило, на хуторах, в которые информация о репатриации не могла попасть вовсе. За время проживания в новой стране переселенцы успели основательно осесть на финской земле, завести хозяйство, обзавестись семьями.

В 1952 г. было решено расширить работу на всю территорию Финляндии. Для этого в помощь атташе Пузанову были выделены помощники. Возобновлена демонстрация советских кинофильмов в сельской местности, в пунктах, где проживало даже незначительное количество перемещенных граждан. К работе подключились члены общества «Финляндия - СССР»³⁴⁴.

³⁴² Там же. Л. 337-338.

³⁴³ Там же. Л. 524-530.

³⁴⁴ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 901. Л. 93-111.

27 апреля в хельсинском кинотеатре «Рояль» состоялся показ фильма «У них есть Родина» с финскими и шведскими субтитрами. На него, по имевшимся в Миссии адресам, были разосланы 150 пригласительных билетов, при этом выяснилось, что многие адреса с 1946 г. устарели. На просмотр пришли 32 чел., из которых лишь половина взяла предложенные им журналы и газеты. По окончании просмотра некоторые женщины плакали, выразив желание посмотреть новый советский фильм. Было установлено, что все присутствовавшие знали друг друга, но не желали возвращаться на родину, так как не верили, что им разрешат поселиться в домах, в которых они проживали до войны³⁴⁵. Скорее всего, они получили эту информацию от ингерманландцев первой волны репатриации.

Таким образом, к 1952 г. советская Миссия столкнулась с двумя взаимосвязанными препятствиями. Первым была информационная недоступность значительной части советских граждан, расселённых по хуторам и небольшим населённым пунктам. Для её преодоления использовались объявления, поездки консульских работников, демонстрации фильмов и участие общества «Финляндия — СССР». Вторым являлось осознанное нежелание возвращаться, обусловленное семейными обстоятельствами, обустройством в Финляндии и опасениями последствий репатриации. В ответ Миссия распространяла финноязычные брошюры с письмами вернувшихся, организовывала персональную переписку, встречи и поездки проверенных репатриантов, а также готовила короткометражный фильм о жизни вернувшихся в СССР. Для работы в сельской местности была выделена автомашина с шофёром-киномехаником³⁴⁶. Несмотря на эти меры, в 1952 г. в СССР вернулись лишь 34 человека. По данным советской Миссии, финские власти формально не препятствовали выезду, однако все

³⁴⁵ Там же. Л. 113.

³⁴⁶ Там же. Л. 142-144.

перемещённые советские граждане в целях административного контроля состояли на полицейском учёте³⁴⁷.

Советская Миссия связывала отказ части граждан от репатриации прежде всего с антисоветской агитацией и поэтому пыталась выявить каналы её распространения. Посланник СССР в Финляндии В. Лебедев относил к ним антисоветскую газету «Посев». В качестве первичных контрпропагандистских мер в апреле–июне 1952 г. в Финляндии было распространено 2700 центральных и 4360 республиканских газет, 139 советских и 55 специальных журналов по вопросам репатриации, разослано 54 приглашения в Консульский отдел. По этим приглашениям отдел посетили 14 человек, трое из них заявили о желании вернуться в СССР. Сотрудники консульства также провели встречи с 34 гражданами в Риихимяки, Селяноя, Валкеакоски, Суоменлинне, Леппявааре, Алавусе, Пори, Турку, Тапаниле и Малми³⁴⁸. Вместе с тем настойчивость кампании имела и обратный эффект: 12 семей (33 человека) срочно выехали в Швецию, ещё 10 семей (18 человек) сменили место жительства³⁴⁹.

Наряду с агитационной работой сотрудники Консульского отдела уточняли численность и местонахождение советских граждан, проживавших за пределами столицы. После поездок в Турку, Ювяскюля, Раума, Хямеэнлинна и Миккели на учёт были поставлены 42 семьи (94 человека). В Турку проживало 74 семьи, из которых 8 переехали в Швецию. В Раума и пригородах находились 104 семьи (254 человека), 4 семьи (18 человек) уехали в Швецию, трое умерли в Финляндии, 4 семьи (58 человек) выбыли в другие районы. В Миккели и близлежащих общинах из ранее учтённых 52 семей продолжали проживать 27 семей (66 человек); 8 человек уехали в Швецию, 9 семей (21 человек) — в другие районы Финляндии. Местонахождение 66

³⁴⁷ Там же. Л. 153.

³⁴⁸ Там же. Л. 185-187.

³⁴⁹ Там же. Л. 391-394.

человек установить не удалось. Большинство учтённых составляли ингерманландцы, несколько семей — восточные карелы. Значительная часть скрывшихся из мест проживания после визита представителей Миссии имели отношение к службе в финской армии и опасались справедливых преследований.

Несмотря на расширение агитационной и учётной работы, её практический результат оставался ограниченным. Большинство советских граждан, продолжавших жить в Финляндии, не желали возвращаться из-за опасений возможных репрессий, утраты жилья и хозяйства в СССР, ослабления родственных связей, создания семей и получения иного гражданства, а также устойчивого социально-экономического положения в Финляндии. Поэтому применявшиеся Миссией информационные и персональные меры могли повлиять лишь на небольшую часть остававшихся лиц³⁵⁰.

Таким образом, работа с советскими перемещенными лицами на территории Финляндии включала несколько взаимосвязанных направлений: выявление и регистрацию, проверку сведений финских органов, информирование об условиях возвращения, прием заявлений и имущественных жалоб, урегулирование положения смешанных семей, а позднее — индивидуальную консульскую и информационную работу с остававшимися гражданами. Ее содержание изменялось от массовой кампании осени 1944 г. к персональной работе конца 1940-х — начала 1950-х гг. Собственно перевозка, прием и расселение репатриантов рассматриваются в следующем параграфе.

2.4. Процесс репатриации советских граждан из Финляндии: этапы и результаты

³⁵⁰ Там же. Л. 395-396.

2.4.1 Первый этап репатриации советских граждан в СССР, 1944 – 1945 гг.

Планируя массовое возвращение советских граждан, руководство СССР сочетало политические и экономические задачи. Политическая задача заключалась в восстановлении государственного контроля над гражданами, оказавшимися за пределами страны, и предотвращении формирования антисоветских групп как за рубежом, так и внутри послевоенного общества; этим объяснялись проверочные процедуры. Экономическая задача состояла в возвращении трудовых ресурсов, необходимых для восстановления народного хозяйства. Таким образом, репатриация одновременно включала возвращение, учет, фильтрацию и последующее трудовое или военное распределение граждан³⁵¹.

В настоящем параграфе рассматривается массовый этап репатриации перемещённых граждан из Финляндии, пришедшийся на конец 1944 — начало 1945 г. Именно в этот период была перевезена основная часть гражданского контингента. Последующее выявление и возвращение оставшихся в Финляндии советских граждан носило преимущественно индивидуальный и остаточный характер.

К началу массовой перевозки организационно-правовую основу репатриации составляли постановления ГКО и СНК СССР, а также ведомственные приказы и директивы; в последующие годы этот массив расширился более чем до 60 нормативных актов. К ключевым документам относились постановление СНК СССР от 6 января 1945 г. «Об организации приёма и устройства репатрируемых граждан СССР», акты о порядке приёма

³⁵¹ Нитобург Э. Л. Русские «перемещенные лица» в США: история и судьбы // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 36.

военнопленных и интернированных, а также приказы НКО, НКВД, НКПС и других ведомств. При подготовке нормативной базы учитывались предложения Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации и органов, отвечавших за приём и проверку возвращавшихся граждан³⁵².

Еще до начала перевозки советских граждан Постановление ГКО предусматривало расселение в пяти областях 12 тыс. семей репатрируемых общей численностью 50 тыс. чел. Позднее с разрешения председателя СНК РСФСР А.Н. Косыгина разверстка на расселение по областям была увеличена до 60 тыс. чел. Прием заявлений в Финляндии продолжался и 29 ноября 1944 г., когда было зарегистрировано 15758 семейств общей численностью 51 тыс. чел.³⁵³.

На основе запросов Ф.И. Голикова Государственный комитет обороны 15 ноября 1944 г. принял постановление, согласно которому определялся порядок возвращения советских граждан, оказавшихся на территории Финляндии³⁵⁴. Регламент предусматривал дифференцированный подход к различным категориям репатриантов на этапе их возвращения в СССР. Так, граждане призывного возраста, прошедшие проверку во фронтовых сборно-пересыльных пунктах (далее – СПП) и признанные годными к строевой службе, направлялись в запасные части при фронтах. Те военнообязанные, чья пригодность к военной службе была ограничена, а также лица непризывного возраста и женщины после завершения проверочных процедур отправлялись в Советский Союз организованными группами.

Предполагавшееся расселение репатриантов по областям на конец ноября 1944 г. представлено в таблице 1.

³⁵² Большакова Г.И. Начальный период массовой репатриации гражданского населения и военнопленных из Финляндии (1944-1946 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2018. № 3(89). С. 14-19.

³⁵³ ГАРФ Ф. Р-9526 Оп. 6. Д. 1. Л. 15.

³⁵⁴ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 8. Л. 5–7.

Особая процедура была разработана для несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей. Их размещали в специализированных учреждениях – приемниках-распределителях НКВД, а также в детских яслях и домах, находившихся в ведении Народного комиссариата здравоохранения и Народного комиссариата просвещения.

Лица, в отношении которых у проверяющих органов возникали подозрения, подлежали направлению в специальные лагеря НКВД СССР для дополнительной проверки.

Таблица 1

Предполагаемое расселение граждан СССР по областям на конец ноября 1944 г. (на материалах ГАРФ)³⁵⁵

Область	Количество семей	Количество человек
Калининская область	3000	12500
Ярославская область	5000	21000
Новгородская область	2000	8250
Великолукская область	1000	4150
Псковская область	1000	4100

Отдельный порядок устанавливался для граждан, освобожденных войсками союзников. Они проходили через проверочно-фильтрационные пункты НКВД. НКВД должен был заблаговременно сообщать Управлению уполномоченного СНК СССР по делам репатриации предполагаемое число прибывающих с распределением по регионам, что позволяло подготовить их прием и дальнейшее направление.

Народному комиссариату обороны СССР было поручено организовать прием, материально-санитарное обеспечение, а также, дальнейшее направление репатриантов. При действующих фронтах этим занимались отделы по делам репатриации и фронтовые СПП. При военных округах и в отдельных пунктах (например, в порт Мурманск) - сборно-пересыльные

³⁵⁵ ГАРФ Ф. Р-9526 Оп. 6. Д. 1. Л. 15.

пункты. Отделы при фронтах и СПП в военных округах подчинялись военным советам фронтов и командующим военных округов, а также Уполномоченному СНК СССР по делам репатриации. Репатриантов, прибывающих во фронтовые СПП и ПФП НКВД, проверяли в течение 5-10 суток³⁵⁶.

Возвращение перемещённых лиц в Советский Союз требовало значительных ресурсов и чёткого распределения полномочий между ведомствами. НКО СССР обязали обеспечивать репатрируемых граждан на сборно-пересыльных пунктах и в пути продовольствием по норме № 4 приказа НКО СССР № 312 от 22 сентября 1941 г., установленной для караульных частей и тыловых учреждений, не входивших в состав действующей армии, а особо нуждавшихся — предметами вещевого довольствия. Наркомторг СССР выделял через НКО одежду, обувь и бельё. Санитарную обработку и медико-санитарное обслуживание репатрируемых на сборно-пересыльных пунктах и в пути к специальным запасным частям Главупраформа Красной армии, месту назначения или специальным лагерям НКВД возложили на Главное военно-санитарное управление НКО СССР, а по месту жительства — на Наркомздрав СССР. Расходы, связанные с устройством и оказанием материальной помощи советским гражданам по месту жительства, возлагались на местные бюджеты.

Центральное управление военных сообщений и Народный комиссариат путей сообщения СССР обеспечивали перевозку репатрируемых по заявкам военных советов фронтов: от сборно-пересыльных пунктов к месту назначения, в специальные лагеря НКВД или в специальные запасные части Главного управления формирования и укомплектования Красной армии (Главупраформ КА). Действие постановления ГКО № 6457 от 24 августа 1944 г., разрешавшего создание органов по приему и устройству возвращавшихся граждан при советах народных комиссаров Украинской и Белорусской ССР,

³⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 8. Л. 5–7.

было распространено на РСФСР, Молдавскую, Эстонскую, Карело-Финскую, Латвийскую и Литовскую ССР.

Нормативная подготовка массового перемещения включала также санитарные и фитосанитарные меры. Перевозка людей, имущества и скота рассматривалась советскими органами как источник возможного заноса карантинных вредителей и болезней сельскохозяйственных культур. В документах среди них назывались рак картофеля, калифорнийская щитовка и бактериальный ожог³⁵⁷, а также иные вредители и сорные растения, выявленные на освобождённых территориях³⁵⁸. Поэтому Наркомзем СССР настаивал на проведении комплекса фитосанитарных мероприятий, предусмотренных постановлением СНК СССР от 20 ноября 1934 г. «Об охране территории СССР от заноса и распространения сельскохозяйственных и лесных вредителей»³⁵⁹.

Организацию перевозок советских граждан из Финляндии с 5 декабря 1944 г. по 15 января 1945 г. планировалось проводить, исходя из того, что большинство населения было размещено в губерниях Финляндии по принципу землячества. В связи с этим, перевозку советских граждан следовало производить по одному эшелону каждый день, из расчета 650 чел. в эшелоне (около 30 чел. в вагоне). Главным пунктом передачи людей финской стороной советскому командованию была ст. Вайниккала³⁶⁰. Состав эшелона включал вагоны для багажа, скота, кухни и два санитарных вагона. 20 ноября 1944 г. план работы уполномоченного СНК СССР по делам репатриации был утвержден практически без изменений.

Отделы по делам репатриации были созданы при каждом из фронтов. При них были организованы сборно-пересыльные пункты (СПП) со штатом из

³⁵⁷ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 8. Л. 8.

³⁵⁸ Там же. Л. 9.

³⁵⁹ Там же. Л. 9-10.

³⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 8. Л. 49.

12 военнослужащих. Для охраны выделялся стрелковый взвод. СПП были созданы в Белорусском, Львовском, Одесском военных округах, а также в портах Мурманск и Баку со штатом 24 военнослужащих и 9 вольнонаемных. Формируемые отделы и сборно-пересыльные пункты подчинялись Военным советам фронтов, Военным советам округов и Уполномоченному СНК СССР по делам репатриации.

В соответствии с планом в регионы предполагаемого расселения и на приемно-пересыльный пункт в Выборге направлялись представители уполномоченного. Они подбирали и инструктировали начальников эшелонов и их заместителей по политической части, контролировали учет, медицинские осмотры, санитарную обработку, карантин инфекционных больных, выдачу одежды и обуви, организацию питания и фуражное обеспечение перевозимого скота. Проверялись наличие обменных касс, топлива и продовольственных запасов³⁶¹. В первые месяцы Совнарком СССР получал доклады о ходе подготовки каждые десять дней³⁶².

Порядок расселения репатриантов и их обеспечение необходимыми льготами при расселении по областям было утверждено в Постановлении ГКО № 6973 от 19 ноября 1944 г. «О переселении из Финляндии ранее проживавшего в Ленинградской области населения ингерманландского происхождения». Прибывающих размещали в свободных домах, либо в порядке уплотнения в домах колхозников, содействуя в приобретении и ремонте новых домов и имущества³⁶³.

Для согласования плана с финскими властями, 25 ноября 1944 г. была организована встреча между представителями СКК (генерал-майор В.Д. Стыров, представитель уполномоченного СНК СССР в Финляндии полковник Н.А. Филатов, представитель ГЛАВПУРККА полковник Егоров) и

³⁶¹ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 1. Л. 10–13.

³⁶² Там же. Л. 10–13.

³⁶³ Там же. Л. 9–10

Финляндии (представитель МИДа Сагуа, представитель МВД Виралайнен, представители от Управления железнодорожных перевозок) по вопросу репатриации перемещенных лиц³⁶⁴.

К 1 декабря 1944 г. было зарегистрировано 51 920 человек: 10 722 мужчины, 22885 женщин и 18313 детей. Учитывались также 6 256 тонн имущества, 888 коров, 22 лошади и 262 головы мелкого скота. Для перевозки более 50 тыс. человек с 5 декабря 1944 г. по 15 января 1945 г. предполагалось сформировать 80 эшелонов, отправляя ежедневно по два состава³⁶⁵.

Со слов генерал-майора В.Д. Стырова, перевозка советских граждан должна была начаться 5 декабря 1944 г. и завершиться 15 января 1945 г., основной пункт передачи – станция Вайниккала-Нурми. Передачу перемещенных лиц планировалось организовать так же, как и военнопленных – 2 эшелона в день. Железнодорожные бригады менялись на ст. Нурми или в Выборге. Перевозка была организована из двух губерний одновременно с каждой по эшелону в день. До 28 ноября 1944 г. следовало подготовить сборные пункты в Ваасской, Миккельской и Лапландской губерниях. К 5 декабря 1944 г. - пункты Або-Бьёрнеборгской и Выборгской губерний. Остальные пункты в Финляндии должны быть готовы за 5 дней до приема людей³⁶⁶.

В соответствии с документом, были утверждены областные комиссии, ответственные за организацию процесса размещения репатриантов в регионах³⁶⁷. В трехдневный срок эти комиссии должны были разработать комплекс мер по расселению прибывающих в отдельных районах. Для этого на местах предусматривалось формирование районных комиссий, в состав

³⁶⁴ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 1207. Л. 54.

³⁶⁵ ГАРФ Ф. Р-9526 Оп. 6. Д. 10. Л. 82.

³⁶⁶ ГАРФ Ф. Р-9526 Оп. 6. Д. 1207. Л. 54-56.

³⁶⁷ ГАРФ Ф. Р-9526 Оп. 6. Д. 1. Л. 11.

которых должны были входить первый секретарь райкома ВКП(б), председатель райисполкома и начальник районного отдела НКВД.

Правительством Финляндии был создан 21 сборно-пересыльный пункт. Согласно докладу Председателя СНК РСФСР А. Н. Косыгина и заместителя Председателя СНК СССР В. М. Молотова от 1 декабря 1944 г., к 25 ноября представители Уполномоченного и СКК собрали заявления, составили учётные карточки, именные списки и план железнодорожных перевозок. На сборных пунктах разместили продовольственно-фуражные базы с 14-суточным резервом, предусмотрели медицинский осмотр за 5–7 суток до отправки, выдачу врачебных справок, замену ветхой одежды и обуви, карантин больных и ветеринарный осмотр скота³⁶⁸. Непосредственно отъезжающим выдавали продовольствие на 6 дней, а от пункта передачи Вайниккала — на 8 дней, фураж для скота предоставляли на 14 дней. При посадке на поезд составлялись двуязычные регистрационные списки на русском и финском языках.

СКК договорились с финскими представителями о предоставлении эшелонов прямо до советской станции разгрузки. При этом, как на сборных пунктах, так и промежуточных станциях по ходу движения эшелонов действовал жесткий контроль над переселенцами, как и над военнопленными. За период с 5 по 14 декабря 1944 г. в СССР (главным образом из Лапландской, Миккельской и Вазаской губерний) было направлено 20 эшелонов, всего 13395 чел., из них: мужчин – 2779, женщин – 5968, детей – 4648. Вместе с ними следовало 1750 тонн, 1035 коров, 18 лошадей, 275 голов мелкого скота. В Финляндии, согласно регистрационным спискам, оставались еще 39849 советских граждан³⁶⁹.

³⁶⁸ Там же. Л. 9.

³⁶⁹ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 10. Л. 78.

Согласованная с финской стороной схема перевозок конкретизировала ранее изложенный план: типовой эшелон, рассчитанный не более чем на 750 репатриантов, включал 25 оборудованных нарами «теплушек», вагоны для сопровождающих, два санитарных, два кухонных, 15 багажных вагонов, в том числе для провианта и фуража, два вагона для скота. В жилых вагонах предусматривались дрова, умывальники, посуда и освещение³⁷⁰. Эти положения были закреплены соглашением между СКК и Отделом по делам перемещённого населения МВД Финляндии от 27 ноября 1944 г.³⁷¹.

Областные комиссии обеспечивали сопровождение эшелонов от пограничных приемных пунктов до мест вселения, создавали временные переселенческие пункты при узловых станциях, готовили жилой фонд и составляли порайонные планы размещения. Основная масса ингерманландских репатриантов направлялась в Калининскую, Ярославскую, Новгородскую, Псковскую и Великолукскую области³⁷². К началу декабря 1944 г. в этих регионах были созданы областные и районные комиссии, определены станции выгрузки, районы и колхозы для приема семей.

Важнейшей частью репатриации стало ее обеспечение необходимыми ресурсами. В связи с этим, заместитель уполномоченного СНК СССР по делам репатриации К. Д. Голубев 29 ноября 1944 г. провел совещание с представителями Наркомзема, Наркомторга и Сельхозбанка. Начальник торгового сектора Народного комиссариата внутренней торговли СССР Е.Ф. Смирягин сообщил, что продукты репатриантам будут продаваться по государственной цене (хлеб, например, по 70-75 копеек за килограмм). Ввиду крайне сжатых сроков репатриации и отсутствия у наркомата должной

³⁷⁰ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 1207. Л. 54–56.

³⁷¹ Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX веке...С. 311.

³⁷² ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 1. Л. 10.

инфраструктуры обязанности по контролю над продажами на местах необходимо было закрепить за облисполкомами, что и было сделано³⁷³.

Реализация согласованных требований, по данным советского донесения, включала медицинский осмотр и санитарную обработку репатриантов, размещение их в отапливаемых и освещенных помещениях, выдачу постельных принадлежностей и организацию трехразового горячего питания на сборных пунктах и в пути. К моменту составления отчета финская сторона бесплатно выдала нуждавшимся 1736 пар обуви, 1168 предметов верхней одежды и 1029 предметов белья³⁷⁴. В отличие от параграфа 2.3, где рассмотрены обязательства и согласование условий, здесь приведены сведения об их практическом исполнении.

Одновременно советские органы готовили прием переселенцев в Калининской, Ярославской, Новгородской, Псковской и Великолукской областях. На границе действовал Выборгский приемно-пересыльный пункт, где проводились учет, медицинский осмотр, санитарная обработка и распределение эшелонов по направлениям. Для медицинского обслуживания были подготовлены три госпиталя, а начальники и политработники эшелонов получали инструкции о сопровождении граждан до мест вселения³⁷⁵.

В соответствии с п. 1 Постановления ГКО от 19 ноября 1944 г., репатрианты были освобождены от всех государственных денежных налогов на 1945-1946 гг., страховых платежей, и на 1945 г. от поставок государству сельскохозяйственных продуктов и продуктов животноводства. Согласно постановлению, государство оплачивало проезд, перевозку скота и имущества переселяемых, а также их медицинское обслуживание с пограничных пунктов до места вселения.

³⁷³ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 7. Л. 23

³⁷⁴ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 10. Л. 79.

³⁷⁵ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 7. Л. 24-25.

Материальное обеспечение включало создание продовольственного резерва, выдачу одежды и обуви нуждавшимся, обеспечение скота фуражом и предоставление средств на дорожные расходы. Для хозяйственного устройства переселенцам предусматривались льготные кредиты и помощь местных органов; погашение кредита предполагалось осуществлять из собственных средств семей, включая полученные компенсационные выплаты³⁷⁶.

Распределение по вагонам происходило уже на сборных пунктах. В каждый вагон, включая багажные, после прохождения соответствующего инструктажа назначался старший. В случае отсутствия охраны старший по вагону следил за порядком и чистотой, своевременной подачей пищи и посадкой в вагоны на промежуточных станциях. Ему помогали дневальные, следившие за распорядком дня (см. Приложение 5)³⁷⁷.

Для детей предусматривалось дополнительное питание; в документе упоминалось обеспечение примерно 9 тыс. детей, но возрастные границы этой группы не уточнялись. Наркомат финансов СССР выделял средства на расходы по переселению, а земельные и местные органы должны были подготовить помещения и хозяйственный инвентарь. Эти меры были рассчитаны на организованное перемещение семей, имущества и скота от границы до мест расселения³⁷⁸.

Постановление ГКО от 15 декабря 1944 г. скорректировало порядок направления репатриантов³⁷⁹. Общим правилом стало их возвращение к месту постоянного проживания до угона или ухода в Германию. При этом Москва, Ленинград и Киев исключались из числа разрешённых пунктов назначения. Жители приграничной полосы направлялись к прежнему месту жительства

³⁷⁶ Там же. Л. 26.

³⁷⁷ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 189. Л. 317.

³⁷⁸ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 1. Л. 11–12.

³⁷⁹ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 8. Л. 11.

только после проверки в пограничных проверочно-фильтрационных пунктах. Вследствие этого репатриантов из Финляндии, ранее проживавших в Ленинградской области, расселяли за её пределами.

Во избежание распространения инфекционных заболеваний среди людей и животных, при пересечении границы еще на территории Финляндии для них вводился 12-дневный карантин³⁸⁰. В Выборге эшелон встречала команда из 40 врачей и 50 фельдшеров сануправления Ленинградского фронта. Под контролем одного из докторов проводился общий осмотр переселенцев и санитарная уборка вагонов. До места назначения эшелон сопровождался двумя врачами, которые были обязаны привезти репатриантов к пункту вселения и получить справку о том, что приезжие не имеют заболеваний.

В обязанности старшего по багажному вагону вменялся контроль над приемом финским представителем имущества для погрузки. По прибытию на место разгрузки ему следовало раздать имущество из вагона владельцам согласно описи, полученной от финского представителя (см. Приложение 5)³⁸¹. Старшие по вагону подчинялись старшему по эшелону и его помощнику.

Старший по эшелону следил за своевременным движением по установленному графику и сохранением имущества репатрируемых, принимал меры для оказания медицинской помощи больным, улаживал конфликты между гражданами (см. Приложение 5)³⁸².

С 5 по 14 декабря 1944 г., на начальном этапе массовой отправки репатриантов, в пути и на сборных пунктах были зафиксированы два происшествия. На станции Куриikka во время маневрирования состава стоявший в дверях 13-летний Сула Мустанен выпал из вагона, ударился виском о рельсы и умер. Второй случай произошёл 7 декабря на сборном

³⁸⁰ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 7. Л. 27.

³⁸¹ ГАРФ Ф. Р-9526 Оп. 1. Д. 189. Л. 318.

³⁸² Там же. Л. 316.

пункте в Сейняйоки: задержанный по обвинению в краже часов Картонен по дороге на пункт нанёс сопровождавшему его полицейскому пять ножевых ранений и попытался бежать; полицейский выстрелил и смертельно ранил задержанного.

Согласно распоряжению Транспортного бюро Финляндии, поезда с репатриантами должны были следовать строго по графику, и при опоздании получали преимущество перед грузовыми составами, за исключением ремонтных, курьерских и пассажирских поездов³⁸³. О каждом случае серьёзной задержки Отдел по делам переселенцев МВД Финляндии докладывал СКК. Эшелон НЛ 901 на маршруте Ювяскюля — Вайниккала задержался из-за плохой погоды и остановок, разрешённых начальником эшелона для покупок; НЛ 201 опоздал на четыре часа из-за недостаточной тяги паровоза, а НЛ 301 из Турку — на 30 минут вследствие заминки в пути³⁸⁴. Эти отклонения осложнили предусмотренные в Вайниккала маневровые операции и переформирование поездов; их своевременному проведению препятствовала также занятость станционных путей вагонами, подлежащими передаче Советскому Союзу.

Отдельной задачей стало возвращение детей, оставшихся без попечения родителей. 8 декабря 1944 г. заместитель председателя СКК Г. М. Савоненков сообщил в НКВД СССР о полученном от финского МИД именном списке сирот и детей, принятых на попечение финскими гражданами. В нем значился 331 ребенок: двое в возрасте до одного года, 30 — от одного до пяти лет, 103 — от шести до десяти лет, 158 — от одиннадцати до пятнадцати лет и 38 — от шестнадцати до девятнадцати лет. СКК потребовала их передачи СССР. Перевозку планировалось провести в пассажирских вагонах до 14 января 1945 г.; прием в Выборге и дальнейшее устройство согласовывались с

³⁸³ Там же. Л. 312.

³⁸⁴ Там же. Л. 309-311.

Наркомздравом и Наркомпросом, а распределение по областям — с органами, отвечавшими за расселение³⁸⁵.

Для проведения политико-просветительной работы непосредственно в пути, из резерва ГЛАВПУРККА выделили 25 политработников, назначенных заместителями начальников эшелонов по политической части. В их обязанности входили предупреждение паники и попыток бегства, ежедневное информирование репатриантов по материалам Совинформбюро, разъяснение льгот, предусмотренных постановлением ГКО от 19 ноября 1944 г., проведение бесед о послевоенном восстановлении и задачах Красной армии, а также, организация передвижных библиотек и коллективных чтений³⁸⁶.

Таблица 2

Перевозка детей из Финляндии в места назначения (на материалах ГАРФ)³⁸⁷

Пункты назначения	До 5 лет	От 5 до 15 лет	От 15 до 16 лет
Ярославль		100	
Вологда		111	
Калинин		50	38
Ленинград	32		

После прибытия эшелонов политико-просветительская работа продолжалась на станциях выгрузки и в местах временного размещения. Перед репатриантами выступали местные партийные и советские работники, проводились митинги, показы кинофильмов, радиопередачи и выступления коллективов художественной самодеятельности. Эти мероприятия были направлены на разъяснение порядка расселения и включение прибывших в местную общественную и трудовую жизнь³⁸⁸.

³⁸⁵ ГАРФ Ф. Р-9526 Оп. 6. Д. 63. Л. 18.

³⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 7. Л. 21.

³⁸⁷ ГАРФ Ф. Р-9526 Оп. 6. Д. 63. Л. 34.

³⁸⁸ ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 7. Л. 22.

Итоговые документы содержат несовпадающие показатели: в одном списке значилось 325 детей, тогда как в отчетах о фактическом вывозе упоминалось около 360. Это расхождение свидетельствует о неполноте первоначального учета и включении в перевозку детей, выявленных позднее. Указанные в источниках показатели по Хельсинки, другим губерниям и сборному пункту Ойтти относятся к различным маршрутам и этапам отправки, поэтому не должны механически складываться. Двое детей не достигли одного года и требовали особого медицинского сопровождения; несколько детей оставались с родителями или родственниками, не пожелавшими выехать³⁸⁹.

К 24 декабря 1944 г. в СССР было отправлено 27191 человек, в том числе 5646 мужчин, из которых 4753 были трудоспособными; основную часть контингента составляли женщины и дети. Среди репатриированных насчитывалось 22898 ингерманландцев. Вместе с ними перевозились 35 лошадей, 2137 коров и до 800 голов мелкого скота; для отправки было задействовано 22 эшелона, включавших 1841 вагон, из которых к этому времени 993 были возвращены финской стороне³⁹⁰. Эти сведения характеризуют репатриацию не только как перемещение населения, но и как масштабную перевозку семейного имущества и хозяйства.

Операция потребовала привлечения значительного персонала. В источнике общая численность задействованных указана как 2141 чел., однако сумма перечисленных категорий — 1672 работника сборных пунктов, 339 сотрудников поездов и 230 служащих министерств, губернских управлений, передаточных пунктов и других учреждений — составляет 2241 чел. На крупнейшем сборном пункте в Тампере работали 113 чел.³⁹¹. Указанное расхождение требует учитывать статистику источника с осторожностью.

³⁸⁹ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 189. Л. 331.

³⁹⁰ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 1207. Л. 60.

³⁹¹ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 189. Л. 326.

В период с 5 декабря 1944 г. по 15 января 1945 г. снабжение репатриантов включало выдачу одежды и обуви, а также обеспечение в пути продовольствием из расчёта около 3 тыс. калорий на человека в сутки. Объём израсходованных продуктов и фуража, характеризующий материальное обеспечение массовой перевозки, представлен в таблице 3³⁹².

Таблица 3

Снабжение продовольствием и фуражом возвращенных в СССР советских граждан (на материалах ГАРФ)³⁹³

Продукты	Количество (в килограммах)
Хлеб	207 769
Крупы	28 091
Мясо	22 124
Масло	30 295
Молоко	114 430
Сахар	15 460
Суррогат кофе	10 664
Соль	4 845
Картофель	106 323
Соленая рыба	28 708
Гороховая мука	12 850
Овощная мука	9 636
Сыр	17 850
Всего	719 720
Фуража	630 206

В таблицах 4 и 5 представлен общий результат по репатриации советских граждан и их имущества в период с 5 декабря 1944 г. по 15 января 1945 г

³⁹² Там же. Л. 327.

³⁹³ Там же. Л. 328.

Таблица 4

Статистические сведения о репатриации советских граждан в период с 5 декабря 1944 г. по 15 января 1945 г. (на материалах ГАРФ)³⁹⁴.

	Калининская область	Ярославская область	Псковская область	Велико-Лукская	Новгородская	Ленинградская	Вологодская	ИТОГО
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Кол-во семей	4389	5141	1863	1804	3251	-	-	17248
Всего человек	14104	19270	6369	5602	10571	24	90	56030
Мужчин	2888	3921	1323	1234	2084	-	-	11450
Женщин	6274	8621	2803	2480	4851	-	-	25029
Детей	4942	6728	2243	1088	3636	24	90	19551
Ингерманландцы	12516	16227	5650	3922	8955	24	90	47384
Русские	959	1447	555	651	953	-	-	4540
Украинцы	8	11	-	7	21	-	-	47
Белорусы	10	-	3	1	2	-	-	16
Карелы	108	195	29	170	69	-	-	571
Ижорцы	371	1336	105	719	488	-	-	3019
Вепсы	8	16	-	106	22	-	-	152
Поляки	-	11	6	-	-	-	-	17
Эстонцы	36	50	17	18	51	-	-	172
Латыши	-	4	4	-	-	-	-	8
Татары	83	3	-	4	-	-	-	90
Шведы	1	-	-	-	-	-	-	1
Мордвины	-	-	-	5	-	-	-	5
Немцы	-	-	-	-	5	-	-	5

³⁹⁴ Там же. Л. 332.

Коми	4	-	-	-	-	-	-	4
Норвежцы	-	-	-	1	-	-	-	1

Таблица 5

Статистические сведения о перевозке скота и имущества репатриантов с 5 декабря 1944 г. по 15 января 1945 г.

(на материалах ГАРФ)³⁹⁵

	Калининская область	Ярославская область	Псковская область	Велико-Лукская	Новгородская	Ленинградская	Вологодская	ИТОГО
Коровы	1413	1650	504	372	816	-	-	4755
Лошади	13	10	14	13	16	-	-	66
Мелкий скот	416	489	120	83	204	-	-	1312
ГРУЗ в тоннах	1764	2408	841	635	1428	-	-	7026

³⁹⁵ Там же. Л. 332.

Вопрос приема и размещения репатрируемых граждан СССР обсуждался в ноябре 1944 г. на совещании при заместителе уполномоченного СНК СССР по делам репатриации К.Д. Голубеве совместно с представителями Калининской, Ярославской, Новгородской, Псковской и Великолукской областей³⁹⁶. Предварительно за каждым регионом были закреплены ответственные сотрудники и определено количество приемных пунктов.

В таблице 6 представлено руководство приемом и расселением прибывающих советских граждан из Финляндии.

Количество приемных пунктов в области и их дислокация представлены в таблице 7.

Таблица 6

Руководство приемом и расселением прибывающих советских граждан из Финляндии (на материалах ГАРФ)³⁹⁷

Наименование областей	Представители Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации	Руководство приемом прибывающих граждан в области
Ярославская область	Подполковник Подлесный С.В., майор Пивкин А.В.	Областная комиссия – 8 чел. В районы посланы 22 представителя от области.
Великолукская область	Подполковник Минько А.А. Подполковник Зайченко П.В.	Областная комиссия. В районы посланы 10 представителя от области.
Псковская область	Подполковник Баранов, майор Дереза.	Областная комиссия – председатель Антифеева (первый секретарь обкома) - создан аппарат из 8 чел. В районы посланы 10 представителя от области.
Калининская область	Подполковник Назаров, подполковник Спиридонов	Областная комиссия – председатель секретарь обкома по кадрам тов. Бросова. Рабочий аппарат – 7 чел. В районы посланы 18 представителя от области.

³⁹⁶ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 7. Л. 28.

³⁹⁷ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 116. Л. 1-2.

Новгородская область	Майор Парилов, майор Сигитов	Областная комиссия. В районы посланы 10 представителя от области.
----------------------	------------------------------	---

Таблица 7

Количество приемных пунктов в области и их дислокация (на материалах ГАРФ)³⁹⁸

Наименование областей	Какие пункты и где организованы
Ярославская область	18 районных приемных пунктов (ж/д станции): ст. Бакаланка, Пречистое, Данилов, Лом, Углич, Некоуз, Волга, Рыбинск, Бурмакино, Ростов-Ярославский, Петровск, Арефьевский, Путитино, Тутаев, Гаврило-Ям и др.
Великолукская область	10 районных приемных пунктов (ж/д станции): Торопец, Пела, Андреаполь, Торонец, ст. Торопа, Кунья и др.
Псковская область	9 районных приемных пунктов (ж/д станции): ст. Дедовичи, Остров, Плюсса, Плотовец, Подсевы, Порхов, Струги Красные, Глов, Дно.
Калининская область	17 районных приемных пунктов (ж/д станции): ст. Бежецк, Брусово, В-Волочек, Калязки, Кесова Гора, Кр. Холм, Кимры, Кувшино, Калинин, Максатиха, Торжок, Фирово, Кализин и др.
Новгородская область	Областной приемный пункт – ст. Валдай, 10 районных приемных пунктов (ж/д станции): Валдай, Горушки, Любница, Вычино, Кресцы, Яворец, Чавинка и др.

Представитель уполномоченного СНК СССР подполковник Назаров сообщил, что решением Калининского обкома и исполкома было поручено проведение этих мероприятий секретарю обкома по кадрам Староторжскому и членам тройки. В ноябре 1944 г. был создан аппарат из 6 чел., кроме этого, выделено 14 инструкторов, которые специально работали в районах области для решения проблемных вопросов³⁹⁹.

Для размещения граждан по Калининской области было определено 18 районов, в которых находились приемные пункты. 27 ноября 1944 г. предполагалось принять 10 тыс. чел. К 30 ноября 1944 г. пункты были готовы

³⁹⁸ Там же. Л. 1.

³⁹⁹ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 7. Л. 28.

принять 3,5 тыс. чел. В районах было учтено 1204 свободных дома. Остальных предполагалось разместить за счет уплотнения колхозного населения. Некоторых специалистов направляли на торфразработки, семьи при этом не разбивали.

Приемные станции могли одновременно разместить около 200 человек; на них имелись столовые и бани с пропускной способностью до 76 человек в час. Сообщение о 60-процентной готовности районных пунктов характеризует фактическое состояние на момент промежуточной проверки: плановые мероприятия еще не были завершены, поэтому местным органам предстояло ускорить оборудование помещений и санитарных объектов. Обком партии также выделил бригаду для информационной и организационной работы⁴⁰⁰.

Представитель уполномоченного СНК СССР по делам репатриации в Ярославской области майор Подлесный сообщил, что на заседании комиссии 20 ноября 1944 г. был утвержден план приема и размещения прибывающих граждан в 22 районах. Приемных пунктов – 18, в которых имелись помещения для обогрева, питания и санитарно-ветеринарной обработки в достаточном количестве. В районах были созданы «тройки» и развернута подготовительная работа. На 27 ноября по предварительному опросу районов 50% необходимой жилплощади было подобрано и производились ремонтные работы. В основу размещения был положен принцип доприселения в колхозы⁴⁰¹.

Представитель уполномоченного СНК СССР по делам репатриации в Новгородской области майор Парилов сообщил, что в области было подготовлено жилплощади на 1300 домов для 2,5 тыс. семей к 26 ноября 1944 г. Секретари и председатели районов сообщили, что к 1 декабря 1944 г. жилплощадью будут обеспечены полностью все репатрируемые граждане

⁴⁰⁰ Там же. Л. 28.

⁴⁰¹ Там же. Л. 28-29.

СССР. Прибывающие в районы будут перевозиться из расчета до 25% оседлых жителей⁴⁰².

Представитель уполномоченного СНК СССР по делам репатриации в Псковской области подполковник Баранов сообщил, что приемные пункты в 10 районах будут готовы к 5 декабря 1944 г. Большинство населения планировалось расселить за счет уплотнения в колхозы и совхозы⁴⁰³.

Представитель уполномоченного СНК СССР по делам репатриации в Великолукской области полковник Минько докладывал, что в регионе имелись трудности с транспортом. На станциях разгрузки были развернуты пункты питания, где предполагалось обеспечить репатриантов горячим питанием из двух блюд с хлебом⁴⁰⁴.

5 декабря 1944 г. Ф. И. Голиков доложил В. М. Молотову и А. Н. Косыгину о выполнении постановления ГКО от 19 ноября 1944 г. «О переселении из Финляндии ранее проживавшего в Ленинградской области населения ингерманландского происхождения». В соответствии с предметом постановления приведенные в докладе сведения следует относить прежде всего к ингерманландским переселенцам: в составе 20 эшелонов прибыли 13394 человека, 16 лошадей, 1028 коров, 259 голов мелкого скота и 1680 тонн груза. Использованный документ не выделяет в этой отчетности иные категории советских граждан⁴⁰⁵.

Из них погружено и принято областями 15 эшелонов⁴⁰⁶:

- Псковская область приняла 5 эшелонов (людей – 3627: мужчин – 760, женщин – 1659, детей – 1208; лошадей – 4, коров – 255).
- Новгородская область приняла 4 эшелона (людей – 2772: мужчин – 609, женщин – 1235, детей – 928; лошадей – 5, коров – 195).

⁴⁰² Там же. Л. 29.

⁴⁰³ Там же. Л. 29.

⁴⁰⁴ Там же. Л. 30.

⁴⁰⁵ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 1. Л. 16.

⁴⁰⁶ Там же. Л. 17.

- Ярославская область приняла 6 эшелонов (людей – 3925, мужчин – 818, женщин – 1746, детей – 1367; лошадей – 3, коров – 204). Всего: 16324 чел., 12 лошадей и 756 коров.

Остальные 5 эшелонов находились в пути следования, из которых один оправился в Псковскую область, по два эшелона в Ярославскую и Новгородскую области.

В докладе Ф.И. Голиков упомянул, что, несмотря на снижение количества подачи заявлений о репатриации, на 1 декабря 1944 г. было зарегистрировано 50026 чел., а 15 декабря это число увеличилось до 53234 чел. Такие результаты были достигнуты во многом благодаря агитационной кампании, организованной представителями уполномоченного СНК СССР по делам репатриации. Особое внимание было уделено санитарному и медицинскому контролю для предотвращения инфекции. С этой целью в Выборге был создан медицинский контрольный пункт с 4 госпиталями и санитарным пропуском. В результате тщательного осмотра снято с эшелонов и госпитализировано 8 чел., санитарной обработке подвергнуто 600 переселенцев. С целью недопущения завоза больного скота был организован контрольно-ветеринарный пункт. В результате его деятельности снято с эшелонов и изолировано в Выборге 5 коров и 1 лошадь. Произведен обмен финских марок на сумму 1646240 рублей⁴⁰⁷.

Возвращение дорожных составов в Финляндию проходило опережающими темпами. Например, 14 декабря 1944 г. надлежало отдать два состава, фактически было отдано шесть. Постановление ГКО в части материального обеспечения работ по переселению и самих переселенцев – наркоматами полностью выполнено.

Из докладов представителей уполномоченного СНК СССР по делам репатриации в областях было установлено, что все области к приему

⁴⁰⁷ Там же. Л. 17-18.

репатриантов были подготовлены. Все прибывшие переселенцы расселялись главным образом в сельских местностях, частично в свободных домах, а большинство за счет уплотнения колхозников. Обеспечение репатриантов всем необходимым производилось точно в соответствии с данными на местах указаниями.

Политико-просветительская работа среди переселенцев проводилась со сборочных пунктов в Финляндии и в пути следования до мест их приема и размещения в областях. Ежедневно до репатриантов доводили политинформацию по оперативным сводкам Совинформбюро. В эшелонах выделяли «чтецов» и «беседчиков», распространили 8800 брошюр. В Выборге оборудовали агитпункт, где демонстрировали кинофильмы. Проводили митинги, давали консультации по политическим и правовым вопросам⁴⁰⁸.

Спустя месяц в докладе от 30 декабря 1944 г. Ф.И. Голиков сообщал, что в период с 5 по 28 декабря 1944 г. поступило из Финляндии 48 эшелонов, с которыми прибыло 32766 чел., включая 6626 мужчин. Доставлено 4216 тонн грузов, а также 31 лошадь, 2581 корова и 694 головы мелкого скота⁴⁰⁹. Из них разгружено и принято областями 42 эшелона. Ниже приведены данные по областям: Ярославская область – таблица 8, Новгородская область – таблица 9, Псковская область – таблица 10, Калининская область – таблица 11, Великолукская область – таблица 12⁴¹⁰. Остальные 6 эшелонов на момент доклада находились в пути следования. Из них 4 направлялись в Ярославскую область, 2 – в Калининскую.

Регистрация продолжалась и после начала массовых отправок. Поступление новых заявлений означало, что первоначальные списки и графики не были окончательными. Советским и финским органам

⁴⁰⁸ Там же. Л. 19.

⁴⁰⁹ Там же. Л. 22.

⁴¹⁰ Там же. Л. 22-23.

приходилось уточнять состав последующих эшелонов и перераспределять транспорт.

По оперативной сводке, действовавший в Выборге медицинский контрольный пункт с 5 по 28 декабря 1944 г. снял с поездов и госпитализировал 10 человек, а контрольно-ветеринарный пункт изолировал 12 голов скота. Через обменные кассы прошло 5796627 финских марок. К этой дате советская сторона возвратила Финляндии 32 порожних железнодорожных состава вместо 28, предусмотренных графиком.

Из докладов представителей, работающих в областях, установлено, что прием, расселение и снабжение прибывавших из Финляндии советских граждан проходили нормально, в соответствии с решением правительства. Отмечалось, что местное население встречает прибывающих очень тепло и дружелюбно. Во многих колхозах Ярославской области были организованы общественные обеды, на которых знакомили репатриантов с жизнью колхоза. В Новгородской области к приезду переселенцев предназначенные им квартиры были натоплены и вымыты. Положительно по приему и устройству прибывающих из Финляндии советских граждан выделили Ярославскую и Новгородскую области.

Таблица 8

Разгружено и принято в Ярославскую область – 23 эшелона (на материалах ГАРФ)⁴¹¹

Районы	Число эшелонов	Всего людей	Мужчины	Женщины	Дети	Лошади	Коровы	Мелкий скот
Пречистинский	2	1439	295	634	510	-	112	3
Первомайский	2	1280	295	609	376	-	77	1
Даниловский	2	1199	220	496	484	3	120	6
Любимский	2	1087	246	463	378	1	128	3
Большесельский	2	1342	270	596	475	1	85	30
Кошкинский	2	1418	269	637	512	2	127	16
Углеческий	2	1251	269	584	398	1	151	42
Ростово-Ярославский	1	624	120	304	200	-	45	3
Краснопрофинтерийский	1	471	71	210	190	-	16	9
Арефьенский	1	610	111	284	215	-	65	29
Рыбинский	1	708	149	336	224	-	63	25
Пешехово-Володарский	1	678	138	321	214	-	51	33
Некаувский	2	1194	193	627	374	1	126	19
Борисоглебский	1	762	160	342	260	-	71	39
Некрасовский	1	650	152	274	224	-	63	29
ИТОГО	23	14708	2958	6716	5034	9	1299	287

Таблица 9

Разгружено и принято в Новгородскую область – 9 эшелонов (на материалах ГАРФ)⁴¹²

⁴¹¹ Там же. Л. 22-23.

⁴¹² Там же. Л. 23.

Районы	Число эшелонов	Всего людей	Мужчины	Женщины	Дети	Лошади	Коровы	Мелкий скот
Валдайский	6	4246	858	1898	1495	6	298	16
Крестецкий	1	719	169	312	238	3	47	35
Демянский	1	701	144	299	259	1	59	40
Любытинский	1	902	168	395	369	1	74	83
ИТОГО	9	6569	1334	2904	2331	11	478	174

Таблица 10

Разгружено и принято в Псковскую область – 6 эшелонов (на материалах ГАРФ)⁴¹³

Районы	Число эшелонов	Всего людей	Мужчины	Женщины	Дети	Лошади	Коровы	Мелкий скот
Порховский	2	1670	340	801	529	-	119	19
Дновский	2	1360	281	594	485	3	123	26
Лядский	1	517	106	216	195	-	44	12
Струго-Красненский	1	601	137	258	206	1	14	4
ИТОГО	6	4148	864	1869	1415	4	300	61

Таблица 11

Разгружено и принято в Калининскую область – 3 эшелона (на материалах ГАРФ)⁴¹⁴

Районы	Число эшелонов	Всего людей	Мужчины	Женщины	Дети	Лошади	Коровы	Мелкий скот
--------	----------------	-------------	---------	---------	------	--------	--------	-------------

⁴¹³ Там же. Л. 23.

⁴¹⁴ Там же. Л. 23-24.

Брусовский	1	391	79	166	146	1	51	13
Бежецкий	2	1482	298	712	472	-	81	19
ИТОГО	3	1873	377	878	618	1	132	32

Таблица 12

Разгружено и принято в Великолукскую область – 1 эшелон (на материалах ГАРФ)⁴¹⁵

Районы	Число эшелонов	Всего людей	Мужчины	Женщины	Дети	Лошади	Коровы	Мелкий скот
Торопецкий	1	920	274	385	261	4	42	14
ИТОГО	1	920	274	385	261	4	42	14

⁴¹⁵ Там же. Л. 23-24.

Отдельный отчёт комиссии, работавшей в Выборге 21–31 декабря 1944 г., уточняет масштабы пропускной и санитарной работы на завершающем отрезке месяца. За десять дней через пункт прошло 22 эшелона с 16110 репатриантами, 1303 коровами, 534 головами мелкого скота и 263 вагонами багажа; выполнение составило 125% плана. Санитарной обработке было подвергнуто 1840 человек, в 571 был выявлен педикулёз, 14 были госпитализированы с дизентерией, скарлатиной и другими заболеваниями; 33 было назначено амбулаторное лечение⁴¹⁶. Число 14 не следует непосредственно сопоставлять или суммировать с десятью госпитализированными в оперативной сводке за 5–28 декабря: документы имели разные конечные даты и охват учёта.

Вместе с тем, благополучная картина, представленная в сводных отчётах, не исключала локальных сбоев. 24 декабря 1944 г. на станцию Любница Новгородской области прибыл эшелон № 47042 с 902 пассажирами и 88 головами крупного скота. Станция и Молвотинский район не могли одновременно принять весь контингент, поэтому около 270 человек направили на станцию Быльчино для расселения в Валдайском районе. Остальных пришлось перевозить от Любницы к деревням Молвотинского района на расстояние свыше 100 км в декабрьский мороз; из-за отсутствия автомашин использовали гужевой транспорт. В пути на одну из отставших повозок напал вооружённый грабитель, застреливший гражданку Калайпину; позднее нападавший был задержан⁴¹⁷.

На территории СССР планы разгрузки и расселения могли корректироваться. Эшелон № 47087, предназначавшийся для Удомли и Фирова, полностью направили в Удомлю, а эшелон № 47089 вместо Калинина — в Лихославль. Ещё 22 репатрианта были оставлены в Выборге и позднее

⁴¹⁶ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 116. Л. 4.

⁴¹⁷ Там же. Л. 8.

отправлены отдельным эшелоном в Сандовский и Удомельский районы; основание их задержки в использованном документе не указано⁴¹⁸.

Сводные отчёты характеризовали приём эшелонов как в целом своевременный и организованный: к прибытию поездов обычно готовили транспорт, горячее питание и тёплые помещения, а порожние составы возвращали без длительных задержек. Однако эпизод на станции Любница и изменения пунктов выгрузки показывают, что эта благополучная оценка была обобщающей и не исключала локальных сбоев. Значительная часть трудоспособных репатриантов в короткие сроки приступила к работе в колхозах и на предприятиях. Одновременно многие ингерманландцы добивались возвращения в Ленинградскую область, но получали отказы, поскольку установленный порядок расселения не предусматривал их массового возвращения к довоенным местам проживания⁴¹⁹.

На всех станциях назначения Псковской области по прибытии эшелона были проведены встречи с работниками районных и сельских советов. Они выделили гужевой транспорт для доставки репатриантов к местам проживания и работы. Был произведен учет переселенцев по профессиям, согласно которому нужные специалисты пополняли штат колхозов (см. Таблицу 13).

Таблица 13

Ведомость населения ингерманландского происхождения по специальностям (на материалах ГАРФ)⁴²⁰.

№	Наименование специальности	Порховский район	Дновский район	Плюсский район	Дедовичский район	Печорский район
1	Тракторист	5	5	3	2	3
2	Слесарь	6	10	-	8	3
3	Шофер	5	5	3	2	6
4	Плотник	6	24	2	-	3

⁴¹⁸ Там же. Л. 15.

⁴¹⁹ ГАРФ Ф. А-327. Оп. 2. Д. 721. Л. 4.

⁴²⁰ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 116. Л. 31.

5	Столяр	2	-	4	-	2
6	Печатник	2	-	-	-	-
7	Механик	2	-	-	-	-
8	Портной	2	-	-	-	-
9	Кузнец	3	9	2	-	3
10	Бухгалтер	4	13	-	3	4
11	Фрезеровщик и токарь	-	4	-	1	1
12	Продавец	-	3	-	-	-
13	Медсестра	-	7	-	-	-
14	Учитель	-	4	-	7	3
15	Повар, пекарь	2	6	-	-	2
16	Агроном	-	-	2	-	1
17	Зоотехник	-	-	2	1	-
18	Рыбак	3	-	-	6	-
19	Пчеловод	-	-	-	2	-

В развитие общей характеристики подготовки регионов показателей опыт Ярославской области. 26 ноября 1944 г. руководители обкома партии и облисполкома провели совещание с секретарями райкомов и представителями районных советов; во всех районах были созданы комиссии и организовано взаимодействие с сельскими советами и колхозами. К прибытию эшелонов в области было подготовлено⁴²¹:

1) Квартир для вселения 6488 семей, в т.ч. отдельных домов 2191 для 2656 семей и квартир в домах колхозников для 3832 семей. Из общего количества квартир отремонтировано 4075, остальные ремонта не требовали.

2) Заготовлено и подвезено дров к квартирам 6742 кубических метров.

3) Выделено для продажи особо нуждающимся 1035 пар валенок.

4) На станциях выгрузки и райцентрах подготовлен 71 пункт обогрева, для питания прибывающих выделено 56 столовых с полным оборудованием и обслуживающим персоналом.

⁴²¹ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 116. Л. 35-36.

5) Для проведения разъяснительной и политико-массовой работы среди колхозников и прибывающих выделены и проинструктированы 1244 агитатора. Если и были некоторые сбои в работе при разгрузке, то они в основном относились к работе железнодорожников, которые либо допускали задержку эшелонов, либо не смогли вовремя подать маневренные паровозы при разгрузке, отчего людям приходилось ждать по 6-8 часов, пока не разгрузят следовавший за ними скот⁴²².

Расселение семей по колхозам и внутри колхозов прошло вполне организовано. Большие семьи были размещены в отдельных домах или квартирах, обставленных необходимой мебелью. Семьи с 2-3 членами были расселены в домах колхозников в порядке уплотнения. Во всех районах прибывших обеспечили дровами из расчета 1 кубометр на семью, керосином, мылом, солью и др. Жалоб и недовольств среди репатриантов по жилищным условиям не поступало⁴²³.

Всего на 18 января 1945 г. в область прибыло 29 эшелонов с 19236 репатриантами со следовавшими за ними имуществом, 2269 коровами и лошадьми⁴²⁴. До 60% вновь прибывших были трудоспособными и имели специальности слесарей, токарей, электриков, учителей. Более половины обозначили себя в анкетах как колхозники и рыбаки, что вполне соответствовало той работе, на которую им предстояло выйти.

Несмотря на быстрое трудоустройство, часть переселенцев выражала недовольство направлением в Ярославскую область вместо ожидаемого возвращения в Ленинградскую. «Нам в Финляндии говорили, что мы поедем в родные места, а завезли в Ярославскую область», — отмечалось в обращениях к властям⁴²⁵. Несколько ингерманландских семей предприняли

⁴²² Там же. Л. 37-38.

⁴²³ Там же. Л. 39-40.

⁴²⁴ Там же. Л. 41.

⁴²⁵ Там же. Л. 41-42.

неудачные попытки самостоятельно выехать в Ленинградскую область и Карелию⁴²⁶. Причиной отказов являлся централизованный порядок расселения: основную массу ингерманландцев направляли в заранее определённые внутренние районы, и свободное возвращение к довоенному месту жительства не разрешалось.

Таким образом, массовая репатриация перемещённых советских граждан из Финляндии в период с 5 декабря 1944 г. по 15 января 1945 г. проводилась при централизованном взаимодействии уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, СКК, финских органов и советских областных комиссий. Через сборно-пересыльный пункт в Выборге прошло 56030 человек: 11450 мужчин, 25029 женщин и 19551 ребёнок; 47384 из них составляли ингерманландцы. В целом операция была организована, однако выявленные транспортные, санитарные и расселенческие трудности свидетельствуют о неравномерности её практического осуществления. Обязательное возвращение распространялось прежде всего на детей, оставшихся без попечения родителей; случаи граждан, перебравшихся в Швецию или вступивших в смешанные браки, решались индивидуально и на основании использованных документов не могут быть в целом охарактеризованы как насильственная репатриация.

Проблема расселения ингерманландцев на новых землях продолжала существовать еще долгое время. Подавляющее большинство репатриантов считали свое проживание на новых территориях временным. У многих из них на малой родине сохранились дома и жилые постройки, домашнее хозяйство, а также, близкие родственники и оставленные могилы предков. Местные исполкомы Карело-Финской ССР и Ленинградской области были завалены заявлениями ингерманландцев с просьбой разрешить им вернуться к прежнему месту жительства. Заинтересованные в рабочей силе руководители

⁴²⁶ ГАРФ Ф. А-327. Оп. 1. Д. 26. Л. 30-31.

этих регионов так же не раз обращались в Совнарком с просьбой разрешить репатриантам переехать в эти регионы⁴²⁷.

В большинстве случаев ходатайства о возвращении в Ленинградскую область отклонялись⁴²⁸, а самовольный выезд из районов вселения⁴²⁹ рассматривался как нарушение установленного порядка⁴³⁰. Распоряжение СНК СССР от 19 сентября 1945 г. № 13925рс сохраняло эти ограничения: право возврата предоставлялось прежде всего русским, карелам, эстонцам и представителям других групп, а среди ингерманландцев — семьям военнослужащих, участвовавших в Великой Отечественной войне⁴³¹. Таким образом, репатриация в СССР не означала автоматического восстановления проживания на довоенном месте.

2.4.2 Второй этап репатриации советских граждан в СССР, 1945 – 1953 гг.

После завершения массовых перевозок конца 1944 — начала 1945 г. репатриация советских граждан из Финляндии перешла к остаточному этапу. Его содержанием стали фактическая отправка небольших групп и отдельных лиц, проверка их гражданства, оформление документов и организация маршрута в СССР. Работа по выявлению и информированию оставшихся в Финляндии граждан рассмотрена в параграфе 2.3; в данном разделе основное внимание уделяется динамике выезда и итогам процесса.

В начале апреля 1945 г. в г. Москве на секретном совещании в НКВД Л. П. Берия предупреждал его участников, которым предстояло руководить реализацией репатриационных соглашений, что они будут «иметь дело с

⁴²⁷ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 116. Л. 83.

⁴²⁸ Там же. Л. 84.

⁴²⁹ ГАРФ Ф. А-327. Оп. 2. Д. 611. Л. 139-143.

⁴³⁰ ГАРФ Ф. А-327. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

⁴³¹ ГАРФ Ф. А-327. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

людьми, изменившими Родине, и в этом отношении нет разницы между пленными, вывезенными или уехавшими добровольно». Следовало вернуть их всех, поскольку «каждый из них, оставшись в руках противников СССР, может принести больше вреда, чем тысячи вредителей внутри страны»⁴³².

К лету 1945 г. репатриация советских граждан с территории Финляндии, Греции, Албании и Польши, заканчивалась в Румынии, Италии, Англии, США, Норвегии, Бельгии, Болгарии и Югославии в основном считалась законченной. Поскольку считалось, что большая часть советских граждан и военнопленных из Финляндии была возвращена, многих офицеров, руководивших операцией, распределили на другие направления. В результате, по данным представителя уполномоченного СНК СССР Максимова, для сопровождения эшелонов пришлось привлекать в качестве старших вагонов офицеров из числа военнопленных.

К этому времени сложилась проверенная опытом строгая структура управления процессом репатриации. Управление при Уполномоченном СНК СССР по делам репатриации со штатом 387 офицеров подразделялось на два управления по репатриации при Военных Советах групп войск общей численностью 158 чел., в состав которых входили отделы по делам репатриации северной и южной групп войск по 17 чел. каждый, а также отделы по делам репатриации при Военных Советах армий в составе 10 чел. каждый⁴³³.

На территории Англии, Франции, США, Италии, Балканских стран, Швеции, Финляндии и Египта работали офицерские группы во главе с представителями уполномоченного СНК СССР общей численностью 142 человека. Дополнительно создавались группы в Швейцарии, Дании и на территории Западной Германии в составе 162 офицеров. Всего в Управлении,

⁴³² Нитобург Э. Л. Русские «перемещенные лица» в США: история и судьбы // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 34-50.

⁴³³ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 119. Л. 18.

за границей и в войсках работало 800 штатных офицеров. Кроме того, на территории Франции, Бельгии и Западной Германии в качестве помощников были привлечены 153 специально отобранных офицера из числа репатриированных советских военнослужащих⁴³⁴.

Для приема советских граждан на государственной границе были созданы 35 сборных пунктов и лагерей общей вместимостью до 350 тыс. человек. При советах народных комиссаров союзных республик и областных исполнительных комитетах действовали отделы по репатриации; в РСФСР соответствующие функции выполняли органы хозяйственного устройства. На них возлагались прием, учет, трудовое устройство и материальная помощь возвращавшимся гражданам. В республиках и областях, подвергавшихся оккупации, было организовано 227 приемно-распределительных пунктов⁴³⁵.

По постановлениям СНК СССР от 6 января 1945 г. и ГКО от 16 июня 1945 г. вопросы содержания, снабжения, медико-санитарного обслуживания и перевозки репатриантов к месту жительства были возложены на начальника тыла Красной армии, военные советы групп войск, Центральное управление военных сообщений и НКПС, Главное военно-санитарное управление Красной армии и Наркомздрав. Трудовое устройство относилось к компетенции СНК союзных республик. Постановлением ГКО от 22 мая 1945 г. десятидневная проверка репатриантов в сборно-пересыльных пунктах на территории групп войск, последующая проверка военнослужащих в запасных частях и гражданских лиц по месту жительства возлагались на НКВД, НКГБ и органы «СМЕРШ»⁴³⁶. Приведённые данные не подтверждают представление о направлении всех репатриантов в лагерную систему НКВД: в запасные части фронтов, групп войск и Главупраформа Красной армии направили 1230521 бывшего военнопленного и репатрианта призывного возраста; в специальные

⁴³⁴ Там же. Л. 18.

⁴³⁵ Там же. Л. 19.

⁴³⁶ Там же. Л. 23.

проверочно-фильтрационные лагеря НКВД — 250437 человек; к месту постоянного жительства — 1428427. В марте–июле 1945 г. для демонтажа оборудования германских предприятий в распоряжение наркоматов было выделено 55 тыс. репатриированных граждан⁴³⁷.

Наличие разветвлённой системы органов репатриации не означало безусловного выполнения возложенных на них задач. В 1945 г. рост общего потока возвращавшихся граждан сопровождался перебоями в продовольственном и транспортном обеспечении, недостатками трудового устройства, а также проблемами с размещением детей, потерявших родителей. Контрольные органы фиксировали случаи непредоставления транспорта для перевозки людей и их личных вещей от железнодорожных станций до приёмно-распределительных пунктов и мест жительства, недостаточную помощь инвалидам Отечественной войны, слабую организацию профессионального переобучения и обеспечения протезами. Отмечались также недостатки в проверочной работе НКВД и НКГБ. Таким образом, нормативно установленная система приёма и устройства репатриантов на практике функционировала неравномерно⁴³⁸.

По окончании Великой Отечественной войны, на новом этапе репатриации основной задачей органов власти стало выявление, учет и возвращение на Родину всех советских граждан, в том числе и из «нейтральных» государств. Наряду с этим, необходимо было продолжать выявлять факты злодеяний нацистов, сообщая об этом в государственную комиссию по расследованию преступлений. В СССР продолжали вести твердую линию в отношении союзников, требуя от них точного выполнения заключенных соглашений о задержании и отправки на родину советских людей. Необходимо было решить вопрос и о коллаборационистах,

⁴³⁷ Там же. Л. 24.

⁴³⁸ Там же. Л. 25.

сражавшихся на стороне врага и содержащихся после возвращения в лагерях НКВД.

Начиная со второй половины января 1945 г. репатриация советских граждан из Финляндии осуществлялась небольшими группами. Сокращение числа заявлений на возвращение стало заметно уже в первой половине года. В докладе на имя Ф. И. Голикова о деятельности группы представителя уполномоченного СНК СССР по делам репатриации в Финляндии с 22 января по 1 июля 1945 г. отмечалось, что за этот период непосредственно из Финляндии было отправлено в СССР 503 человека. На 1 июля в стране оставалось 8630 советских граждан. Одновременно эта же репатриационная группа обеспечила транзит через Финляндию 786 человек из Швеции, в том числе 411 бывших военнопленных, ранее находившихся в лагерях на территории Норвегии⁴³⁹.

По официальным данным, полученным от финских властей, в Финляндии на 1 октября 1946 г. проживало 7029 советских граждан, включая 1779 мужчин, которые не хотели возвращаться в СССР⁴⁴⁰. В основном это были ингерманландцы (5819 чел.), а также карелы (600 чел.), эстонцы (240 чел.), украинцы (203), финны (72 чел.), русские (13 чел.)⁴⁴¹.

По данным Консульского отдела Миссии СССР, оставшиеся советские граждане были расселены по всей стране, однако наиболее крупные группы проживали в Турун-Поринской (2101 человек), Тавастгусской (1367), Вазаской (1158) и Нюландской (1094) губерниях; меньшие — в Куопиосской (442), губернии Миккели (385), губернии Кюми (246), Улеоборгской (178) и Лапландской (58) губерниях. Эти данные свидетельствуют о значительной территориальной рассредоточенности советских граждан, прежде всего по

⁴³⁹ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 65. Л. 182.

⁴⁴⁰ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 901. Л. 79.

⁴⁴¹ Там же. Л. 80.

южным и западным районам Финляндии, что затрудняло их учёт, информирование и личные контакты с сотрудниками советской Миссии⁴⁴².

В течение 1947 г. из 7029 советских граждан, остававшихся в Финляндии осенью 1946 г., удалось дополнительно репатриировать около 100 человек. В результате общее количество репатриированных советских граждан из Финляндии в СССР к концу 1947 г. составляло 58412 чел.⁴⁴³. После этого репатриация замедлилась еще сильнее: в 1948–1952 гг. в Советский Союз вернулись ещё 99 человек, в том числе 26 – в 1948 г., 15 – в 1949 г., 5 – в 1950 г., 19 – в 1951 г. и 34 – в 1952 г. Некоторое увеличение числа возвращавшихся в 1951–1952 гг. было связано с активизацией работы советских дипломатических учреждений⁴⁴⁴.

Работа по выявлению и репатриации советских граждан, находившихся на территории иностранных государств, продолжалась до конца 1952 г. На основании постановления Совета министров СССР от 29 декабря 1952 г. Управление уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации подлежало упразднению к 1 марта 1953 г.⁴⁴⁵.

Таким образом, второй этап не являлся продолжением массовой кампании в прежних масштабах. После января 1945 г. репатриация приобрела остаточный и преимущественно индивидуальный характер: советские органы оформляли выезд лиц, не охваченных перевозками конца 1944 — начала 1945 г., проверяли их гражданство и организовывали отправку небольших групп. Результативность зависела уже не столько от наличия эшелонов, сколько от установления местонахождения граждан, оформления документов и их готовности вернуться.

⁴⁴² Там же. Л. 81.

⁴⁴³ Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веке. СПб., 2003. С. 314; Большакова Г. И. Деятельность органов репатриации по возвращению на родину советских граждан и военнопленных из Финляндии в послевоенный период (1944–1953 гг.) // Наука и современность. 2014. № 34. С. 27.

⁴⁴⁴ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 901. Л. 79-81.

⁴⁴⁵ Большакова Г. И. Деятельность органов репатриации... С. 27.

Организационной основой процесса оставалась созданная в 1944–1945 гг. система органов репатриации, опиравшаяся на условия Московского перемирия и последующие советские нормативные акты⁴⁴⁶. Однако территориальная рассредоточенность советских граждан, устаревшие адресные сведения, семейные связи, получение нового гражданства, обустройство хозяйства и страх возможного преследования в СССР существенно ограничивали результативность дипломатической, консульской и агитационной работы.

Упразднение Управления уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации к 1 марта 1953 г. завершило второй этап. Вместе с тем, отдельные передачи бывших военнопленных продолжались по дипломатическим каналам и после этой даты. По данным использованных исследований, последний бывший военнопленный был возвращён в 1955 г.⁴⁴⁷ Совокупно за рассматриваемый период из Финляндии в СССР было доставлено 100651 человек, в том числе 42140 военнопленных и 58511 перемещённых гражданских лиц.

⁴⁴⁶ Большакова Г. И. Начальный период массовой репатриации гражданского населения и военнопленных из Финляндии (1944–1946 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 3 (89). С. 14–19.

⁴⁴⁷ Невалайнен П. Исход: финская эмиграция из России 1917-1939 гг. / авт. пер. с финск. М. Леппя. СПб., 2005. С. 382; Pohjonen J. *Op. cit.* P. 186.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В период с 1939 по 1944 гг. более 100 тыс. советских граждан оказались в финском плену или были насильно вывезены с территории СССР в Финляндию. Судьбы многих из них сложились трагически, несмотря на попытку международного сообщества создать универсальные законы и нормы, определяющие справедливое и гуманное обращение с военнопленными и перемещенными лицами.

Результаты исследования показывают, что военный плен и перемещение определенных групп населения с оккупированных территорий – это сложные социальные явления, на которые большое влияние оказывают морально-правовые нормы, государственные интересы, устоявшиеся в обществе традиции и др. Социально-политические процессы внутри Финляндии, ее отношения с СССР и Германией обусловили неоправданно большое количество жертв среди советских граждан, оказавшихся в финском плену. Немало тому способствовала и финляндская система управления лагерями для военнопленных.

Проведённый анализ свидетельствует, что во время советско-финляндской войны 1939–1940 гг. советские военнослужащие после пленения передавались из ведения Сил обороны тюремным властям Финляндии. Силы обороны отвечали за их охрану и этапирование до ближайшей железнодорожной станции, откуда пленных направляли в лагеря. Серьёзных проблем с содержанием и организацией лагерной системы в период Зимней войны не возникло, что отчасти объяснялось непродолжительностью боевых действий и сравнительно небольшим числом советских военнослужащих, оказавшихся в финском плену, — не более 6 тыс. человек. Из них погибли 135 человек⁴⁴⁸. После возвращения в СССР бывшие военнопленные были

⁴⁴⁸ Nuorteva, J. Op. cit. S. 54–56; Westerlund, L. Sotavankien ja siviili-internoitujen sodanaikainen kuolleisuus Suomessa.... S. 67–79.

направлены на проверку. Большинство из них содержалось в Южском лагере Ивановской области: 5175 красноармейцев и 293 бывших командира. По результатам проверки 414 человек были обвинены в измене Родине либо в сотрудничестве с финской разведкой. По приговорам военных судов часть из них была приговорена к высшей мере наказания; остальных решением Особого совещания НКВД СССР направили для отбывания наказания в исправительно-трудовые лагеря в районах Воркуты и Мурманска на срок от 5 до 8 лет⁴⁴⁹.

Исследование позволило выявить, что в период с 1941 по 1944 гг. система управления лагерями в Финляндии изменилась радикально. За 1941–1944 гг. в финский плен попало более 60 тыс. советских солдат и офицеров. Для содержания и управления таким большим количеством военнопленных финнам требовалось гораздо больше ресурсов, чем в период Зимней войны. Кроме того, пропаганда идеи создания «Великой Финляндии», а также сотрудничество с Германией привели к тому, что Финляндия частично позаимствовала немецкие способы организации и управления лагерями, включая дифференцированное обращение с представителями разных национальностей и использовании их труда.

Положение советских военнопленных и перемещённых лиц в Финляндии в 1941–1944 гг. определялось совокупностью политико-правовых и экономических факторов, проявлявшихся применительно к каждой группе по-разному. Для военнопленных ключевое значение имели режим плена и организация лагерного управления, для перемещённых лиц — их правовой статус, ограничения свободы передвижения и включение в систему распределения трудовых ресурсов.

Представляется возможным выделить следующие политико-правовые факторы, влиявшие на положение военнопленных:

⁴⁴⁹ Куманев Г.А. Указ. соч. С. 331-334.

Во-первых, положение советских военнопленных и перемещенных советских граждан в Финляндии во многом зависело от соблюдения сторонами конфликта международного права. Финляндия была связана Гаагским положением 1907 г., тогда как Женевская конвенция 1929 г. об обращении с военнопленными не являлась взаимно обязательной для сторон. В результате дисциплину и порядок в финских лагерях организовывали согласно законодательству Финляндии, взяв за основу лишь некоторые положения Гаагской конвенции.

В международных конвенциях не были прописаны порядок переселения, а также права пересыльных граждан. Процесс репатриации в действительности представлял собою депортацию гражданского населения, что было типично для германской практики переселения народов в годы Второй мировой войны. Спецификой Финляндии стало то, что она не желала допускать подобных сравнений в международном либеральном сообществе в отношении перевозки советских граждан и жестко цензурировала прессу во избежание подобных сравнений. Каждый переселенный советский гражданин должен был заполнить заявление-анкету, в котором указывал, что соглашается переехать в Финляндию добровольно.

Во-вторых, положение советских военнопленных зависело от сложившейся в Финляндии системы плена. Одним из ее принципов стало дифференцированное обращение с пленными по национальному признаку, формировавшееся под влиянием представлений о «родственных народах», практических потребностей лагерной администрации и сотрудничества с Германией. Этнических финнов и часть представителей других финно-угорских групп могли размещать отдельно, использовать как переводчиков или направлять на работы вне общего лагерного режима; в результате условия их содержания нередко были благоприятнее, чем у основной массы советских военнопленных.

Исследованные источники не позволяют говорить о наличии в Финляндии государственной программы целенаправленного уничтожения советских военнопленных, однако в 1941–1944 гг. в финских лагерях погибло около трети их общего числа. Большинство установленных военных преступлений относится к первым годам войны, когда часть политического и военного руководства Финляндии ещё связывала исход войны с победой Германии над СССР. Наиболее типичными обстоятельствами незаконного применения оружия являлись побег или попытка побега, кража и неподчинение; отдельные расстрелы носили показательный характер и использовались для устрашения других пленных. Уровень смертности определялся качеством управления конкретным лагерем, нормами питания, бытовыми и трудовыми условиями, климатом, исходным состоянием здоровья пленных и доступностью медицинской помощи.

К экономическим факторам, оказывавшим влияние на положение советских военнопленных, можно отнести следующие:

Во-первых, в начале Великой Отечественной войны финны были не готовы к большому количеству военнопленных. Лагерную и административную организацию пленных пришлось наспех расширять в ходе войны. Неразбериха в начале конфликта 1941-1942 гг. говорит о неподготовленности и безразличии к судьбам пленников. Проблемы военнопленных никогда не были в приоритете любой из войн. Высшая власть по делам военнопленных была закреплена за главной ставкой на протяжении 1941-1944 гг., но основная ответственность за организацию содержания военнопленных лежала на Штабе внутренних войск Финляндии. Неоднозначность обязанностей вызывала двусмысленность в отношении безопасности, организации обслуживания и силы наказания военнопленных.

Другим экономическим фактором была острая нехватка трудовых ресурсов. Размещение лагерей для военнопленных и перемещённых лиц определялось хозяйственными потребностями регионов. При этом лагеря для

военнопленных, как правило, располагались вдали от населённых пунктов, чтобы ограничить контакты с местным населением. Пленных использовали преимущественно на лесозаготовительных и дорожных работах, а также на строительстве оборонительных сооружений.

Лагеря для перемещенных лиц находились в зоне муниципалитетов, а сами переселенцы работали на промышленных предприятиях, у частных предпринимателей, фермеров, в государственной сфере обслуживания. Следует отметить, что переселение советских граждан в Финляндию с целью решения вопроса трудовых ресурсов в промышленности и сельском хозяйстве не принесло ожидаемого результата, поскольку до 80% всех переселенцев составляли женщины, старики и дети.

Процесс репатриации советских переселенных граждан из Финляндии проходил в два этапа: первый этап – с октября 1944 по январь 1945 гг., когда была перевезена основная часть граждан; второй этап – с января 1945 по март 1955 гг., связанный с остаточным процессом репатриации советских военнопленных и перемещенных лиц. Всего в исследуемый период в СССР из Финляндии было репатриировано 100651 чел., включая 42140 военнопленных и 58511 переселенных гражданских лиц.

Первый этап включал выполнение сложнейших задач по организации процесса репатриации и перевозки советских граждан из Финляндии в СССР. Основная масса военнопленных и перемещенных лиц (97%) была репатриирована в первые месяцы после окончания войны. Столь быстрые темпы транспортировки неоднократно приводили к проблемам, которые возникали на пунктах сбора в обоих государствах. Ряд поездов задерживался в пути вследствие нехватки составов и железнодорожных путей на станциях погрузки. Этим не преминули воспользоваться беглецы. Побегі военнопленных происходили как с пунктов сбора, так и на пути следования в СССР. Сразу за поступлением сведений о сбежавших от СКК в Финляндию направлялись запросы на розыск беглецов. Большая часть пленных,

совершивших побег, опасалась за свою жизнь из-за преступлений, совершенных во время пребывания в лагерях, таких как сотрудничество с администрацией лагерей и с финской разведкой, антисоветская пропаганда, участие в пытках советских военнослужащих.

Возвращение перемещенных граждан осложнялось прежде всего необходимостью их выявления и идентификации на территории Финляндии. Советские представители сопоставляли финские регистрационные данные с заявлениями граждан, уточняли измененные или записанные по-фински имена и фамилии, проверяли гражданство и семейное положение. Значительная территориальная рассредоточенность — проживание практически во всех губерниях и многих муниципалитетах — затрудняла оповещение и учет. Поэтому после завершения массовых перевозок работа приобрела адресный характер, а часть оставшихся лиц сознательно отказывалась возвращаться в СССР.

Процесс репатриации военнопленных и перемещенных лиц из Финляндии имел свои особенности. Во-первых, вся правовая основа возвращения советских граждан опиралась на двухсторонние мирные соглашения между СССР и Финляндией. Международные договоры практически не соблюдались. При этом Советский Союз как победитель имел стратегическое преимущество, навязывая Финляндии свои условия репатриации. Финские власти брали на себя обязательства в поиске сбежавших пленных, отчитываясь о результатах перед Союзной контрольной комиссией. Между тем, переселенные бывшие советские граждане в Финляндии заполняли анкеты, согласно которым они добровольно соглашались на депортацию. Такой подход позволял многим семьям менять гражданство и паспорта, вступать в брак с финнами. И хотя СССР считал всех граждан насильно уведенными в Финляндию, сам процесс репатриации формально носил характер добровольного возвращения советских граждан на родину.

До начала 1950-х гг. советские дипломатические и репатриационные органы продолжали индивидуальную информационную работу: публиковали объявления, рассылали литературу, проводили встречи и связывались с отдельными семьями. После возвращения основной массы граждан темпы репатриации закономерно снизились, поскольку оставшийся контингент был малочисленным, территориально рассредоточенным и часто не заинтересованным в выезде. К 1953 г. основные задачи централизованной кампании были выполнены, что стало одной из причин упразднения Управления уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации.

Таким образом, положение советских военнопленных и перемещенных лиц в Финляндии определялось сочетанием международно-правовых, военно-политических, административных и экономических факторов. Финский случай отличался от лучше изученной системы германского плена и перемещения «остарбайтеров» сохранением суверенной национальной администрации, особой ролью двусторонних советско-финляндских соглашений и выделением ингерманландского населения как этнически родственного Финляндии. Вместе с тем обе системы использовали регистрацию, трудовое распределение, административный контроль и документы о заявленном согласии на перемещение. Перспективным направлением остается совместная работа исследователей и поисковых организаций по установлению судеб военнопленных, не внесенных в сохранившиеся учетные карточки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Неопубликованные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Фонд Р-9526. Управление уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации 1944-1953 гг. – Оп. 1. Д. 189. Оп. 6. Д. 1, 3, 4, 5, 7, 8, 10, 15, 63, 64, 65, 66, 116, 119, 156, 273, 837, 1207.
2. Фонд А-327. Главное переселенческое управление при Совете Министров РСФСР и его предшественники. – Оп. 1. Д. 16, 26. Оп. 2. Д. 611, 721.

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)

3. Фонд 06. Секретариат В.М. Молотова. – Оп. 3. Д. 325. Оп. 6. Д. 84, 155, 710, 715, 716, 730.

Российский государственный военный архив (РГВА)

4. Фонд 34980. Коллекция документов Советско-Финляндской войны (1939-1940). – Оп. 1. Д. 1.

II. Опубликованные источники

Национальный архив Финляндии

5. KansallisarkistoSuomi, sotavangit ja ihmisluovutukset [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: http://kronos.narc.fi/index_rus.html, vapaa pääsy (30.04.2022). – Otsikko näytöltä.
6. KansallisarkistoSuomi, Suomen Punaisen Ristin Sotavankitoimiston arkisto. B LUETTELOT. Bb Jatkosodan sotavankikortisto. Kuolleet sotavangit, Z - Ö (--). Tiedosto 1-1304. [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen

tekstidata.

–

Käyttötapa:

<https://astia.narc.fi/uusiastia/viewer/?fileId=5976770470&aineistoId=1350568332>

, vapaa pääsy (01.09.2025). – Otsikko näytöltä.

7. KansallisarkistoSuomi, Sotapäiväkirjat-kokoelma. Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat. Karanneiden sotavankien kokoamispaikka, 25.11.1944 - 25.4.1945 (1944-1945). Tiedosto 4. [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. –

Sähköinen

tekstidata.

–

Käyttötapa:

<https://astia.narc.fi/uusiastia/viewer/?fileId=5755595271&aineistoId=237898997>,

vapaa pääsy (01.09.2025). – Otsikko näytöltä.

8. KansallisarkistoSuomi, Sotapäiväkirjat-kokoelma. Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat. Karanneiden sotavankien kokoamispaikka, 26.4.1945 - 13.10.1945 (1945-1945). Tiedosto 4-5. [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. –

Sähköinen

tekstidata.

–

Käyttötapa:

<https://astia.narc.fi/uusiastia/viewer/?fileId=5755547011&aineistoId=2378990975>

, vapaa pääsy (01.09.2025). – Otsikko näytöltä.

9. KansallisarkistoSuomi, Sotapäiväkirjat-kokoelma. Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat. Karanneiden sotavankien kokoamispaikka, 14.10.1945 - 9.7.1946 (1945-1946). Tiedosto 4-5. [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. –

Sähköinen

tekstidata.

–

Käyttötapa:

<https://astia.narc.fi/uusiastia/viewer/?fileId=5755595557&aineistoId=237899262>,

vapaa pääsy (01.09.2025). – Otsikko näytöltä.

10. KansallisarkistoSuomi, Sotapäiväkirjat-kokoelma. Jatkosodan ja Lapin sodan sotapäiväkirjat. Karanneiden sotavankien kokoamispaikka, 10.7.1946 - 31.8.1946 (1946-1946). Tiedosto 3-4. [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. –

Sähköinen

tekstidata.

–

Käyttötapa:

<https://astia.narc.fi/uusiastia/viewer/?fileId=5755583670&aineistoId=237899414>,

vapaa pääsy (01.09.2025). – Otsikko näytöltä.

11. KansallisarkistoSuomi, Päämajan yhteysosaston arkisto. Liitteet ja luettelot. T-19499/26_7 Liittoutuneiden valvontakomissiolle menevät asiakirjat.

Suomen ja venäjän kielellä. Tiedosto 1-64. [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: <https://astia.narc.fi/uusiastia/viewer/?fileId=5400028913&aineistoId=1525992192>, vapaa pääsy (01.09.2025). – Otsikko näytöltä.

12. KansallisarkistoSuomi, Päämajan yhteysosaston arkisto. Liitteet ja luettelot. T-19499/26_5 Asiakirjoja koskien Erillinen pataljoona 6, Heimopataljoona 3. Suomen ja venäjän kielellä. Tiedosto 1-39. [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: <https://astia.narc.fi/uusiastia/viewer/?fileId=5266632937&aineistoId=1525981712>, vapaa pääsy (01.09.2025). – Otsikko näytöltä.

Периодическая печать

13. Звезда [Текст]. – 1945. – №85 (1 мая).
14. Известия [Текст]. – 1945. – № 211 (7 сентября).
15. Правда [Текст]. – 1944. – 11 ноября.
16. Правда [Текст]. – 1945. – 30 апреля.

Воспоминания

17. Денисевич, Н. И. Финский капкан: воспоминания и размышления бывшего малолетнего узника финского концлагеря [Текст] / Н. И. Денисевич. – Минск, 2011. – 264 с.

18. Костин, И. А «Пленённое детство» [Текст] / И. А Костин, К. А Нюппиева. – Петрозаводск: Фолиум, 2005. – 108 с.

19. Судьба: сборник воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей [Текст] / сост. И. А. Костин. – Петрозаводск: Тип. им. П.Ф. Анохина, 1999. – 74 с.

20. Судьбы, опаленные войной: воспоминания жителей карельского поселка Чална [Текст] / сост.: Г. Г. Ханенко, И. А. Нипполайнен. – Петрозаводск: Periodika, 2020. – 136 с.

21. Янтовский, Ш. Лагерь советских военнопленных-евреев в Финляндии (1942-1944 год) [Текст] / Ш. Янтовский. – Иерусалим: Маханаим, Сор. 1995. – 141 с.

Нормативно-правовые акты и сборники документов

22. Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность, 1941-1945 [Текст]: аннотированный каталог. В 2 т. Т. 1. 1941-1943 / отв. ред.: А. К. Сорокин. – Москва: РОССПЭН, 2015. – 1220 с.

23. Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность, 1941-1945 [Текст]: аннотированный каталог. В 2 Т. Т. 2. 1944-1945/ отв. ред.: А. К. Сорокин. – Москва: РОССПЭН, 2015. – 1340 с.

24. Документы внешней политики СССР [Текст]. 1943. Т. XXVI. В 2-х кн. – Кн.1. 2 января – 31 августа 1943 г. – Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2016. – 744 с.

25. Документы внешней политики СССР [Текст]. 1943. Т. XXVI. В 2-х кн. – Кн. 2. 1 сентября – 31 декабря 1943 г. – Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2016. – 676 с.

26. Донесение В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, А.Н. Косыгина, А.А. Жданова, И.В. Сталину Передано по ВЧ 29.VIII. в 10 час. Москва, тов. Сталину. О выселении из пригородов Ленинграда населения немецкой и финской национальностей. 29 августа 1941 г. [Текст] // «Известия ЦК КПСС». – 1990. – № 9. – С. 213.

27. Из районов области сообщают...: Свободные от оккупации районы Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945: Сб. док. [Текст] / Отв. ред. А.Р. Дзенискевич. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2006. – 628 с.

28. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г., подписанная в Гааге [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Электрон. дан. – Режим

доступа : <http://docs.cntd.ru/document/901753259>, доступ свободный (дата обращения : 30.04.2022). – Загл. с экрана.

29. По обе стороны Карельского фронта. 1941-1944: Документы и материалы [Текст] / сост. А. В. Климова, В. Г. Макуров. – Петрозаводск: Карелия, 1995. – 634 с.

30. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий [Текст]. В 2 ч. Ч. 1. / сост. В. С. Кулагина, В. А. Щепанов; под общ. ред. Г. Ф. Весновской. – Курск: ГУИПП «Курск», 1999. – 510 с.

31. Convention relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 27 July 1929 [Электронный ресурс]. – Electronic text data. – Mode of access: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.fe2dc2bd-629d2955-59a70f65-74722d776562/https/ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/INTRO/305?OpenDocument, доступ free access (30.04.2022). – Title from screen.

32. Talvi, jatko- ja Lapin sodan sotavanki-ja siviilileirit 1939-1944. Käsikirja [Teksti] / toimit.: L. Westerlund. – Helsinki: Kansallisarkisto, 2008. – 281 s.

III. Специальная литература

Монографии, сборники, статьи

1. Авдеев, С.С. Немецкие и финские лагеря для советских военнопленных в Финляндии и на временно оккупированной территории Карелии (1941-1944 гг.) [Текст] / С.С. Авдеев // Вторая мировая война и Карелия. 1939-1945 гг.: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию начала Великой Отечественной войны. – Петрозаводск, 2001. – С. 49–57.

2. Александров, К. М. Вызов режиму (К вопросу об антисоветских настроениях в рядах Действующей армии в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг.) [Текст] / К. М. Александров // Посев. – 1993. – № 6.

3. Александров, К. М. Сбои в «системе активной несвободы» [Текст] / К. М. Александров, Д. Д. Фролов // Советско-финляндская война 1939–1940. Т. II. – Санкт-Петербург: ПОЛИГОН, 2003. – С. 310–356.
4. Амелин А. Б. Международно-правовое регулирование военного плена [Текст] : автореф. дис. ... на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук / А. Б. Амелин [Место защиты: Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Кафедра права]. – Москва, 1954. – 16 с.
5. Архангельский, В. А. Бухенвальд: из блокнота журналиста [Текст] / В. А. Архангельский. – Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1970. – 77 с.
6. Большакова, Г. И. Деятельность органов репатриации по возвращению на родину советских граждан и военнопленных из Финляндии в послевоенный период (1944-1953 гг.) [Текст] / Г. И. Большакова // Наука и современность. – 2014. – № 34. – С. 24–29.
7. Большакова, Г.И. Начальный период массовой репатриации гражданского населения и военнопленных из Финляндии (1944-1946 гг.) [Текст] / Г.И. Большакова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 3(89). – С. 14–19.
8. Бродский, Е. А. Во имя победы / Е. А. Бродский. – Москва: Наука, 1970. – 587 с.
9. Бродский, Е. А. Живые борются [Текст] / Е. А. Бродский. – Москва: Воениздат, 1965. – 240 с.
- а. Веригин, С. Г. Финская оккупация Карелии в 1941-1944 годах: дискуссии между российскими и финляндскими историками [Текст] / С. Г. Веригин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2022. – Т. 44. – № 6. – С. 75–82.
10. Веригин, С. Г. Карелия в годы военных испытаний: политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй

мировой войны 1939-1945 гг. [Текст] / С. Г. Веригин. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. – 541 с.: ил.

11. Веригин, С. Г. Особенности проявления коллаборационизма на оккупированной территории Карелии (1941-1944 гг.) [Текст] / С. Г. Веригин / Путь к великой Победе: история и современность : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Майкоп, 16-19 сентября 2020 года. — Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2020. – С.180–184.

12. Веригин, С. Г. Предатели или жертвы войны: коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны 1939-1945 гг. [Текст] / С. Г. Веригин. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. – 242 с.

13. Веригин, С. Г. Экономические аспекты финляндской оккупации Карелии (1941-1944 г.) [Текст] / С.Г. Веригин // Электронный научно образовательный журнал «История». – 2021. – Т. 12. – С. 100–112. Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840016508-7-1/>.

14. Веригин, С. Г. Малоизвестные финские концлагеря на оккупированной территории Карелии [Текст] / С. Г. Веригин, Д. А. Попов, Д. А. Елошин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2023. – Т. 45. – № 2. – С. 8–15.

15. Веригин, С.Г. Деятельность финской контрразведки на оккупированной территории Советской Карелии в 1941-1944 гг. [Текст] / С.Г. Веригин // Исторические чтения на Лубянке. Юбилейные даты отечественных органов госбезопасности в 2023 г., посвященные 100-летию образования ОГПУ и памяти историка спецслужб доктора исторических наук, профессора Владимира Николаевича Хаустова: материалы XXVII международной научной конференции, Москва, 07-08 декабря 2023 года. – Москва: Фронткнига, 2023. – С. 139–146.

16. Веригин, С.Г. Под чужими знаменами: военный коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны (1939-1945) [Текст] / С. Г. Веригин. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. – 123 с.
17. Веригин, С.Г. Сандармох: есть ли в расстрельных могилах советские военнопленные? [Текст] / С. Г. Веригин // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. – 2017. – № 3 (7). – С. 11–21.
18. Веригин, С.Г. Финская оккупация Карелии в 1941–1944 годах: дискуссии между российскими и финляндскими историками [Текст] / С. Г. Веригин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2022. – № 6. – С. 75–82.
19. Веригин, С.Г. Новые документы о финской оккупации Олонецкого района Карелии. 1941-1944. [Текст] / С.Г. Веригин, Д. А. Попов, М. Н. Прохорова // Вестник архивиста. – 2023. – №1. – С. 131–143.
20. Виховайнен, Т. Пропаганда и контроль общественного мнения в Финляндии во время войны 1941-1944 [Текст] / Т. Виховайнен // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVII–XX вв. – Москва: Ин-т российской истории РАН, 2006. – С. 371–377.
21. Данченко, Е.Л. Принудительный труд "восточных рабочих" в аграрном секторе экономики нацистской Германии 1941-1945 гг.: автореферат дис. ...кандидата исторических наук: 07.00.03 [Текст] / Данченко Е.Л. — Ярославль, 2011. — 25 с.
22. Дудина Г. Ситуация в финских лагерях отличалась от немецких [Электронный ресурс] / Г. Дудина, А. Курилова // Коммерсантъ. – 2018. – № 169. – С. 5. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3744434>, свободный (дата обращения: 19.11.2020). – Загл. с экрана.
23. Дудоров, О. Неизвестные страницы Зимней войны [Текст] / О. Дудоров // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 9. – С. 12–23.

24. Елисеева, Н. Германский империализм и легенда о «превентивной» войне гитлеровской Германии против СССР [Текст] / Н. Елисеева, И. Нагаев // Военно-исторический журнал. – 1991. – №3. – С. 4–8.
25. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960. – Москва: Наука, 2003. – 304 с.
26. Зимняя война 1939-1940. Кн. 1. Политическая история / отв. ред.: О. А. Ржешевский, О. Вехвиляйнен. – Москва: Наука, 1998. – 381 с.
27. Зимняя война 1939-1940. Кн. 2. И.В. Сталин и финская кампания (стенограмма совещания при ЦК ВКП (б) / отв. ред.: О. А. Ржешевский, О. Вехвиляйнен. – Москва: Наука, 1999. – 293 с.
28. Иванов, Н. А. Финские лагеря для советских военнопленных на территории Медвежьегорского района Карело-Финской ССР [Текст] / Н. А. Иванов // История органов безопасности: материалы VI междунар. науч. конф. – Петрозаводск, 2016. – С. 65–71.
29. Йокипии, М. Финляндия на пути к войне [Текст] / М. Йокипии. – Петрозаводск: Карелия, 1999. – 376 с.
30. Килин, Ю. М. Крайне правый радикализм в Финляндии в 1920-е–1930-е гг. [Текст] / Ю.М. Килин // Берегиня. 777. Сова. – 2014. – № 4 (23). – С. 380–390.
31. Килин, Ю.М. Карелия в политике Советского государства: 1920-1941 [Текст] / Ю.М. Килин. – Петрозаводск : Изд-во Петрозав. гос. ун-та, 1999. – 275 с.
32. Котляров, И.И. 70 лет Великой Победы: международно-правовая оценка военных действий германских войск в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) [Текст] / И.И. Котляров // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 5. – С. 13–20.
33. Кузьминых, А.Л. Правовое регулирование режима военного плена в СССР в период Второй мировой войны: теория и практика [Текст] / А.Л.

Кузьминых // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2011. – № 3 (15). – С. 82–92.

34. Куманев, Г. А. «Зимняя война»: трагедия финского и советского плена [Текст] / Г.А. Куманев // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVII–XX вв. – Москва: Институт российской истории РАН, 2006. – С. 321–334.

35. Лайне, А. Гражданское население Советской Карелии и финские оккупанты (1941-1944 гг.) [Текст] / А. Лайне // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVII–XX вв. – Москва: Институт российской истории РАН, 2006. – С. 377–387.

36. Логунов, В. В. В подполье Бухенвальда: записки узника фашистского концлагеря [Текст] / В. В. Логунов. – Рязань: Кн. изд-во, 1963. – 247 с.

37. Мельников, Д. Империя смерти Аппарат насилия в нацистской Германии 1933-1945 [Текст] / Д. Мельников, Л. Черная. – Москва: Политиздат, 1989. – 414 с.

38. Мусаев, В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX веке [Текст] / В. И. Мусаев. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2003. – 450 с.

39. Мусаев, В. И. Советско-финляндское перемирие и судьба советских перемещенных лиц (1944-1945 гг.) [Текст] / В. И. Мусаев // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939-1944 гг. – Санкт-Петербург: Из-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. – С. 416–425.

40. Невалайнен, П. Исход: финская эмиграция из России 1917-1939 гг. [Текст] / П. Невалайнен; авт. пер. с финск. М. Леппя. – Санкт-Петербург: Коло, 2005. – 395 с.

41. От войны к миру: СССР и Финляндия 1939-1944 гг. [Текст] / под ред. В. Н. Барышникова [и др.]. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. – 454 с.

42. Пеккаринен, Ю. Пощады не будет: передача военнопленных и беженцев из Финляндии в СССР, 1944 - 1981 [Текст] / Ю. Пеккаринен, Ю. Похьонен; пер. с фин. А.А. Воронковой. – Москва: Рос. полит. энцикл.(РОССПЭН), 2010. – 303 с.
43. Пиэтола, Э. Военнопленные в Финляндии 1941-1944 [Текст] / Э. Пиэтола // Север. – 1990. – № 12. – С. 91–127.
44. Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944-1952: сб. док. В 2 т. – Т. 1. 1944-1946 [Текст] / ред. и сост. О. В. Лавинская, В. В. Захаров. – Москва: Политическая энциклопедия, 2019. – 877 с.
45. Ржешевский, О. А. Война и дипломатия. Документы, комментарии [Текст] / О.А. Ржешевский. – М.: Наука, 1997. – 288 с.
46. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил [Текст] / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. – Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 607 с.
47. Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVII-XX [Текст]: кол. монография / ред.: А.Н. Сахарова [и др.]. – Москва: Институт российской истории РАН, 2006. – 432 с.
48. Сахаров, В. И. В застенках Маутхаузена [Текст] / В. И. Сахаров. – Симферополь: Крым, 1969. – 216 с.
49. Семиряга, М.И. Советско-финляндская война: к 50-летию окончания) [Текст] / М. И. Семиряга. – Москва: Знание, 1990. – 63 с.
50. Сенявская, Е. С. Финны во второй мировой войне. Формирование образа врага [Текст] / Е. С. Сенявская // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939-1944 гг.: сб. ст. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. – С. 173–182.
51. Сеппяля, Х. Финляндия как оккупант в 1941-1944 годах [Текст] / Х. Сеппяля // Север. – 1995. – № 4/5. – С. 96-113; – № 6. – С. 108–128.

52. Терюков, А. И. Советские военнопленные в Финляндии 1941-1944 гг. как объект научного изучения [Текст] / А. И. Терюков // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939-1944 гг.: сб. ст. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. – С. 316–325.

53. Филимонов, А. В. Репатрианты в Псковской области в первые послевоенные годы (1944–1949) [Текст] / А. В. Филимонов // Метаморфозы истории: научный альманах. Вып. 9. – Псков: Псковский гос. ун-т, 2017. – С. 234–257.

54. Флинк, Т. Домой в ссылку: депортация ингерманландских переселенцев из Финляндии в Советский Союз, 1944-1955 гг. [Текст] / Т. Флинк; пер. с фин. Я. Лапатка. – Санкт-Петербург: Гйоль, 2011. – 390 с.

55. Фролов, Д. Д. Протоколы допросов финских и советских военнопленных 1941-1944 гг. [Текст] / Д. Д. Фролов // Россия и Финляндия : проблемы взаимовосприятия XVII–XX вв. – Москва: Ин-т рос. истории РАН, 2006. – С. 394–406.

56. Фролов, Д. Д. Советско-финский плен. 1939-1944. По обе стороны колючей проволоки [Текст] / Д. Д. Фролов. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2009. – 620 с.

57. Хватит искать врагов. Финский историк Антти Куяла о Сандармохе [Электронный ресурс – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.severreal.org/a/30191934.html>, свободный (дата обращения: 19.11.2020). – Загл. с экрана.

58. Хорошев, А. А. Взаимодействие органов НКВД и репатриации в организации возвращения советских граждан из Финляндии в 1944–1955 годах [Текст] / А. А. Хорошев // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25 – № 1. – С. 48–56.

59. Хорошев, А.А. Положение советских перемещенных лиц в Финляндии в период 1941-1944 гг. [Текст] / А. А. Хорошев // Развитие Севера

и Арктики : историческая память и социально-гуманитарные вызовы времени: материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. – Архангельск: САФУ, 2025. – С. 72–76.

60. Хорошев, А.А. Проблема смертности среди советских военнопленных в Финляндии (1939–1944 гг.) [Текст] / А. А. Хорошев // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. – 2023. – Т. 7. – № 4. – С. 1173–1231.

61. Хорошев, А.А. Репатриация советских перемещенных лиц из Финляндии в СССР 1944–1953 годах [Текст] / А. А. Хорошев // *Исторический курьер*. – 2024. – № 6 (38). – С. 275–287.

62. Хорошев, А.А. Сотрудничество Германии и Финляндии по вопросу переселения советского гражданского населения из Ленинградской области (1941–1944 гг.) [Текст] / А. А. Хорошев // *Северо-Запад России в Великой Отечественной войне: материалы научной конференции*. – Вологда: Вологодский государственный университет, 2025. – С. 90–99.

63. Христофоров, В. С. Документы российских архивов о советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии 1941-1944 гг. [Текст] / В. С. Христофоров // *Отечественные архивы*. – 2008. – № 3. – С. 65–71.

64. Collingham, L. *The Taste of War. World War Two and the Battle for Food* [Text] / L. Collingham. – London: Penguin Book, 2011. – 634 p.

65. Danielsbacka, M. Vankien vartijat. Ihmislajin psykologia, neuvostosotavangit ja Suomi 1941-1944 [Teksti] / M. Danielsbacka // *Historiallisia tutkimuksia Helsingin yliopistosta XXXII*. – Helsinki, 2013. – 329 s.

66. Feilchenfeld, E. H. *Prisoners of War* [Text] / E. H. Feilchenfeld, 1948. – 98 p.

67. Hallikainen, J. Toimen menettämisestä raippaa, pilkasta luotiin: neuvostoliittolaisiin sotavankeihin kohdistunut kurinpito ja mielivalta Suomen

sotavankimuodostelmissa jatkosodan aikana [Teksti] / J. Hallikainen. Suomen historian pro gradu -työ, Jyväskylän yliopisto 2000. – 202 s.

68. Hanski, R. Behandling av krigsfångar under vinter- och fortsättningskriget. En folkrättslig studie [Text] / R. Hanski // Åbo Akademi. 1990. – №. 26. – 150 s.

69. Kauppala, P. Sent, Returned, and Repatriated from Finland to the Soviet Union: The Logic, Tragedy and the Humanity of Fate [Text] / P. Kauppala // Prisoners of War deaths and people handed over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives / edited by L. Westerlund. – Helsinki: Kansallisarkisto, 2008. – P. 212–237.

70. Kujala A. The Unlawful Killings of POWs during the Continuation War, 1941–1944 [Text] / A. Kujala. // Prisoners of War Deaths and People Handed Over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives / edited by L. Westerlund. – Helsinki: Kansallisarkisto, 2008. – P. 85–95.

71. Kujala, A. Sandarmokh - facts instead of politicking. review of: ьergei merigin and фrmas Mashin, ьандarmohin arvoitus, vol. i, Hiekkakankaiden salatut vainajat, (S. L.: Johan Bäckman Publications, 2019) [Teksti] // Альманах североевропейских и балтийских исследований. – 2019. – № 4. – S. 286–290.

72. Kujala, A. Vankisurmat. Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa [Teksti] / A. Kujala. – Helsinki: Otava, 2008. – 322 s.

73. Kujansuu, J. Jatkosodan sotavankiorganisaatio. Teoksessa Heikki RoikoJokela Vihollisen armoilla. Neuvostosotavankien kohtaloita Suomessa 1941–1948 [Teksti] / J. Kujansuu // Minerva Kustannus Oy. – Jyväskylä, 2004. – S. 11–26.

74. Kulha, K. Inkeriläisten siirtäminen Suomen II maailmansodan aikana [Teksti] / K. Kulha // Studia Historica Jyväskyläensia. – Pieksämäki: V. Jyväskylän yliopisto. 1967. – S. 224–260.

75. Laine, A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944 [Teksti] / A. Laine. – Helsinki : Otava, 1982. – 490 s.
76. Lindstedt, J. Kuolemaan tuomitut. Kuolemanrangaistukset Suomessa toisen maailmansodan aikana [Teksti] / J. Lindstedt // Suomalaisen lakimiesyhdistyksen julkaisuja. – 1999. – Helsinki. A-sarja. – № 221. – 680 s.
77. MacKenzie, S. P. The Treatment of Prisoners of War in World War II [Text] / S. P. MacKenzie // The Journal of Modern History. – 1994. – S. 487–520.
78. Manninen, O. Molotovin cocktail – Hitlerin sateenvarjo. Toisen maailmansodan historian uudelleenkirjoitusta [Teksti] / O. Manninen. – Helsinki, 1994. – 343 s.
79. Manninen, O. Saksan ystävät ja viholliset Suomessa aseveljeyden päättyessä [Teksti] / O. Manninen // Sotilasaikakauslehti. – 1997. – № 6-7. – S. 65–67.
80. Megargee, G. P. War of Annihilation. Combat and Genocide on the Eastern Front, 1941 [Text] / G. P. Megargee. – Inc: Rowman & Littlefield Publishers, 2006. – 177 p.
81. Merridale, C. Ivan's War. Life and Death in the Red Army, 1939– 1945 [Text] / C. Merridale. – London: Faber and Faber, 2005. – 396 p.
82. Neitzel, S. Sotilaat. Taistelemisesta, tappamisesta ja kuolemista. [Text] / S. Neitzel, H. Welzer. – Bookwell Oy : Juva. 2011. – 416 s.
83. Neitzel, S. Soldaten. Protokolle vom Kämpfen, Töten und Sterben [Text] / S. Neitzel, H. Welzer. – Frankfurt am Main: Fischer Verlag 2011. – 520 s.
84. Neitzel, S., Welzer, H. Soldaten. Protokolle vom Kämpfen, Töten und Sterben [Text] / S. Neitzel, H. Welzer // Frankfurt am Main: Militärgeschichtliche Zeitschrift. – 2011. – №. 2. – P. 483–487.
85. Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. – Helsinki: Otava, 1989. – 445 s.

86. Nuorteva, J. Vangit – vankilat –sota. Suomen vankeinhoitolaitos toisen maailmansodan aikana J. Nuorteva // Suomen vankeinhoidon historiaa, osa 4. Opetusministeriön vankeinhoito-osasto. – Helsinki 1987. – 308 s.

87. Otto, R. Soviet Prisoners of War on the German Lappland Front 1941–1944 [Teksti] / R. Otto // Sotavangit ja internoidut. Kansallisarkiston artikkelikirja / toim L. Westerlund. – Helsinki: Kansallisarkisto 2009. – S. 64–113.

88. Pekkarinen, J. Ei armoa Suomen selkänahasta. Ihmisluovutukset neuvostoliittoon 1944–1981 [Teksti] / J. Pekkarinen, J. Pohjonen. – Helsinki: Otava, 2005. – 352 s.

89. Pirkka, M. Sotavangin elämä ja kuolema. Jatkosodan neuvostovankien suuren kuolleisuuden syyt [Teksti] / M. Pirkka. Suomen ja Skandinavian historian pro gradu -työ, Helsingin yliopisto 2000.

90. Pohjonen, J. Soviet Demands for Repatriations from Finland between 1944 and 1955 [Text] / J. Pohjonen // Prisoners of War deaths and people handed over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives / edited by L. Westerlund. – Helsinki: Kansallisarkisto, 2008. – P. 180–212.

91. Rautavirta, K. Petusta pitsaan. Ruokahuollon järjestelyt kriisiaikojen Suomessa [Teksti] / K. Rautavirta. – Helsinki: Yliopistopaino, 2010. – 205 s.

92. Reese, R. R. Red commanders: a social history of the Soviet Army officer corps, 1918–1991 [Text] / R. R. Reese. – Lawrence: University Press of Kansas, 2005. – 315 p.

93. Reijo, R. Vaiettu vaellus. Inkeriläisten leirit 1942–1944 [Teksti] / R. Reijo. – Turku: Siirtolaisuusinstituutti, 2020. – 206 s.

94. Römer, F. Im alten Deutschland wäre solcher Befehl nicht möglich gewesen. Rezeption, Adaption und Umsetzung des Kriegsgerichtsbarkeitserlasses im Ostheer 1941/42 [Text] / F. Römer // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. – 2008. – № 56. – S. 53–99.

95. Rosén, G. Sata sodan ja rauhan vuotta. Suomen Punainen Risti 1877–1977 [Teksti] / G. Rosén. – Helsinki: Suomen Punainen Risti, 2002. – 537 s.
96. Silvennoinen, O. Finland, the Vernichtungskrieg and the Holocaust. Teoksessa *The Holocaust as active memory. The past in the present*. Toim. – Burlington: Ashgate 2013. – S. 152–164.
97. Suolahti, I. Yhteinen vihollinen, yhteinen etu. Sotavankien luovutukset ja vaihdot Suomen ja Saksan välillä jatkosodan aikana. – Helsinki: Helsingin yliopisto, 2015. – 434 s.
98. Timo, M. Sotavankikysymys Suomessa vuosina 1941–1944 [Teksti] / M. Timo. Poliittisen historian pro gradu -työ, Helsingin yliopisto, 1976. – 84 s.
99. Vuorenmaa, A., Antero, V. Kotijoukkojen toiminta [Teksti] / A. Vuorenmaa, V. Antero. – Porvoo: Talvisodan historia. Osa 4, 1979. – S. 159–190.
100. Westerlund, L. Prisoners of war pow deaths and people handed over to Germany and the soviet union in 1939–55 [Teksti] / L. Westerlund // National Archives of Finland. Painopaikka. – Helsinki : Oy Nord Print Ab, 2008. – 239 p.
101. Westerlund, L. Saksan vankileirit Suomessa ja raja-alueilla 1941–1944 [Teksti] / L. Westerlund. – Helsinki: Tammi, 2008. – 386 s.
102. Westerlund, L. Sotavankien ja siviili-internoitujen sodanaikainen kuolleisuus Suomessa. Muonahuolto, tautisuus ja Punaisen Ristin toimettomuus 1939–44 [Teksti] / L. Westerlund // Historiallisia Tutkimuksia. – 2009. – 447 s.
103. Westerlund, L. The Mortality Rate of Prisoners of War in Finnish Custody between 1939 and 1944. Teoksessa *Prisoners of War deaths and people handed over to Germany and the Soviet Union in 1939–55. A Research Report by the Finnish National Archives* [Teksti] / L. Westerlund. – Helsinki: Kansallisarkisto, 2008. – S. 14–84.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Заявление группы освобожденных комсомольцев (Соколов, Левянен, Логинов, Робачев, Беляев, Финберг) от 15 октября 1944 г.⁴⁵⁰:

«Мы молодые граждане Советского Союза, долгое время томившиеся в фашистских тюрьмах, выражаем глубокую благодарность Советскому Правительству и своему народу в том, что счастливый народ и Правительство нашей Родины не оставило своих людей гнить в финских тюрьмах, а взяло обратно на свою землю. Мы бесконечно благодарим народ и непобедимую Красную Армию и лично общего нашего друга товарища СТАЛИНА в своем освобождении. Живя годами в застенках, мы вынесли все издевательства и пытки, которыми подвергали нас наши враги. Нас били, пытали, томили голодом, но дух советских граждан в нас еще с большей силой окреп и для нас эта борьба стала политической школой, в которой фашизм показал еще раз, что вся правда, за что борется наш народ, на нашей стороне. А они как были варварами в наш век, так и остались зверьми для всего прогрессивного человечества.

Никто из нас не забудет зверских отношений в тюрьме и лагере КИННАССВАРЫ, где не было ни одного дня, чтобы кто-либо не был избит конвойными людьми, у которых уже не было человеческих чувств. До конца своих жизней мы будем помнить фашистских псов: РИХИВАРУ, КОВАЛА, РОРОЯРВИ, бывших в КИННАССВАРА и угробивших много наших хороших товарищей. Не сгладится то весеннее утро, когда они, 6 чел., пьяные, расстреляли партизана ГАГАРИНА. Много характерных примеров можно привести о фашистских варварах, которые унесли тысячи жизней наших людей. Нам эти зверства еще больше возбудили ненависть к фашистским кровопийцам, так как мы по летам были молоды. Эти события в нашей жизни

⁴⁵⁰ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 1. Д. 189. Л. 302.

будут вспоминаться кошмарным сном, который возбуждает в нас гнев и презрение к этому зверью и мщение за зверские их отношения и за кровь погибших друзей.

Мы готовы вновь пойти за Родину на любое дело, куда только пошлет на Правительство и Коммунистическая партия, с её вождем Великим Маршалом – товарищем Сталиным. Да здравствует наша Родина – Советский Союз, освободившая нас от ига фашистских палачей!».

Приложение 2

Письмо военнопленного лейтенанта Бориса Андреева начальнику лагеря⁴⁵¹:

«Господин капитан! Извините, если мой поступок является нетактичным, преступлением... и т.д., но иначе поступить я не могу. В своих заявлениях, просьбах к Вам и к финскому правительству я просил оставить меня в Финляндии; причины моего пожелания и невозможности возвращения в Советский Союз Вам известны. Вы ответили мне не явным отказом, но по крайней мере так, чтобы можно было понять, что Вы это сделать не можете или не хотите, что для меня одно и то же.

Господин капитан! Мне 23 года и умирать мне, по-моему, еще рано. Я решил сам завоевать право на жизнь в демократической Финляндии, и для того бежал из лагеря. Куда, я еще и сам хорошо не знаю, но я твердо решил лучше умереть в болотах и лесах Финляндии, чем ехать на растерзание «свободного и миролюбивого» советского правительства.

Не знаю, чем кончится моя затея, но во всяком случае свое право на жизнь я буду отстаивать до конца и бороться за это право буду также до конца. Извините, если мой поступок доставил и доставит Вам лишние хлопоты. Вы понимаете, конечно, что поступить иначе я не мог и не думаю, чтобы Вы осуждали меня за то, что я сделал. Еще раз извините. В.П. Л-п Борис Андреев. №0 – 6255. 13 октября 1944 г.».

⁴⁵¹ ГАРФ Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 10. Л. 44.

Проект объявления о проведении репатриации советских переселенных граждан из Финляндии в СССР 1944 г.⁴⁵².

ПРОЕКТ ОБЪЯВЛЕНИЯ

В связи с многочисленными запросами, Консульский Отдел СССР в Финляндии доводит до сведения всех советских граждан, оказавшихся в Финляндии в годы Второй мировой войны, что поезда в Ленинград, которыми можно ехать на Родину – отходят из Хельсинки через день по нечетным числам (т.е. 1,3,5 и т.д.) в 23 часа 56 минут.

Все желающие ехать на Родину могут явиться в Консульский Отдел Миссии СССР в Финляндии (Хельсинки, Ита-Кайво-пуйсте 20-А, телеф. 61448, ежедневно с 09:30 до 12 часов дня, кроме воскресенья) для получения проездных документов.

⁴⁵² ГАРФ ФОНД Р-9526 ОПИСЬ 6 ДЕЛО 837 Л. 412.

Объявления о проведении репатриации советских переселенных граждан из Финляндии в СССР, опубликованные в печати и на радио, 1944 - 1945 гг.⁴⁵³.

**К ГРАЖДАНАМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ПРОЖИВАЮЩИМ
В ФИНЛЯНДИИ**

Союзная Контрольная Комиссия доводит до сведения всех советских граждан, проживающих в Финляндии, что производится регистрация граждан Советского Союза, на предмет отправления на Родину – Союз Советских Социалистических Республик.

Регистрация производится во всех губернских центрах и в г. Хельсинки: отель «Тапиола» - ежедневно, с 11 до 18 часов, включая воскресенье.

Время отправки будет объявлено.

Перевозка всех личных вещей и имущества, в независимости от количества, обеспечивается транспортными средствами бесплатно.

**К ГРАЖДАНАМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ПРОЖИВАЮЩИМ
В ФИНЛЯНДИИ**

Союзная Контрольная Комиссия доводит до сведения всех советских граждан, проживающих в Финляндии, что производится прием заявлений о возвращении на Родину – в Союз Советских Социалистических Республик.

Прием письменных и устных заявлений производится по адресу: Гор. Хельсинки, отель ТАПИОЛА, комната №4.

Устные заявления принимаются там же с 13 часов до 16 часов ежедневно, включая воскресенье.

⁴⁵³ ГАРФ Ф. Р-9526 Оп. 1. Д. 189. Л. 283-288

В письменных заявлениях указывать: местожительство в Финляндии, количество членов семьи и приблизительно вес перевозимого имущества.

Время отправки будет объявлено.

Перевозка всех личных вещей и имущества, в независимости от количества, обеспечивается транспортными средствами бесплатно.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО РАДИО

Граждане Советского Союза, проживающие на территории Финляндии. Совет Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик своим решением от 4 ноября 1944 года назначил уполномоченного Совета Народных Комиссаров по делам репатриации советских граждан.

В Финляндию прибыл представитель уполномоченного, который производит регистрацию граждан Советского Союза и организует отправку на Родину.

Граждане Советского Союза, подавайте заявления представителю уполномоченного с указанием места Вашего нахождения в Финляндии и количества членов Вашей семьи.

Отправка в Советский Союз будет производиться организованно со всем вашим имуществом в неограниченном количестве.

Пишите ваши заявления по адресу: гор. Хельсинки, отель «Космополит» комната №30 представителю уполномоченного Совета Народных Комиссаров по делам репатриации.

Заявление можно также подавать устно с 12 до 20 часов, отель «Космополит» комната №30.

ГРАЖДАНЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА,

Война подходит к своему победному концу, Красная Армия добивает фашистского зверя в его собственной берлоге, наши славные воины освободили от фашистского ига Румынию и Болгарию и совместно с

Национально-освободительными Армиями завершают освобождение Югославии и Польши.

Советский народ, вся наша страна делает все возможное чтобы приблизить час окончательной победы над ненавистным немецким фашизмом.

ГРАЖДАНЕ!

Вас ждет Родина, ждут фабрики и заводы, ждут колхозные поля, ждут ваши родные и знакомые.

Вас ждет как своих истинных сыновей дочерей вся наша необъятная Родина в свою дружную советскую семью.

Инструкции об обязанностях уполномоченных лиц в пути следования эшелонов, 1944 - 1945 гг.⁴⁵⁴.

ИНСТРУКЦИЯ

Старшему по эшелону

Старший по эшелону обязан:

1. Принять эшелон с полным оборудованием, а именно: в каждом людском вагоне должно быть – два окна, печь, нары в два яруса, фонари, ведра, стремянки, веник и заготовленные дрова.
2. Принять эшелон в хорошем санитарном состоянии – все вагоны должны быть продезинфицированы, в чистом виде.
3. Выделять старших по людским и багажным вагонам, дневальных по вагонам, в которых находятся ценности – коровы, лошади и мелкий скот. Инструктировать старших и дневальных по вагонам и следить за выполнением их обязанностей.
4. Организовать получение горячей пищи и согласовывать распорядок дня с начальником эшелона, не допуская в пути следования отставания граждан от эшелона.
5. Следить за своевременным движением эшелона по установленному графику и, в случае задержки такового, требовать от начальника эшелона немедленной отправки его.
6. Принимать все меры для оказания медпомощи больным гражданам, следовавшим в эшелоне.
7. Следить за сохранностью багажных вагонов и, срыва пломб, или взлома стен и крыши вагона, обязательно на это составлять акты.

⁴⁵⁴ ГАРФ Ф. Р-9526 Оп. 1. Д. 189. Л. 316-318

8. На пункте передачи доложить помощнику Представителя Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации – о состоянии эшелона и о происходящем на пути следования.

ИНСТРУКЦИЯ

Старшему по вагону.

Старший по вагону назначается из числа советских граждан, возвращающихся на Родину, и подчиняется старшему по эшелону и его помощнику.

Он обязан:

1. Принять вагон, проверить санитарное состояние вагона, наличие нар, освещения, печки дров, ведра и метелки.
2. Иметь список едущих с ним в вагоне советских граждан.
3. Разместить людей в вагоне и следить, чтобы из вагона выходили только с его разрешения.
4. Назначать дневальных по вагону, которые несут ответственность за санитарное состояние вагона, за сохранность инвентаря, находящегося в вагоне, и за личные вещи, находящиеся при пассажирах.
5. Обеспечивать кипятком и получать продукты питания на вагон в пути следования.
6. По требования старшего по эшелону, выделять людей для разгрузки багажа по прибытию к месту назначения.
7. Все конфликты, возникающие в пути, разрешать через старшего по эшелону.

ИНСТРУКЦИЯ

Старшему по багажному вагону.

Старший по багажному вагону подчиняется старшему по эшелону и его помощнику.

Он обязан:

1. Контролировать прием финским представителем имущества для погрузки в вагон от советских граждан, едущих на Родину.
2. Следить за правильностью погрузки вещей, чтобы не допустить поломки и порчи вещей.
3. На приемно-сдаточном пункте принять от Финских представителей опись имущества, находящегося в вагоне.
4. По дороге и на станциях проверять исправность и сохранность пломб. О всех неисправностях докладывать старшему по эшелону.
5. Подобрать 4-5 чел. из советских граждан для помощи в работе по разгрузке и раздаче имущества на станции назначения.
6. По прибытию на место разгрузки, раздать имущество из вагона владельцам, согласно бирок и описи, полученной от Финского представителя.

Список лагерей для советских военнопленных в Финляндии (на материалах Национального архива Финляндии)⁴⁵⁵.

№ лагеря	Период	Место	Начальник	Адъютант	Помощник начальника
Распределительный лагерь № 1	25.06.1941- 25.11.1944	Настола	полковник Бьерклунд К.Б. (25.06.1941-12.09.1941) капитан Туовинен И.В. (12.09.1941-18.05.1942) капитан Лоунасмаа М.О. (18.05.1942-15.07.1942) ротм. Хеллстрэм Б. (15.07.1942-14.08.1942) Майор Терхола П. (14.08.1942-25.11.1944)	прапорщик Ниекка Т.А. (05.09.1942- 10.02.1943) лейтенант Лянсисурья А. (26.10.1942- 15.11.1944)	капитан Яаримо Й. (08.09.1942- 25.11.1944)
Распределительный лагерь № 2	05.07.1941- 28.11.1944	Наараярви	полковник Калм Х. (05.07.1941-04.10.1941) майор Хилесмаа	прапорщик Войкконен К.А.	лейтенант Хеллстрэм

⁴⁵⁵ KansallisarkistoSuomi, Päämajan yhteysosaston arkisto. Liitteet ja luettelot. T-19499/26_7 Liittoutuneiden valvontakomissiolle menevät asiakirjat. Suomen ja venäjän kielellä. Tiedosto 52-62. [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: <https://astia.narc.fi/uusiastia/viewer/?fileId=5400028913&aineistoId=1525992192>, vapaa pääsy (01.09.2025). – Otsikko näytöltä.

			(04.10.1941-03.11.1941) полковник Алли Ауг. (03.11.1941-01.02.1942) капитан Виерто К.К. (01.02.1942-08.05.1942) капитан Нурми А. (08.05.1942-05.06.1943) майор Пекканен Е. (05.06.1943-05.11.1943) подполковник Нюстедт А. (05.11.1943-28.11.1944)	(05.09.1942-10.02.1943) лейтенант Лехто П.А. (22.04.1944-29.07.1944) лейтенант Хювяринен А. (29.07.1944-28.11.1944)	(21.04.1942-05.09.1942) капитан Лехмусваара М. (15.08.1943-15.07.1944) капитан Ойнонен Й. (15.07.1944-28.11.1944)
Лагерь № 1	29.06.1941-25.11.1944	Кэулиэ	лейтенант Салонен Т.А. (29.06.1941-14.07.1942) капитан Мустонен К.Е. (14.07.1942-25.11.1944)	прапорщик Вейкканен К. (16.07.1943-25.11.1944)	прапорщик Салминен М. (26.10.1941-09.05.1942) лейтенант Атрас А. (09.05.1942-10.02.1942) лейтенант Салминен М. (16.07.1943-25.11.1944)
Лагерь № 2	29.06.1941-13.10.1942	Карвиа	лейтенант Пааси А.Х. (29.06.1941-13.10.1942)		лейтенант Катая Л.

					(21.04.1942-18.05.1942)
Лагерь № 3	29.06.1941-19.09.1941 (соединен с лагерем №6)	Хуйттикен	лейтенант Копонен А. (29.06.1941-19.09.1941)	Лейтенант Йокио Й. (01.10.1944-25.11.1944)	прапорщик Тикканен С. (21.04.1942-05.09.1942) прапорщик Аланке А. (13.06.1943-25.11.1944)
	03.11.1941-18.06.1944	Сюспохья			
	18.06.1944-25.11.1944	Вааса			
Лагерь № 4	29.06.1941-24.02.1942	Пелсо	Раутавуори У.Е. (29.06.1941-24.02.1942)		
Лагерь № 5	18.06.1941-06.07.1941	Ориматтила	лейтенант Шэберг Г.В. (18.06.1941-06.07.1941)		
	03.11.1941-08.02.1942	Сотъярви	прапорщик Катая Л. (03.11.1941-08.02.1942)		
	08.02.1942-24.02.1942	Йессоила	капитан Сундман (08.02.1942-25.11.1944)		
	01.03.1944-18.06.1944	Петрозаводск			
	18.06.1944-25.11.1944	Китее			

Лагерь № 6	18.06.1941-18.08.1941	Туусула	прапорщик Свенссон К.Е. (18.06.1941-18.08.1941)	лейтенант Хювяринен А.Т. (14.02.1942-09.07.1944)	майор Рамзай Г. (21.04.1942-18.05.1942) майор Шэнберг Е.Г. (18.05.1942-08.1942) капитан Сааристо Й. (20.06.1942-09.07.1944)
	12.09.1941-09.07.1944	Виипури	полковник Бьерклунд К.Б. (12.09.1941-21.04.1942) майор Пеккала Н. (21.04.1942-14.08.1942) майор Штэнберг Е.Г. (14.08.1942-05.09.1942) майор Инкюля Т. (05.09.1942-13.09.1942) майор Юлин-Корпи Х. (13.09.1942-09.07.1944)		
Лагерь № 7	18.06.1941-26.08.1941	Карккила	прапорщик Койло Т.О. (18.06.1941-14.01.1942) воен. чин. Мармо К. (14.01.1942-17.01.1943) майор Инкиля Т. (17.01.1943-23.11.1944)	прапорщик Мякеля Т.Е. (18.01.1942-23.11.1944)	капитан Сорри К.Т. (28.02.1943-14.07.1944) майор Сааристо Й. (14.07.1944-23.11.1944)
	26.08.1941-23.11.1944	Лохья			
	05.09.1942-10.02.1943	Мустио			
	10.02.1943-23.11.1944	Ханко			
Лагерь № 8	06.07.1941-10.02.1943	Колосьоки	лейтенант Кари А. (06.07.1941-10.09.1941)		
	10.02.1943-18.06.1944	Ивало	прапорщик Петерсон Е.Т.		

	18.06.1944- 25.11.1944	Кэулиэ	(10.09.1941-15.08.1942) лейтенант Халттунен У.А. (15.08.1942-11.11.1942) лейтенант Таммивуори Е. (11.11.1942-26.01.1944) лейтенант Холм К. (26.01.1944-25.11.1944)		
Лагерь № 9	10.07.1941- 18.06.1944	Айосаари	капитан Ханнула У. (10.07.1941-13.01.1942) капитан Пурхонен О. (13.01.1942-28.07.1944) майор Левянен В. (28.07.1944-07.10.1944) лейтенант Лильероот Г. (07.10.1944-25.11.1944)	прапорщик Мартин М. (15.02.1943- 25.11.1944)	лейтенант Сорйонен Т. (21.04.1942- 31.10.1942) лейтенант Лильероот Г. (31.10.1942- 25.11.1944)
	18.06.1944- 25.11.1944	Ханко			
Лагерь № 10	02.07.1941	Вяртисиля	капитан Лунки К.О. (02.07.1941-18.05.1942) капитан Рявясмяки Л. (18.05.1942-29.09.1942) майор Моландер Л. (29.09.1942-02.03.1943)		
Лагерь № 11	12.08.1941- 17.01.1942	Валкеакоски	прапорщик Свенссон К.Е. (12.08.1941-17.01.1942)		

Лагерь № 12	30.08.1941- 02.12.1942	Куркийоки	лейтенант Савоваара П. (30.08.1941-20.03.1942) лейтенант Хюттинен В. (20.03.1942-22.08.1942) майор Пухакка Е. (22.08.1942-02.12.1942)	прапорщик Коскела Е. 05.09.1942- 11.1942	
Лагерь № 13	16.08.1941- 03.02.1942	Юликууну	лейтенант Хеллстрем Б.Х. (16.08.1941-03.02.1942)		
Лагерь № 14	29.06.1941- 20.08.1941	Терваненва	лейтенант Саари П. (29.06.1941-18.12.1942) майор Пухакка Е. (18.12.1942-25.11.1944)	лейтенант Рейнке К.В. (07.08.1942- 25.11.1944)	прапорщик Линделл Й. (21.04.1942- 05.09.1942) прапорщик Рейнке Х.К. (05.09.1942- 16.02.1944) капитан Куяла К. (16.02.1944- 20.11.1944)
	20.08.1941- 10.02.1943	Сортавала			
	10.02.1943- 25.11.1944	Хелюля			
Лагерь № 15	18.06.1941- 18.08.1941	Кихниэкьоки	лейтенант Пюнттяри (18.06.1941-18.08.1941)		
	13.09.1941- 05.09.1942	Суомуссалми	лейтенант Хянинен (13.09.1941-05.01.1942)		

Лагерь № 16	05.09.1941-13.10.1942	Импилахти	лейтенант Пюнттяри Х. (05.09.1941-18.05.1942)	прапорщик Кому О. (07.11.1942-05.11.1942)	лейтенант Виханто Я. (21.04.1942-15.04.1943) капитан Каски В.В. (15.04.1943-25.11.1944)
	13.10.1942-05.06.1943	Сюскюярви	лейтенант Пентти С.Й. (18.05.1942-12.08.1942)		
	05.06.1943-18.06.1944	Маткаселькя	майор Туоминен И.В. (12.08.1942-25.11.1944)		
	18.06.1944-25.11.1944	Илмайоки			
Лагерь № 17	18.06.1941-18.08.1941	Рауталампи	капитан Лунки (18.06.1941-18.08.1941)		
	13.09.1941-03.11.1941		лейтенант Виркки А. (13.09.1941-03.11.1941)		
	03.11.1941-24.02.1942	Олонец	лейтенант Хонкала К. (03.11.1941-08.02.1942) лейтенант Ала-Пиесса А., лейтенант Сойнинен (08.02.1942-24.02.1942)		
Лагерь № 18	18.06.1941-27.01.1942	Кялвиа	воен. чин. Миекко Й.Е. (18.06.1941-27.01.1942)		
Лагерь № 19	18.06.1941-18.08.1941	Кирувеси	Неллстрем В.Х. (18.06.1941-18.08.1941)	прапорщик Хисса В.Е. (05.09.1942-02.05.1943) лейтенант Талвинко К.	лейтенант Пиетиля К.О. (07.12.1942-05.11.1944)
	05.09.1941-05.11.1944	Оулу	прапорщик Стенхоли Е. (05.09.1941-13.09.1941) майор Хюппеля К.И.		

			(13.09.1941-14.01.1942) прапорщик Койло Т.О. (14.01.1942-21.06.1942) майор Лоухимаа Х.К. (21.06.1942-05.11.1944)	(02.05.1943-05.11.1944)	
Лагерь № 20	18.06.1941-13.09.1941	Реллетинсуо	лейтенант Копонен Ю.А. (18.06.1941-10.01.1942)		
	13.09.1941-10.01.1942	Ряйсяля			
Лагерь № 21	18.06.1941-18.08.1941	Лиминка	лейтенант Саловара П. (18.06.1941-18.08.1941)	лейтенант Елимяки Л. (21.04.1942-05.09.1942)	
	13.09.1941-15.08.1943	Ахолахти	капитан Тахвананйнен Ю.А. (13.09.1941-08.02.1942) лейтенант Пухакка Е.О. (08.02.1942-21.04.1942) капитан Сомппи О.Й. (21.04.1942-02.11.1942) капитан Лехмусваара М.В. (02.11.1942-15.08.1943)		
Лагерь № 22	18.06.1941-02.02.1942	Мянтюлуото	лейтенант Шэберг Г.В. (18.06.1941-09.01.1942)		

			прапорщик Эмякоски Й.О. (09.01.1942-02.02.1942)		
Лагерь № 23	09.01.1942- 02.12.1942	Оривеси	лейтенант Вилкман А. (09.01.1942-08.02.1942) прапорщик Пяаккэнен П.Й. (08.02.1942-18.05.1942) лейтенант Эмякоски Й.О. (18.05.1942-02.12.1942)	лейтенант Ковала В. (05.09.1942- 02.12.1942)	прапорщик Маннилин К. (21.04.1942- 05.09.1942)
Лагерь № 24	05.09.1942- 10.02.1943	Риитасенсуо	капитан Куяла К. (05.09.1942-02.08.1943)	лейтенант Коскинен А. Й. (05.09.1942- 13.10.1942) лейтенант Кемяляйнен О. (14.08.1943- 25.11.1944)	лейтенант Сэдерхолм В. (28.02.1944- 21.07.1944) капитан Нурми К. (21.07.1944- 25.11.1944)
	10.02.1943- 25.11.1944	Вааса	капитан Нурми К. (02.08.1943-21.07.1944) майор Йюллин-Корпи Х. (21.07.1944-25.11.1944)		
Лагерь № 31	01.05.1943- 18.07.1944	Кархумяки	капитан Сампола Р. (01.05.1943-18.07.1944)		
Лагерь № 32	15.05.1943- 25.11.1944	Хюрюнсалми	капитан Яантунен А.А. (15.05.1943-25.11.1944)	лейтенант Яаскеляйнен У. (24.03.1944- 25.11.1944)	лейтенант Тэрнквист С. (08.10.1943- 25.11.1944)

Лагерь № 33	01.09.1943- 23.06.1944	Перкъярви	майор Каарна К. (01.09.1943-23.06.1944)		
Лагерь № 34	23.03.1944- 08.08.1944	Кивиниеми	лейтенант Аутилла М. (23.03.1944-08.08.1944)		
Лагерь № 51	28.07.1942- 25.07.1944	Латва	капитан Каутто (28.07.1942-25.07.1944)		
28-й госпиталь военнопленных	18.06.1941- 25.11.1944	Коккола	майор мед. службы Педер Х.В. (12.06.1941-25.11.1944)	комендант лейтенант Карпелан Л.Е. (09.01.1942- 17.12.1942) лейтенант Тервасканто Л. (17.12.1942- 25.11.1944)	
58-й госпиталь военнопленных	18.08.1941- 10.08.1942	Каннуо	майор мед. службы Кокканен О. (18.08.1941-10.08.1942)	комендант лейтенант Порвали Е.Й. (09.01.1942- 08.02.1942) лейтенант Лави И. (08.02.1942- 10.08.1942)	
63-й госпиталь военнопленных	05.09.1941- 20.08.1942	Утти	подполковник мед. службы Платан Е.А. (05.09.1941-21.04.1942)	комендант капитан Таркка П.Е.	

			капитан мед. службы Хирвонен М. (21.04.1942-20.08.1942)	(17.11.1941- 11.08.1942)	
64-й госпиталь военнопленных	02.09.1941- 29.01.1944	Виипури	майор мед. службы Линийос К. (02.09.1941-29.01.1944)	комендант лейтенант Острэм Е.Й. (02.09.1941- 05.09.1942) лейтенант Арохонка Е.Й. (05.09.1941- 29.05.1943) лейтенант Лехто П. (29.05.1943- 20.01.1944)	
65-й госпиталь военнопленных	13.09.1941- 18.06.1944	Лаппеэнтрант а	майор мед. службы Росениус Б.К. (18.09.1941-25.11.1944)	комендант лейтенант Даниэлс Й. (09.01.1942- 08.02.1942) лейтенант Тапола Е.Е. (08.02.1942- 16.11.1942) прапорщик Нюстрем Н.	
	18.06.1944- 25.11.1944	Раудаскюля			

				(16.11.1942-25.11.1944)	
69-й госпиталь военнопленных	25.06.1942- 23.02.1944	Хелюля	капитан мед. службы Савонхеймо Р. (25.06.1942-23.02.1944)	<u>комендант</u> капитан Саарниала Н. (25.06.1942- 13.10.1942) лейтенант Сарха Б.Е. (13.10.1942- 05.06.1943) лейтенант Таммио О. (05.06.1943- 23.02.1944)	
Концентрационный лагерь	13.09.1941- 18.06.1944	Миехиккяля	лейтенант Кари А. (13.09.1941-21.04.1942)	лейтенант Салминен Л.И.Б. (27.03.1942- 25.11.1944)	
	18.06.1944- 25.11.1944	Перниэ	лейтенант Сойино К. (21.04.1942-18.05.1942) лейтенант Лаурима В. (18.05.1942-13.10.1942) капитан Хаая В. (13.10.1942-25.11.1944)		

Сводная статистика по укрупнённым отраслям экономики (на материалах Национального архива Финляндии)⁴⁵⁶.

№	Укрупнённая отрасль	Записей	Доля, %
1	Сельское хозяйство, животноводство и рыболовство	7 780	42,90
2	Общие, неквалифицированные и неустановленные занятия	2 406	13,27
3	Металлургия и металлообработка	1 498	8,26
4	Строительство и производство строительных материалов	1 030	5,68
5	Транспорт, логистика и складское хозяйство	912	5,03
6	Лесное хозяйство и деревообработка	765	4,22
7	Лёгкая промышленность и ремесленное производство	730	4,02
8	Пищевая промышленность и общественное питание	655	3,61
9	Торговля, финансы и управление	644	3,55
10	Машиностроение, приборостроение и ремонт техники	473	2,61
11	Образование, культура, наука и информация	317	1,75
12	Прочая промышленность и производственные работы	282	1,55
13	Связь, энергетика и коммунальное хозяйство	268	1,48
14	Горнодобывающая, нефтегазовая и топливная промышленность	111	0,61
15	Инженерно-техническая деятельность, проектирование и геодезия	97	0,53
16	Химическая, резиновая, стекольная и керамическая промышленность	67	0,37
17	Здравоохранение и социальное обеспечение	46	0,25
18	Полиграфия и издательское дело	33	0,18
19	Военная служба, безопасность и охрана	15	0,08

⁴⁵⁶ KansallisarkistoSuomi, sotavangit ja ihmisluovutukset [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: http://kronos.narc.fi/index_rus.html, vapaa pääsy (30.04.2022). – Otsikko näytöltä.

№	Укрупнённая отрасль	Записей	Доля, %
20	Сфера услуг и бытовое обслуживание	8	0,04

Приложение 8

Список жителей Архангельской области, погибших в финском плену в период советско-финляндской войны 1939 – 1940 гг. (на материалах Национального архива Финляндии)⁴⁵⁷.

ФИО	Год рождения	Дата смерти	Место захоронения	Причина смерти
Енальши Павел Петрович	1915	30.12.1939	Сюрьяваара, Рохуанваара, братская могила	Рана бедра
Долгоборов Василий Иванович	1903	18.01.1940	Сюрьяваара	Сердечная недостаточность
Глашавцев Михаил Васильевич	1904	03.01.1940	Сюрьяваара	Пневмония

Список жителей Архангельской области, погибших в финском плену в 1941 – 1944 гг. (на материалах Национального архива Финляндии)⁴⁵⁸.

ФИО	Место жительства до вступления в РККА	Место захоронения	Причина смерти
Некрасов Иван Дмитриевич	Ровдинский район, Благовещенский сельсовет, д.Тимоневская	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере Тиенхаара (окраина Селезнево)	энтерит
Некрасов Иван Леонтьевич	Таминский сельсовет	Финляндия, захоронение при лагере	бронхит и огнестрельное ранение

⁴⁵⁷ KansallisarkistoSuomi, sotavangit ja ihmisloukutukset [Elektroninen resurssi] // Kansallisarkisto. – Sähköinen tekstidata. – Käyttötapa: http://kronos.narc.fi/index_rus.html, vapaa pääsy (30.04.2022). – Otsikko näytöltä.

⁴⁵⁸ Ibid.

		военнопленных Лаппеэнранта	
Нелюбов Григорий Никитич	неизвестно	Российская Федерация, Олонецкий район республики Карелия, Вителе, Суримяки	уремия
Немытов Егор Алексеевич	неизвестно	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере военнопленных Тиенхаара (окраина Селезнево)	голодание, энтерит и водянка
Непеин Василий Михайлович	д. Дресвянка	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Настола	энтерит и недоедание
Непопилуев Степан Сергеевич	Вельский район, п. Савинск	Финляндия, Лапландия, Кеми, Адjos, захоронение военнопленных	заболевание миокарда
Малугин Александр Иванович	д. Мецнево	Финляндия, Лапландия, Кеми, Айосаари, захоронение военнопленных	диарея
Михеевский Арсентий Владимирович	неизвестно	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение в лагере военнопленных близ о. Пионерское (Куолемаярви)	острый энтерит

Михренгин Александр Федорович	неизвестно	Финляндия, в братской могиле близ г. Коккола	энтерит
Невенкин Григорий Никитич	Приозерный район, Ошевенский сельсовет	Российская Федерация, Выборгский район, Раутакорпи, захоронение военнопленных	голодание
Малышев Виталий Иванович	Плесецкий район, Дениславский сельсовет, д. Остров	Российская Федерация, Выборгский район, Уусикиркко, Макула, захоронение военнопленных	голодание
Петров Валентин Александрович	г. Архангельск	Финляндия, захоронение военнопленных близ Каннус	острое заболевание почек
Нифакин Михаил Иванович	неизвестно	Российская Федерация, Олонецкий район республики Карелия, захоронение при 17-м лагере военнопленных	катаральная пневмония
Петшихин Федор Владимирович	Приозерный район, д. Глазова	Российская Федерация, Мурманская область, Куолоярви, захоронение военнопленных	огнестрельное ранение
Пихтин Михаил Александрович	д. Кузнецова	Российская Федерация, Выборгский район, Раутакорпи,	острый энтерит

		захоронение военнопленных	
Мамонтов Алексей Иванович	д. Шихановская	Финляндия, провинция Кюми, захоронение при военном госпитале близ Утти	пневмония и сердечная недостаточность
Пименов Александр Григорьевич	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Суомуссалми	общая слабость
Никитинский Петр Федорович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	диарея
Николаенко Степан Григорьевич	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	нефрит
Мартынов Александр Петрович	Лешуконский район, д. Малая Нисогора	Российская Федерация, респ. Карелия, захоронение при лагере военнопленных близ Томица	голодание
Минюшин Павел Семенович	Велико- Устюгский район, д. Тучегорье	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Настола	недоедание и острый энтерит
Минкин Алексей Андреевич	неизвестно	Российская Федерация, респ. Карелия, захоронение при лагере военнопленных близ Томица	голод и воспаление кишечника

Миронов Николай Гаврилович	Вельский район, д. Мелединская	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Вяртсиля	энтерит
Маслов Алексей Афанасьевич	неизвестно	Финляндия, Лапландия, Кеми, Аджос, захоронение военнопленных	диарея
Матвеев Иван Степанович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Соппикюля	энтерит
Мяндин Григорий Николаевич	неизвестно	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере Тиенхаара (окраина Селезнево)	голодание и обморожение
Носиков Александр Прокопьевич	Котласский район	Российская Федерация, Олонецкий район республики Карелия, захоронение при 17-м лагере военнопленных	ревматизм и голодание
Носков Павел Андреевич	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	общая слабость
Носников Петр Тимофеевич	Холмогорский район, с. Юшковская	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	рак желудка

Молчанов Прокопий Васильевич	Устьянский район, д. Кузоверская	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Куусиккоселькя	энтерит
Меншуткин Николай Александрович	Ровдинский район, Благовещенский сельсовет, д. Колодино	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	заболевание легких
Моор Оскар Йосифович	неизвестно	неизвестно	гангрена
Морев Николай Иванович	неизвестно	Российская Федерация, Олонецкий район республики Карелия, захоронение при 17-м лагере военнопленных	ревматизм и голодание
Морозов Александр Егорович	Плесецкий район, д. Плешковская	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных Лаппеэнранта	огнестрельное ранение в грудь и расслоение аорты
Новоселов Иван Васильевич	Устьянский район, д. Подгорная	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных Лаппеэнранта	общее недоедание
Москвин Афанасий Григорьевич	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	энтерит
Окладников Георгий Петрович	п. Малая Слобода	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	общая слабость

Мысов Акиндин Николаевич	неизвестно	Финляндия, в братской могиле близ г. Коккола	гнойный менингит
Богданов Василий Федорович	неизвестно	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере Тиенхаара (окраина Селезнево)	энтерит
Осташов Евгений Евгеньевич	д. Мосеево	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере военнопленных близ Перкъярви (п. Кирилловское)	огнестрельное ранение в спину
Остряков Пимен Диодорович	д. Байкалово	Российская Федерация, Мурманская область, Куолоярви, захоронение военнопленных	огнестрельное ранение
Ожегов Анфинаген Михайлович	Вилегодский район, д. Нестеровская	Российская Федерация, Олонецкий район респ. Карелия, захоронение при лагере военнопленных близ Ковера	энтерит
Осипов Николай Павлович	Холмогорский район, село Верхние Матигоры	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Маткакумпу	неизвестно
Осуров Иван	неизвестно	Российская Федерация, респ.	энтерит

Ефимович		Карелия, захоронение при лагере военнопленных близ Куркиёки	
Широхов Тимофей Андреянович	д. Леушинская	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере Тиенхаара (окраина Селезнево)	энтерит и истощение
Пластинин Александр Федорович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Тектом (рядом с Ханко)	недоедание
Шишкин Федор Иванович	Приозерный район	Финляндия, провинция Кюми, захоронение при военном госпитале близ Утти	генерализованная водянка
Плотников Аркадий Николаевич	д. Антоновская	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Настола	водянка
Подсекин Сергей Павлович	г. Архангельск	Финляндия, в братской могиле близ г. Коккола	энтерит
Щербинин Петр Михайлович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Паатене	неизвестно
Щетинин Павел Павлович	неизвестно	Финляндия, захоронение в Карвиа-Паркано, Рихкаанмяки	общая слабость

Швецов Павел Иванович	Няндомский район, д. Наволок	Финляндия, захоронение близ тюрьмы в Каннус	обморожение и огнестрельное ранение
Сафонов Александр Петрович	Мезенский район, д. Кимжа	Финляндия, захоронение в братской могиле близ Настола	пневмония
Полуков Клавдий Федорович	Шенкурский район, д. Никитинское	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Настола	анемия и острый энтерит
Сидоров Михаил Аверьянович	неизвестно	Российская Федерация, респ. Карелия, захоронение при лагере военнопленных близ Куркиёки	недоедание
Агафонов Михаил Григорьевич	д. Пушлахта	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере Тиенхаара (окраина Селезнево)	голодание, водянка и обморожение
Сафонов Михаил Александрович	неизвестно	Российская Федерация, Олонецкий район респ. Карелия, захоронение при лагере военнопленных близ Ковера	неизвестно
Сидоровский Александр Иванович	неизвестно	Финляндия, провинция Кюми, захоронение при военном госпитале близ Утти	отит и водянка

Силуянов Алексей Васильевич	Верхнетоемский район, д. Борисовская	Российская Федерация, захоронение при лагере военнопленных близ Кирву, Юликууну	заболевание легких
Синицкий Степан Алексеевич	д. Бакулинская	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	общая слабость
Паномаров Леонид Григорьевич	Приозерный район, Заднедубровский сельсовет	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных Лаппеэнранта	голодание
Сивков Петр Александрович	д. Горки	Финляндия, провинция Кюми, захоронение при военном госпитале близ Утти	водянка и энтерит
Семин Михаил Тимофеевич	Коношский район, д. Ершовская	Российская Федерация, Олонецкий район республики Карелия, захоронение при 17-м лагере военнопленных	болезни сердца и желудка
Распопов Иван Александрович	неизвестно	Российская Федерация, Олонецкий район республики Карелия, захоронение при 17-м лагере военнопленных	ревматизм и болезни сердца
Скоморохов Николай Федорович	Приморский район, д. Студименское	Финляндия, Лапландия, Кеми, Аджос,	диарея

		захоронение военнопленных	
Попов Григорий Павлович	неизвестно	Российская Федерация, захоронение военнопленных в районе Петрозаводска	голодание
Попов Михаил Петрович	Виноградовский район	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных Лаппеэнранта	пневмония и энтерит
Попов Николай Павлович	д. Гора	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	плеврит
Попов Павел Борисович	неизвестно	Финляндия, Лапландия, Кеми, Айосаари, захоронение военнопленных	общая слабость
Попов Семен	неизвестно	Финляндия, захоронение в Карвиа-Паркано, Рихкаанмяки	общая слабость
Попов Степан	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных Лаппеэнранта	ушиб
Попов Василий Сергеевич	неизвестно	Российская Федерация, захоронение близ Сортавала	острый гепатит
Поспелов Александр Игнатьевич	г. Онега	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	общая слабость

Агапитов Георгий Георгиевич	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	острый энтерит
Рюмин Михаил Михайлович	неизвестно	Финляндия, захоронение близ Раудаскюля	заражение крови
Басарьев Никита Яковлевич	неизвестно	Российская Федерация, захоронение военнопленных в районе Петрозаводска	голодание
Прохоров Андрей Антонович	д. Нюхча	Финляндия, в братской могиле близ г. Коккола	энтерит
Шергин Михаил Александрович	неизвестно	Российская Федерация, респ. Карелия, захоронение при лагере военнопленных близ Томица	голодание
Шерстобитов Константин Михайлович	неизвестно	Финляндия, захоронение близ Раудаскюля	катаральная пневмония
Рудаков Иван Андреевич	Ровдинский район, Благовещенский сельсовет д. Кузьминская	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	недоедание
Шестаков Александр Алексеевич	неизвестно	Финляндия, Лапландия, Кеми, Аджос, захоронение военнопленных	общая слабость
Шестаков Николай	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	недоедание

Путин Георгий Филипович	д. Малышкино	Финляндия, в братской могиле близ г. Коккола	голодание
Шарин Иван Григорьевич	д. Кузомень	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Соппикюля	голод и диарея
Шадрин Василий Иванович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	недоедание
Седунов Григорий Афанасьевич	неизвестно	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере Тиенхаара (окраина Селезнево)	голодание
Секарев Леонид Захарович	д. Онишово	Финляндия, провинция Кюми, захоронение при военном госпитале близ Утти	энтерит
Селевков Александр	неизвестно	Финляндия, Суомуссалми, Юнтусранта- Пииспансалми	огнестрельное ранение в голову
Селезнев Григорий Николаевич	д. Верхнее Ладино	Российская Федерация, респ. Карелия, захоронение в районе Мааселя	заболевание легких
Севастьянов Иван Васильевич	Верхнетоемский район, д. Ларионовская	Финляндия, Лапландия, Кеми, Аджос, захоронение военнопленных	диарея

Семушин Николай Николаевич	д. Самотворовская	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	недоедание
Шабалин Михаил Васильевич	п. Березник	Российская Федерация, респ. Карелия, захоронение близ Питкяранта	самоубийство
Семенов Константин Евгеньевич	Коношский район, д. Вельцы	Финляндия, захоронение близ фермы в Мустио	общая слабость, истощение и воспаление кишечника
Чаршинов Петр Михайлович	Коношский район, д. Толстая	Финляндия, Лапландия, Кеми, Аджос, захоронение военнопленных	диарея
Соболев Кузьма Кузьмич	Шенкурский район, д. Носовская	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных Лаппеэнранта	голодание
Батраков Кузьма Кузьмич	Холмогорский район	Российская Федерация, Ухтинский район Коми, под Васоваара, 500 метров западнее лагеря военнопленных, слева от дороги.	сердечная недостаточность
Софрыгин Федор Федорович	д. Синики	Российская Федерация, недалеко от Ваммельсуу (п. Серово), лесной участок купца К. Реймана	огнестрельное ранение в бок
Боровский Петр Иванович	Няндомский район, д. Маниковская	Финляндия, захоронение при лагере	заражение крови

		военнопленных близ Наараярви	
Сокол Василий Павлович	неизвестно	Российская Федерация, Олонецкий район республики Карелия, захоронение при 17-м лагере военнопленных	боли в животе
Соколов Андрей Федорович	Приозерный район, д. Большие Кривцы	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	энтерит
Успасский Андрей Иванович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	общая слабость
Таразанов Константин Павлович	Онежский район, д. Кривой Пояс	Финляндия, Лапландия, Кеми, Айосаари, захоронение военнопленных	общая слабость
Чирков Павел Иванович	Сольвычегодский район, д. Крутец	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	общая слабость
Таратин Иван Андреевич	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Тектом (рядом с Ханко)	недоедание
Солков Василий Николаевич	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных №23 Оливеси, Ротиала,	гастроэнтерит

		казарменное кладбище	
Чухарев Петр Андреевич	неизвестно	Финляндия, Лапландия, Симо, захоронение военнопленных	диарея
Вахрамеев Владимир Александрович	неизвестно	Российская Федерация, захоронение в районе д. Виркиля	сердечная недостаточность
Вакурин Егор Дмитриевич	д. Прокино	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Настола	недоедание и энтерит
Туисов Василий Иванович	Плесецкий район, д. Юрмала	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере Тиенхаара (окраина Селезнево)	катаральная пневмония и заболевания легких
Тумбальцев Василий Михайлович	неизвестно	Финляндия, захоронение военнопленных близ Суурниemi	общее отсутствие аппетита
Тетерин Павел Иванович	д. Меркулово	Российская Федерация, захоронение военнопленных близ Муолаа	огнестрельное ранение
Тярзев Евдоким Алексеевич	Мезенский район	Финляндия, Лапландия, Кеми, Аджос, захоронение военнопленных	диарея
Тяпуев Александр Афанасьевич	д. Погорелец	Финляндия, Лапландия, Кеми, Аджос,	энтерит

		захоронение военнопленных	
Токарев Николай Семенович	д. Савинская	Финляндия, захоронение близ фермы в Мустио	острый энтерит
Великанов Михаил Степанович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Тектом (рядом с Ханко)	сердечная недостаточность
Верховцев Семен Сергеевич	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	дизентерия
Верецагин Михаил Федорович	неизвестно	Финляндия, Лапландия, Кеми, Аджос, захоронение военнопленных	общая слабость
Веселков Дмитрий Михайлович	неизвестно	Российская Федерация, захоронение военнопленных в районе Петрозаводска	пневмония
Вешников Павел Иванович	Красноборский район, д. Алферовская	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере Тиенхаара (окраина Селезнево)	острый энтерит
Ветошин Николай Луканович	неизвестно	неизвестно	сердечная недостаточность
Викулин Василий Иванович	Каргопольский район, д. Игнатовка	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	сердечная недостаточность

Вилачев Василий Васильевич	Виноградовский район, д. Леонтьевская	Российская Федерация, захоронение военнопленных близ Кивиниеми (п. Лосево)	голод и лихорадка
Вижащий Федор Матвеевич	Пинежский район, д. Пепино	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	пневмония
Бугаев Яков Федорович	д. Валдушки	Финляндия, в братской могиле близ г. Коккола	энтерит и голодание
Вохтомин Петр Егорович	Коношский район, д. Вельцы	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Оулу	самоубийство
Сухопаров Михаил Ильич	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Соппикюля	водянка и голодание
Суетин Андрей Тимофеевич	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных Лаппеэнранта	бронхит
Стрелков Алексей Федорович	Шенкурский район, д. Макушевская.	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных Лаппеэнранта	голодание
Сватковский Анатолий Михайлович	неизвестно	Российская Федерация, захоронение военнопленных в районе Петрозаводска (6 км. в сторону Сюяри)	высокая температура

Булатов Яков Афанасьевич	Устьянский район, д. Васильевская	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Вяртсиля	хронический энтерит
Ахтуков Семен Иванович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	общая слабость
Баженов Василий Иванович	неизвестно	Финляндия, Лапландия, Кеми, Адjos, захоронение военнопленных	заболевание миокарда
Воронцов Иван Петрович	Виноградовский район	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных Лаппеэнранта	заболевание легких
Воронцов Василий Арсеньевич	неизвестно	Финляндия, захоронение близ тюрьмы в Каннус	заболевание легких
Всемушин Яков Константинович	неизвестно	Финляндия, в братской могиле близ г. Коккола	заражение крови
Высокин Павел Иванович	Коношский район, д. Спасская	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Настола	дегенерация миокарда и недоедание
Загорин Иван	неизвестно	Финляндия, в братской могиле близ г. Коккола	энтерит
Жарикин Анатолий Павлович	Красноборский район, д. Федоровская	Российская Федерация, Олонецкий район республики Карелия, захоронение при 17-м лагере военнопленных	порок сердца

Жидконогов Ефим Николаевич	д. Нижмозеро	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	гастрит
Афанасьев Анатолий Александрович	Ленский район, с. Тохта	неизвестно	неизвестно
Житов Павел Николаевич	д. Евдокимовская	Финляндия, в братской могиле близ г. Коккола	заболевание легких
Журавлев Дмитрий Прокофьевич	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	общая слабость
Бурдаев Афанасий Иванович	неизвестно	Финляндия, Лапландия, Кеми, Айосаари, захоронение военнопленных	общая слабость
Нечаев Алексей Александрович	д. Погост	Финляндия, провинция Кюми, захоронение при военном госпитале близ Утти	гастрит, анемия и сильная слабость
Бурмистров Виктор Александрович	неизвестно	Финляндия, Суомуссалми, Пииспаярви, захоронение военнопленных	заболевание легких
Звягинцев Иван Матвеевич	д. Романовская	Российская Федерация, захоронение военнопленных в районе Петрозаводска	огнестрельное ранение
Золотиков Петр Игнатьевич	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Настола	атрофия

Кахилев Александр Григорьевич	неизвестно	неизвестно	неизвестно
Заколупин Григорий Иванович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных Лаппеэнранта	обморожение, огнестрельное ранение и заражение крови
Заляжин Александр Александрович	Приозерный район	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	энтерит
Зенов Александр Михайлович	Вельский район	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных Лаппеэнранта	умер от ран
Матвеев Андрей Поликарпович	д. Петрова	неизвестно	неизвестно
Буторин Алексей Михеевич	Холмогорский район	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере близ Лииматта («Лазаревка»)	огнестрельное ранение
Буторин Арефи Павлович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Настола	энтерит
Буторин Иван Алексеевич	п. Усть-Поча	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере Тиенхаара (окраина Селезнево)	голод

Буторин Прокопий Андреевич	д. Тарасовская	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных Лаппеэнранта	огнестрельное ранение, перфорация брюшной стенки и перелом
Никитин Александр Иванович	неизвестно	неизвестно	неизвестно
Осинин Сергей Васильевич	неизвестно	неизвестно	неизвестно
Поманенков Степан Игнатьевич	г. Архангельск	Финляндия, Лапландия, Кеми, Аджос, захоронение военнопленных	неизвестно
Попов Василий Степанович	Устьянский район	неизвестно	неизвестно
Арчков Федор Иванович	Ленский район, д. Белопашино	неизвестно	неизвестно
Бызов Иван Петрович	неизвестно	Финляндия, захоронение близ фермы в Мустио	неизвестно
Спицын Григорий Яковлевич	д. Нижняя Ваеньга	неизвестно	неизвестно
Варламов Николай Александрович	неизвестно	неизвестно	неизвестно
Звягин Иван Федорович	г. Архангельск	неизвестно	неизвестно
Залеских Петр Васильевич	Приозёрный район, д. Залесье	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Тектом (рядом с Ханко)	голодание и сильная слабость
Белков Иосиф Иванович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере	энтерит

		военнопленных Лаппеэнранта	
Бельшов Константин Афанасьевич	Пинежский район, д. Матвера	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	общая слабость
Бибин Василий Андреевич	неизвестно	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере Тиенхаара (окраина Селезнево)	голодание, отеки и асцит
Бярков Дмитрий Филимонович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных Лаппеэнранта	голодание
Белозеров Григорий Степанович	д. Мишутиха	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	дизентерия
Белозеров Михаил Степанович	неизвестно	Российская Федерация, Выборгский район, Раутакорпи, захоронение военнопленных	голодание
Беляхин Николай Григорьевич	д. Аверин Починок	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	недоедание
Галасьев Николай Степанович	д. Карельское	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Салла	огнестрельное ранение

Галышев Федор Дмитриевич	д. Нюхча	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Настола	заболевание легких
Глазышев Федор Алексеевич	неизвестно	Финляндия, в братской могиле близ г. Коккола	огнестрельное ранение и заражение крови
Гоголевский Венъямин Матьевич	д. Гоголево	Финляндия, Лапландия, Кеми, Аджос, захоронение военнопленных	атрофия
Головин Николай Петрович	Красноборский район	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Настола	пневмония
Горбунов Василий Васильевич	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Риитасенсуо	огнестрельное ранение
Горяев Михаил Дмитриевич	д. Никулинская	Российская Федерация, Выборгский район, Раутакорпи, захоронение военнопленных	апоплексия
Абрамов Алексей Емельянович	д. Спирово	неизвестно	абсцесс на колене
Федосьев Александр Кондратович	неизвестно	неизвестно	неизвестно
Грибов Георгий Федорович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Piltso	перитонит

Григорьев Федор Никифорович	неизвестно	Российская Федерация, Олонецкий район республики Карелия, захоронение при 17-м лагере военнопленных	ревматический эндокардит
Филев Александр Иванович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Кёюлиё	огнестрельное ранение
Филимонов Евгений Федорович	неизвестно	Финляндия, в братской могиле близ г. Коккола	острый энтерит
Филиповский Федорович Андреевич	Вельский район, д. Порядинская	неизвестно	неизвестно
Губкин Николай Михайлович	д. Чешегора	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере Тиенхаара (окраина Селезнево)	голод и воспаление кишечника
Гурьев Петр Александрович	неизвестно	Финляндия, Суомуссалми, Юнтусранта, захоронение военнопленных рядом с лагерем	общая слабость
Фомин Александр Иванович	Плесецкий район, с. Савинск	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Настола	крупозная пневмония
Фомин Степан Васильевич	д. Максимовская	Финляндия, захоронение в Карвиа-Паркано, Рихкаанмяки	общая слабость

Давыдов Яков Андреевич	д. Пустошь	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Раудаскюля	заболевание легких
Давыдов Михаил Иванович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	энтерит
Дудоровский Александр Васильевич	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Настола	заболевание легких
Денисов Николай Лукич	д. Кучкас	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Раудаскюля	катаральная пневмония
Дианов Дмитрий Кузьмич	д. Красниковская	Российская Федерация, захоронение военнопленных в районе Петрозаводска	истощение и водянка
Долгобородов Павел Иванович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Раудаскюля	заражение крови
Долгобородов Федор Тихонович	неизвестно	Финляндия, Лапландия, Кеми, Аджос, захоронение военнопленных	общая слабость
Дубинин Николай Абрамович	Ровдинский район	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных Лаппеэнранта	огнестрельное ранение в голову
Хабаров	д. Ереминская	Российская Федерация,	огнестрельное ранение и

Павел Николаевич		Выборгский район, захоронение при лагере Тиенхаара (окраина Селезнево)	частичный паралич
Хаймусов Иван Михайлович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	сифилис
Яблоков Николай Андреевич	неизвестно	Финляндия, захоронение близ фермы в Мустио	застрелен при побеге
Яковлев Алексей Павлович	д. Лавела	Российская Федерация, захоронение при лагере военнопленных близ Кирву, Юликууну	энтерит
Яковлев Сава Михайлович	Мезенский район, д. Езевец	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Тектом (рядом с Ханко)	сердечная недостаточность
Хухрин Федор Филипович	Вельский район, д. Селиваново	Российская Федерация, захоронение при лагере военнопленных близ Каукъярви	голодание
Андреев Григорий Павлович	неизвестно	Финляндия, Суомуссалми, Юнтусранта, захоронение военнопленных рядом с лагерем	сгорел в огне
Иконников Павел Степанович	неизвестно	Российская Федерация, захоронение военнопленных в	неизвестно

		районе Петрозаводска	
Иконников Сергей	Онежский район, д. Пияла	Российская Федерация, захоронение военнопленных в районе Коскенала	огнестрельное ранение в голову
Ильин Виктор Степанович	Вилегодский район, д.Пирогово	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	энтерит
Андреев Михаил Петрович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	энтерит, голод
Исаков Иван Александрович	д. Погорелка	Российская Федерация, Олонецкий район респ. Карелия, захоронение при лагере военнопленных близ Ковера	недоедание
Еловский Иван Васильевич	неизвестно	Российская Федерация, респ. Карелия, захоронение военнопленных близ Кархумяки (Медвежьегорск)	огнестрельное ранение в грудь
Епифанов Павел Кузьмич	Онежский район, с. Порог	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере Тиенхаара (окраина Селезнево)	голодание и чесотка
Ермолин Михаил Степанович	д. Бор	Финляндия, в братской могиле близ г. Коккола	голодание

Ерофеевский Александр Федорович	неизвестно	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере Тиенхаара (окраина Селезнево)	агония
Иванов Николай Петрович	неизвестно	Российская Федерация, респ. Карелия, захоронение при лагере военнопленных близ Томица	энтерит
Иванов Сергей Петрович	неизвестно	Российская Федерация, респ. Карелия, захоронение при лагере военнопленных близ п. Вознесение	огнестрельное ранение и перитонит
Абрамовский Андрей Андреевич	д. Козицынская	Финляндия, Лапландия, Кеми, Айосаари, захоронение военнопленных	крупозная пневмония
Изотов Яков Петрович	г. Архангельск	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	общая слабость
Евдокимов Дмитрий Павлович	неизвестно	Российская Федерация, Олонецкий район республики Карелия, захоронение при 17-м лагере военнопленных	порок сердца и плеврит
Киткин	Виноградовский район	Российская Федерация,	тяжелый энтерит

Симеон Михайлович		Олонецкий район республики Карелия, захоронение при 17-м лагере военнопленных	
Калинин Степан Михайлович	неизвестно	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере Тиенхаара (окраина Селезнево)	голодание
Калитин Григорий Макарович	п. Усть-Поча	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере Тиенхаара (окраина Селезнево)	голодание и водянка
Аншуков Александр Иванович	неизвестно	Российская Федерация, Олонецкий район республики Карелия, захоронение при 17-м лагере военнопленных	гастроэнтерит
Карелин Михаил Иванович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	плеврит
Кашин Петр Ефимович	Устьянский район, д. Грунцовская	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере близ Лииматта («Лазаревка»)	плеврит

Катасонов Николай Дмитриевич	г. Архангельск	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение военнопленных близ Суур- Мерийоки	заболевание легких
Катрехов Ефим Александрович	Шенкурский район, д. Леушинская	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных Лаппеэнранта	голодание
Антонов Дмитрий Иванович	д. Кузьминская	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Настола	энтерит и недоедание
Климантов Алексей Ефтронович	д. Подволочье	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере Тиенхаара (окраина Селезнево)	энтерит и чесотка
Кобелев Павел Ефдокимович	Пинежский район, д. Шаста	Российская Федерация, захоронение военнопленных близ Кивиниеми (п. Лосево)	пневмония
Кокшаров Дмитрий Александрович	Лешукоский район, д. Смоленец	Российская Федерация, респ. Карелия, захоронение при лагере военнопленных близ Томица	энтерит
Юрин Ефим Константинович	с. Павловск	Финляндия, захоронение при лагере	порок сердца

		военнопленных близ Настола	
Колесов Яков Михайлович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Вааса	слабость
Комольцев Николай Алексеевич	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных Лаппеэнранта	заболевание легких
Кононов Александр Михайлович	Котласский район, д. Езюкино	Российская Федерация, захоронение военнопленных в районе Петрозаводска	гангрена голени
Лашев Василий Григорьевич	д. Пестово	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных Лаппеэнранта	катаральная пневмония
Коптяев Иван Александрович	д. Чуриловская	Финляндия, Лапландия, Кеми, Айосаари, захоронение военнопленных	диарея
Копылов- Фельдман Яков Наимович	неизвестно	Финляндия, в братской могиле близ г. Коккола	энтерит
Корнилов Федор Матвеевич	неизвестно	Российская Федерация, Олонецкий район республики Карелия, Вителе, Суурмяки	застрелен
Летавин Григорий Иванович	Устьянский район, Шеломечко д.	Российская Федерация, Выборгский район, Раутакорпи,	голодание

		захоронение военнопленных	
Лопаткин Александр Андреевич	д. Ванево	Финляндия, Лапландия, Кеми, Аджос, захоронение военнопленных	общая слабость
Лосенков Александр Степанович	неизвестно	Российская Федерация, респ. Карелия, захоронение при лагере военнопленных близ Томица	голод и воспаление кишечника
Лазарев Михаил Александрович	д. Конокса	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере Тиенхаара (окраина Селезнево)	острый энтерит
Королев Михаил Григорьевич	Няндомский район	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	недоедание
Лебедев Яков Алексеевич	д. Лампожня	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при Вахвиала, Ханхийоки	огнестрельное ранение
Кулаков Иван Федорович	Приозерный район	Российская Федерация, респ. Карелия, захоронение военнопленных близ Кархумяки (Медвежьегорск)	заболевание легких
Кулаков	Устьянский район	Российская Федерация,	хронический миокардит

Сергей Петрович		захоронение военнопленных близ Кивиниеми (п. Лосево)	
Лемуткин Алексей Васильевич	Шенкурский район, д. Акишиха	Российская Федерация, захоронение военнопленных в районе Петрозаводска (6 км. в сторону Сювяри)	неизвестно
Логачев Анатолий Иванович	неизвестно	Российская Федерация, захоронение военнопленных близ Тулема	огнестрельное ранение
Кулижский Осип Алексеевич	д. Матигоры	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере Тиенхаара (окраина Селезнево)	энтерит
Кошелев Василий Егорович	Устьянский район, д. Белоусово	Российская Федерация, респ. Карелия, захоронение при лагере военнопленных близ Томица	водянка и энтерит
Кунников Егор Федорович	неизвестно	Финляндия, в братской могиле близ г. Коккола	голодание
Лисицын Виктор Матвеевич	неизвестно	Финляндия, Лапландия, Кеми, Айосаари, захоронение военнопленных	диарея
Листов Афанасий Иванович	Лешуконский район, с. Ценогора	Финляндия, захоронение	неизвестно

		военнопленных близ Руоколахти	
Ляпунов Михаил Степанович	Онежский район, д. Фехтальма	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	дизентерия
Лыжин Иван Петрович	Моржегорский сельсовет	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных Лаппеэнранта	внезапная инфекция
Лукин Василий	неизвестно	Финляндия, Лапландия, Кеми, Аджос, захоронение военнопленных	энтерит и диарея
Ковров Андрей Саватьевич	Виноградовский район	Финляндия, кладбище 5-й роты военной полиции	абсцесс в легком и заражение крови
Азорин Павел Матвеевич	Устьянский район	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Рованиеми	энтерит
Кузнецов Николай Кириллович	д. Новая Роспашь	Российская Федерация, Выборгский район, захоронение при лагере Тиенхаара (окраина Селезнево)	атрофия
Кузьмин Александр Андреевич	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных Лаппеэнранта	неизвестно
Квашнин Иван Иванович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере	энцефалит

		военнопленных близ Наараярви	
Кузнецов Феодосий Михайлович	г. Котлас	Финляндия, Лапландия, Кеми, Аджос, захоронение военнопленных	диарея
Кузнецов Иван Яковлевич	д. Чурковская	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Настола	энтерит
Кузминовский Михаил Иванович	неизвестно	Финляндия, в братской могиле близ г. Коккола	умер от ран
Пахов Семен Петрович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Эвярви	заболевание, вызванное дефицитом витаминов
Панов Павел Иванович	неизвестно	Финляндия, захоронение близ фермы в Мустио	общая слабость и дефицит витаминов
Пантюхин Сергей Иванович	с. Межное	Финляндия, захоронение близ Семсваара	острый аппендицит и перитонит
Парамонов Павел Александрович	неизвестно	Финляндия, захоронение при лагере военнопленных близ Наараярви	голодание
Макаров Василий Александрович	неизвестно	Российская Федерация, респ. Карелия, захоронение близ Соанлахти	неизвестно
Патрушев Василий Иванович	Приозерный район	Российская Федерация, захоронение близ Нахкурила (п. Горское)	огнестрельное ранение

Нефедов Александр Петрович	Виноградовский район, д. Коверниковская	Финляндия, Лапландия, Кеми, Аджос, захоронение военнопленных	диарея
----------------------------------	---	--	--------